Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет
имени М.К. Аммосова»

На правах рукописи

Степанова Варвара Егоровна

ТВОРЧЕСТВО С.С. ВАСИЛЬЕВА-БОРОГОНСКОГО: ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОКИ, ПОЭТИКА

Специальность:
10.01.02 – Литература народов Российской Федерации
(якутская литература)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор П.В. Сивцева-Максимова

Якутск 2022

Оглавление

Введение…… 3

Глава 1. О жизни и творчестве С.С. Васильева-Борогонского…….. 13
1.1. Основные факты биографии и общественной деятельности поэта, периодизация творчества …….. 13
1.2. Влияние национального стиля классиков якутской литературы на формирование авторской индивидуальности С.С. Васильева…… 37

Глава 2. Фольклорные истоки поэзии С.С. Васильева-Борогонского… 55
2.1. Традиции фольклора в жанровых поисках автора…… 55
2.2. Художественные функции образов фольклора…….. 81
2.3. Поэтика: анализ языка произведений С.С. Васильева……. 95
2.3.1. Повторы..... 97
2.3.2. Градация. Параллелизмы..... 102
2.3.3. Риторические фигуры..... 111

Глава 3. Литературные олонхо для детского чтения в творческом наследии С.С. Васильева-Борогонского…….. 119
3.1. Архивные фонды – основные источники изучения истории авторских текстов…… 119
3.1.1. Описание архива С.С. Васильева……. 119
3.1.2. Сравнительный анализ рукописей адаптированных текстов олонхо для детского чтения…… 125
3.2. Художественные особенности олонхо для детей: вопросы классификации…… 135
3.2.1. Литературные олонхо в творчестве якутских писателей…… 135
3.2.2. Классификация авторских олонхо С.С. Васильева…… 144
3.3. Структурный анализ литературного олонхо «Эрчимэн Бэргэн»……. 156
3.3.1. Система образов…….... 157
3.3.2. Сюжет и композиция……. 165
3.3.3. Изобразительные средства и особенности стиха олонхо..... 170

Заключение…… 179

Список использованной литературы и источников…… 183

Введение

Актуальность темы исследования определяется тем, что в современном литературоведении усиливается интерес к изучению индивидуального стиля писателя, связанного с эстетикой его художественного творчества и особенностями мировоззрения. Стремление к исследованию проблемы творческого наследия отдельного писателя, имеющее значение в развитии литературы в целом, раскрывает истоки его творчества как основы литературной деятельности. В этом ракурсе в исследованиях В.А. Бигуаа утверждается, что изучение творчества писателей необходимо для установления «концепции истории национальной литературы», ввиду того, что писатель является прямым участником литературного процесса [52, с. 241]. Изучение данного вопроса, по мнению Х.И. Бакова, У.М. Панеша и др. исследователей, должно проводиться в тесной связи с историей развития литературы, учитывая эстетические, художественные взгляды самого писателя [43, с. 117].

В отечественном литературоведении данные вопросы рассматриваются в аспектах изучения концепции личности и в непосредственной связи с фольклорной поэтикой, являющимися одними из истоков творчества писателя и формирования его идиостиля. В работах известных исследователей Е.А. Александровой, Н.П. Андреева, В.Г. Базанова, М.М. Бахтина, С.Г. Лазутина, А.М. Новиковой, В.Я. Проппа и др. предложено научное осмысление данных проблем, позволяющих определить специфику влияния фольклора на творчество писателей и на литературу в целом. В этом ракурсе особое внимание в работах К.К. Султанова уделяется «…проблеме корреляции «национального своеобразия» и «художественной ценности» литературного произведения в целом, что связывается с вопросами влияния народных традиций в развитии литератур, роли и значения фольклорных заимствований [178, с. 3].

В якутском литературоведении наблюдается повышение интереса к творчеству писателей, которые оставили оригинальное наследие художественно-эстетического плана, что подтверждается в трудах А.А. Бурцева, П.В. Максимовой,

В.Б. Окороковой, В.Г. Семеновой, Л.Н. Романовой, Е.А. Архиповой, О.Г. Сидорова и др. В монографических исследованиях о творчестве и мировоззрении якутских писателей и поэтов рассматриваются вопросы стиля и мастерства. В силу того, что литература народа саха развивалась в преемственной связи с устным народным творчеством и его модификациями в произведениях писателей, определяются научные подходы к осмыслению таких вопросов, как эволюция литературных жанров, расширение тематики, образов произведений. В этом отношении проблемы взаимной связи фольклора и литературы являются одними из актуальных.

Творческое наследие поэта Сергея Степановича Васильева-Борогонского (1907-1975) занимает заметное место в истории якутской литературы. Его поэтическая индивидуальность, основанная на традициях якутского фольклора, проявляется в творческом переосмыслении формульных выражений, повторов, присущих текстам народного эпоса и песен, в обращениях к жанровым формам песенной культуры и обрядовой поэзии саха. Поэт на основе обрядовой поэзии – клятвы, заклинания, благопожелания, а также народных песен-импровизаций – в 1940-1960-е гг. написал произведения, самобытные по содержанию и форме. Литературные олонхо поэта, созданные им специально для детского чтения в 1950-60-е гг., отличаются четкой организованностью: оригинальной вступительной частью, систематизацией монологов классического типа, богатством образных средств. Многие стихотворные произведения С.С. Васильева написаны в формах аллитерационного стиха. Народность его художественного творчества проявляется в использовании синтаксических, строфических параллелизмов, соответствующих национальным стихообразующим канонам якутской устной поэзии.

С.С. Васильев является признанным поэтом-новатором: автором романа в стихах «Аччыгый уол» («Младший сын», 1961), поэмы-баллады «Улуу Ильмень» («Священный Ильмень», 1967), автором оригинальной пейзажной и любовной лирики. Но, по мнению многих литературоведов, его творчество в настоящее время изучено недостаточно. В этом плане выявление особенностей поэтики творчества С.С. Васильева в контексте фольклорных традиций, изучение истории создания

литературных олонхо в аспектах анализа авторской индивидуальности представляют одно из актуальных направлений в якутском литературоведении в целом. Специальных работ, посвященных творчеству поэта, полно раскрывающих особенности его поэтики, языка, стихосложения в аспектах традиций фольклора, пока не создано и этим обосновывается актуальность изучения поэзии Сергея Васильева.

Степень научной разработанности темы. Основные вопросы поэтики раскрываются в теоретических работах фольклористов и литературоведов В.П. Аникина, В.М. Гацака, В.М. Жирмунского, Е.М. Мелетинского, В.Я. Проппа и др. Предметом их исследований является специфика фольклорных жанров, образов, сюжетов, поэтического языка и стилистики, а также аспекты фольклорных начал литературных произведений. Проблемам преемственности и роли фольклорных традиций в художественной литературе посвящены работы В.Г. Базанова, П.С. Выходцева, Д.Н. Медриша, Г.Н. Поспелова, Л.И. Тимофеева, М.Б. Храпченко и др. Данные вопросы в истории национальных литератур выступают предметом специальных исследований А.И. Алиевой, У.Б. Далгат, А.Л. Кошелевой, Н.С. Майнагашевой, С.С. Суразакова, М.А. Унгвицкой и др. Новое осмысление вопросов литературного процесса, взаимосвязей фольклора и литературы представлено в работах В.А. Бигуаа, К.К. Султанова, Н.А. Хуббитдиновой и др. Значительный вклад по изучению вопросов взаимодействия литературы и фольклора малочисленных народов Севера внесены Ю.Г. Хазанкович, в ее работах рассматриваются теоретические аспекты фольклорных модификаций в творчестве Ю. Рытхэу, В. Санги, Г. Кэптукэ и др.

Исследование вопросов влияния и взаимосвязи якутского фольклора и литературы проводится в трудах Г.М. Васильева, В.Т. Петрова, И.В. Пухова, Н.Н. Тобурокова. Ими обосновываются фундаментальные проблемы по теоретическим вопросам якутской литературы. В работах исследователей устанавливаются фольклорные истоки в зарождении якутской литературы, что влияло на внутреннее наполнение художественных образов и подчеркивало художественные особенности произведений.

Многими якутскими литературоведами исследуются вопросы творческого наследия: авторского стиля и поэтики произведений классиков А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова, П.А. Ойунского. Так творческое наследие А.Е. Кулаковского исследуется в ракурсах перехода от устной традиции к письменной, трансформации фольклорных текстов (Н.В. Покатилова, Л.Н. Романова). Жанровые особенности, эволюция, своеобразие авторского стиля, особенности поэтики произведений рассматриваются А.А. Бурцевым, П.В. Максимовой, Н.Н. Тобуроковым. Большой вклад в изучение и современное осмысление творчества А.И. Софронова, П.А. Ойунского внесли своими трудами В.Б. Окорокова, В.Г. Семенова. Особое внимание уделяется изучению истоков художественного наследия классиков, освещению аспектов становления поэзии, зарождения прозы и драматургии в якутской литературе.

Среди исследований, посвященных изучению специфики творчества известных якутских писателей и поэтов, их художественного мастерства, значительными являются работы Е.А. Архиповой, Н.В. Бурцевой, С.И. Егоровой, Е.М. Ефремовой, М.А. Кириллиной, М.П. Поповой, Е.С. Руфовой, Т.П. Самсоновой и др. В их основных работах представлены исследования по творчеству И.Е. Слепцова-Арбиты, П.Н. Тобурокова, Л.А. Попова, И.М. Гоголева-Кындыл, Н.Е. Мординова-Амма Аччыгыйа, Н.Д. Неустроева, П.Н. Черных-Якутского, А.А. Иванова-Кюндэ и др.

В монографической работе Н.З. Копырина, посвященной творчеству С.С. Васильева, раскрываются вопросы художественных особенностей произведений поэта в контексте образных и изобразительно-выразительных средств якутской словесности [108]. Проблему поэтики произведений С.С. Васильева, написанных в годы войны, впервые в научный оборот ввела З.К. Башарина [48; 49]. Вопросы влияния жанровой системы фольклора на формирование самобытного стиля поэта затронуты в трудах А.А. Бурцева [57; 59], П.В. Максимовой [128]. Исследователями М.Н. Дьячковской [86], С.Е. Ноевой [136] рассмотрены художественные особенности романа в стихах С.С. Васильева. В работах Н.Н. Ефремова [90], Л.Е. Манчуриной [131], Г.Г. Филиппова [189]

затронуты вопросы стилистики и синтаксиса отдельных произведений поэта. Изучение общественной деятельности С.С. Васильева проведено в исследованиях Е.П. Антонова [34], Г.П. Башарина [45, 46], хронология творческой и трудовой биографии составлена дочерью поэта А.С. Поляковой [71].

Авторские олонхо, созданные якутскими писателями, исследованы в трудах эпосоведов Г.У. Эргиса [202], Н.В. Емельянова [88, 89], И.В. Пухова [155, 156], В.В. Илларионова [98-101], А.А. Кузьминой [113] и др. Тексты олонхо С.С. Васильева, созданные на основе устного эпического сказания и являющиеся «поэтическими пересказами» текстов героического эпоса впервые упоминаются в исследованиях И.В. Пухова [155]. Им подчеркивается художественное раскрытие обязательных эпизодов народного эпоса с героическим сюжетом и образами. Проблемы сюжета, композиции, изобразительных средств и особенностей восприятия детьми эпических текстов рассматриваются в работах Н.И. Филипповой [191], Е.М. Поликарповой [150], Е.П. Чехордуной [197], Р.Р. Жирковой [93], Н.Г. Никитиной [134] и др.

Но несмотря на определенное значение работ, вопросы творчества С.С. Васильева, а также поэтика его литературных олонхо в целом остаются недостаточно исследованными.

Таким образом, определяется необходимость специального изучения вопросов фольклорной поэтики на материалах наследия С.С. Васильева. Диссертационная работа посвящается изучению фольклорных истоков в поэзии С.С. Васильева, анализу рукописей его произведений, истории текстов прижизненных изданий авторских олонхо.

Объект исследования: художественное наследие С.С. Васильева: тексты поэтических произведений, прижизненные издания, рукописи и архивные фонды неизданных произведений и черновиков поэта.

Предмет исследования: пути и приемы освоения жанровых форм, образов, языковых средств фольклора в поэтическом творчестве С.С. Васильева и в создании им авторских олонхо для детского чтения.

Цель исследования: выявление исконных фольклорных традиций в поэтических произведениях С.С. Васильева, раскрытие художественных особенностей авторских олонхо в контекстах комплексного изучения его жизни и творческого наследия.

Для достижения цели в работе ставятся следующие **задачи**:

– представить биографические факты жизни С.С. Васильева на основе мемуарной литературы о нем; выявить основные сведения об особенностях его мировосприятия как основы творчества;

– выявить роль влияния национального стиля классиков якутской литературы на формирование авторского стиля С.С. Васильева на основе сравнительно-сопоставительного анализа художественного наследия поэтов;

– определить особенности творческого метода С.С. Васильева: раскрыть жанровое и художественное своеобразие его поэзии;

– установить параметры фольклоризма в творчестве: сравнить функционирование мотивов и образов, систему изобразительно-выразительных средств, стилистических приемов;

– представить историю текстов олонхо для детей с выявлением художественных особенностей в контексте изучения рукописей поэта;

– систематизировать элементы литературного олонхо: образное, словесное и звуковое строение; выявить особенности сюжета, композиционной структуры, стихосложения олонхо для детского чтения «Эрчимэн Бэргэн».

Материалы исследования: прижизненные издания художественных произведений С.С. Васильева-Борогонского, архивные материалы (рукописи, машинописные тексты, документы о жизни и творчестве), воспоминания современников, раскрывающие личность поэта.

Теоретико-методологическую основу диссертационной работы составляют фундаментальные труды теоретиков и специалистов в области отечественной литературы и исследования по проблемам поэтических и эстетических принципов художественного текста М.М. Бахтина, А.Н. Веселовского, В.М. Жирмунского, Д.С. Лихачева, Е.М. Мелетинского, Ю.Н. Тынянова, В.Е. Хализева, Л.В. Чернец,

К.К. Султанова, В.А. Бигуаа и др. Для комплексного изучения творчества и фольклорной поэтики произведений С.С. Васильева опираемся на работы В.Т. Петрова, В.А. Семенова, Н.З. Копырина, Н.Н. Тобурокова, А.А. Бурцева, П.В. Максимовой, М.Н. Дьячковской, Л.Н. Романовой и др.

Теоретическую основу исследований по созданию научной биографии писателей составили труды А.А. Демченко, М.В. Скороходова, Л.Р. Кулаковской и др. Для изучения биографии поэта С.С. Васильева опираемся на работы Г.П. Башарина, Е.П. Антонова, А.А. Бурцева.

При изучении поэтики литературных олонхо, а также выявлении особенностей сюжета, образов, стиха олонхо, созданных поэтом, придерживались главных принципов и положений, представленных в работах А.В. Кудиярова, И.В. Пухова, Н.В. Емельянова, В.В. Илларионова, А.П. Решетниковой др.

Основные принципы и положения, выдвинутые в работах Д.С. Лихачева, С.А. Рейсера, Б.В. Томашевского и др., выступают теоретической основой изучения истории текстов литературных олонхо. При проведении анализа рукописных текстов и изданий олонхо опирались на исследования И.В. Пухова, Н.В. Покатиловой и др. Особую ценность в данном аспекте представили работы Т.В. Илларионовой, А.А. Кузьминой, С.Д. Мухоплевой, Н.А. Оросиной и др.

Методы исследования: в работе используются герменевтический, сравнительно-исторический, биографический и текстологический методы литературоведения, в стиховедческом анализе поэтики произведений применяются виды и вариации статистического метода.

Научная новизна диссертации заключается в том, что на основе литературоведческих и фольклористических исследований проводится комплексное изучение биографии и творчества С.С. Васильева:

- определена роль устной народной поэзии в становлении его творчества, в формировании авторских предпочтений в жанровых поисках, языке и поэтике произведений;

- выявлены параметры фольклоризма поэзии С.С. Васильева в целом на основе изучения функциональных особенностей мотивов и образов, системы

изобразительно-выразительных средств, стилистических приемов, стиховой организации;

- впервые в научный оборот вводится описание архива поэта, раскрывающего историю текстов олонхо для детского чтения с выявлением текстологических особенностей в контексте изучения рукописей поэта;

- выявлены художественные и структурные элементы литературного олонхо «Эрчимэн Бэргэн»: образное, словесное и звуковое строение; особенности сюжета, композиционной структуры, стихосложения.

Практическая значимость исследования заключается в том, что основные выводы диссертационной работы могут быть использованы в последующем изучении творчества С.С. Васильева-Борогонского. Основные положения диссертационного исследования как итоги анализа значительных произведений поэта и текстов рукописей, прижизненных изданий литературных олонхо и выводы, сделанные на его основе, могут представить существенные практические материалы при составлении учебных пособий по якутской литературе, пособий для учителей средних специальных учебных заведений и общеобразовательных организаций.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Фольклорные истоки в поэтическом творчестве С.С. Васильева связаны с традициями исконной якутской словесности в атмосфере, в которой рос и воспитывался будущий поэт; особенности его мировосприятия формировались в процессе активного участия в созидательном труде народа и героической борьбе с фашизмом в период Великой Отечественной войны.

2. Становление самобытного авторского стиля сформировано в преемственной связи с творчеством предшественников А.Е. Кулаковского, П.А. Ойунского. Национальный стиль классиков якутской литературы воспринимается С.С. Васильевым осознанно, он считал их своими творческими учителями. Традиции классиков влияют на содержание и форму произведений С.С. Васильева, но дополняясь и преобразовываясь в процессе творческой работы

поэта, становятся важной составной частью его индивидуального авторского почерка.

3. Индивидуальный стиль С.С. Васильева проявляется в фольклорной поэтике его произведений. Основным составляющим творческого стиля поэта является следование фольклорным традициям, что проявляется в его художественном наследии на разных уровнях: жанровом, содержательном, образно-символическом и стилистическом. Поэтический язык произведений отличается обилием стилистических приемов, основанных на традициях устного народного творчества, в чем подтверждается свободное владение поэта тайнами народного стиля на уровне носителя исконных эпических традиций.

4. С.С. Васильев впервые в истории якутской литературы создал адаптированные тексты олонхо для детского чтения. Его творчество в этом направлении расширяет жанровые параметры якутской детской литературы. При жизни автора опубликованы тексты олонхо: «Эрчимэн Бэргэн» (1955, 1971), «Үөлэн Хардааччы» (“Юэлэн Хардааччы”, 1957, 1971), «Күн Эрили» (“Кюн Эрили”, 1960, 1971). Олонхо для детей «Айыы Дьураҕастай» (“Айыы Джурагастай”, 1984), «Батастаан Баатыр» (1995), «Мөҥүрүүр Бөҕө» (“Менгюрюор Беге”, 2003) были изданы под редакцией народного поэта Якутии Р. Багатайского.

5. Важным источником для изучения истории авторских текстов поэта является его архив, где в полной мере представлена история создания литературного олонхо для детского чтения «Эрчимэн Бэргэн». Система образов, сюжет авторского олонхо выстроены на основе народного эпоса, но представлены специально в упрощенной форме. Своеобразие композиции олонхо «Эрчимэн Бэргэн» заключается в том, что автором включены внесюжетные элементы в текст произведения. Олонхо С.С. Васильева, специально адаптированное им для детей – это отдельный литературный жанр, впитавший в себя черты фольклора.

Степень достоверности и апробация основных положений и результатов исследования. Основное содержание и выводы диссертации представлялись на расширенных заседаниях Института А.Е. Кулаковского и кафедры якутской литературы ФГАОУ ВО «СВФУ им. М.К. Аммосова». Материалы

диссертационной работы изложены в сообщениях и докладах на научно-практических конференциях различного уровня: *международных* – «Восток и Арктика: языки, культура, образование» (Якутск, 2021), «Эпос „Гэсэр“ – духовное наследие народов Центральной Азии» (Улан-Удэ, 2020), «Фольклор и национальная литературная классика: методология и перспективы исследования» (Якутск, 2020), «Олонхо в мировом эпическом пространстве: наследие Платона Алексеевича Ойунского» (Якутск, 2018); *всероссийских* – «Грани современной фольклористики: текстология, сказительство и цифровизация» (Якутск, 2021), «XIX Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых, аспирантов и студентов с международным участием» (Нерюнгри, 2018), «Современные проблемы исследования национальной классики» (Якутск, 2018), «Культурное наследие народов Северо-Востока РФ: проблемы и перспективы» (Якутск, 2017); *республиканских* -– «Эпическое наследие в условиях трансформации социокультурного пространства» (Якутск, 2018).

Диссертант является одним из составителей сборника избранных произведений С.С. Васильева-Борогонского в трех томах, изданных в 2007, 2009 гг. (40 п. л.). Результаты и основные выводы диссертационной работы представлены в 15 публикациях, в том числе 5 опубликованы в журналах, входящих в перечень ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы и источников, содержащих 212 наименований. Объем диссертации – 182 страницы.

Глава 1. О жизни и творчестве С.С. Васильева-Борогонского

1.1. Основные факты биографии и общественной деятельности поэта, периодизация творчества

С.С. Васильев оставил богатое и яркое художественное наследие, ставшее неотъемлемой частью якутской литературы. В отличие от многих своих коллег по перу он органично сочетал в себя талант лидера-управленца и творческой личности. Поэзия С.С. Васильева развивалась в неразрывной связи с его общественной деятельностью. Об этом пишет в своих воспоминаниях народный поэт Якутии Л.А. Попов: «Кини олоҕу кытта тэҥҥэ хаамсыбыт поэт, ону сэргэ ол саҥа олоҕу инники сайыннарыыга инники күөҥҥэ сылдьыбыт салайааччы, общественнай деятель буолар. Атыннык эттэххэ, кини айымньыларын кинигэлэртэн ылан эбэтэр эрбэҕиттэн эмэн суруйбатаҕа, барытын уһансыбыт олоҕун оргуйар үөһүттэн сомсубута» [151, с. 50] (Он как поэт, не только шагал в ногу со временем, более того, как общественный деятель всегда находился в передовых рядах новаторов жизни общества. Иначе говоря, он свои художественные образы не заимствовал из книг, не высасывал из пальцев, все его произведения основаны на главных событиях жизни, которую поэт созидал вместе с народом) *(здесь и далее перевод наш – С.В.)*

С.С. Васильев начал трудовую деятельность с руководящих постов, что характеризует его как ответственного, инициативного человека с большим организаторским талантом. Он в 1930-1960-е гг. проводил системную работу по развитию сельского хозяйства, укреплению материальной базы социально-культурной сферы Усть-Алданского, Мегино-Кангаласского, Нюрбинского районов и города Якутска.

Исследование творчества поэта не может быть полным без изучения фактических сведений его жизненного опыта и творческого пути, ибо художественное творчество каждого писателя неразрывно связано с его биографией. Так В.В. Частных утверждает: «Биография долгое время служит специфическим рецептивным средством по отношению к творчеству: обращение к

изучению жизненного пути автора расширяет исследовательские возможности при анализе произведений. Связь этапов биографии писателя и его произведений направляет <…> исследователя в их более глубинном восприятии произведения и является важнейшим элементом постижения его сути» [195, с. 9]. В своих работах по вопросам исследования жизнеописания писателей А.А. Демченко указывает на малое количество научных биографий писателей и отмечает, что изучение биографии писателя требует специального монографического исследования [83]. В якутском литературоведении следует отметить работу Л.Р. Кулаковской, где представлена научная биография А.Е. Кулаковского [115]. На основе архивных материалов, личных документов, научных трудов и художественных произведений поэта впервые в истории якутского литературоведения разработана периодизация жизни и деятельности классика якутской литературы, просветителя, философа А.Е. Кулаковского. Литературоведческое изучение биографии А.И. Софронова проведено В.Г. Семеновой [166]. В ее фундаментальной работе рассматриваются вопросы биографии классика якутской литературы, его наследия в контексте становления творческой личности, формирования взглядов духовного лидера якутского народа. Исследователь, опираясь на архивные и печатные фонды, устанавливает значение деятельности А.И. Софронова в культурно-просветительской сфере, печатном деле, а также описывает этапы эволюции творчества писателя.

Творчество С.С. Васильева в аспекте его жизненного пути и общественной деятельности недостаточно полно исследовано. Статьи и заметки, написанные о жизни и творчестве поэта в 1960-2000-е гг., посвящаются, в основном, юбилейным датам. Эти статьи и заметки были опубликованы в газетах и журналах Якутии с 1957 г. по 2007 г., в них содержится обзор творчества С.С. Васильева и проанализированы отдельные его произведения (поэм и стихотворений).

В статьях, написанных якутскими поэтами и писателями: С.П. Даниловым «Күүрээннээх кэм ырыаһыта» (“Певец одухотворенного времени”, 1957), С.А. Поповым-Сэмэн Туматом «Олохтон тахсыбыт поэзия» (“Поэзия, основанная на жизни”, 1977), И.В. Мигалкиным «Сибэккилии чэлгийбит поэзия» (“Цветущая

поэзия”, 1987) освещается тематика, содержание поэм и лирических стихотворений С.С. Васильева. Особо выделяются статьи литературоведов И.Г. Спиридонова «Кырдьыбат поэзия» (“Нестареющая поэзия”, 1957), Г.Г. Окорокова «Уһуктуу, үөрүү ырыаһыта» (“Певец радости и пробуждения”, 1967), З.К. Башариной «Киһи аҕыс кырыылаах буолуохтаах, кылыстыы кылбаҥныы оонньуохтаах!» (“Человек должен быть многогранным!”, 2002), в которых рассматривается художественное своеобразие отдельных произведений поэта. Ими проведен анализ поэтического языка, особенностей сюжетов поэм, написанных С.С. Васильевым в годы Великой Отечественной войны. Статьи, посвященные юбилейным датам и освещающие общественную деятельность поэта, написаны Г.П. Башариным «Норуотугар үгүс үтүөнү оҥорбута» (“Доброе дело для народа”, 1997), И.И. Брызгаловым «Үйэлээҕи умнуллубаты оҥорбута өйтөн, сүрэхтэн сүппэт» (“Его труд во благо народа никогда не забудется”, 1997).

Важным источником для изучения биографии писателя, по мнению исследователя М.В. Скороходова, являются мемуары современников о творческих взаимоотношениях писателей [173, с. 20]. Е.В. Ласица подчеркивает, что воспоминания других лиц как основные источники используются для воссоздания истории жизненного и творческого пути писателя [123, с. 109]. Сборник «Биһиги Сэргэйбит» («Наш Сергей», 1997), составленный из воспоминаний известных якутских писателей и поэтов, соратников, единомышленников С.С. Васильева, оценивается нами как источник, характеризующий личность поэта, его творческую и общественную работу. В книгу вошли статьи разных лет, в том числе, написанные выдающимися современниками поэта Г.П. Башариным, Н.А. Кондаковым, Л.М. Коноплянко, а также писателями и поэтами Д.К. Сивцевым-Суорун Омоллооном, Н.Г. Золотаревым-Якутским, В.Г. Чиряевым, Н.А. Габышевым, В.Н. Титовым, А.С. Сыромятниковой, Л.А. Поповым, И.И. Артамоновым, И.В. Мигалкиным и др.

В книге воспоминаний «Наш отец – поэт Сергей Васильев-Борогонский» (2007), подготовленной дочерью поэта Светланой Сергеевной Васильевой-Донской, освещается личная жизнь и трудовая биография поэта в очерковой форме.

Ценность данного издания в том, что в книгу включено приложение «Хроника жизни и деятельности С.С. Васильева», составленная Анной Сергеевной Поляковой, дочерью поэта. Книга примечательна тем, что С.С. Васильева-Донская пишет о С.С. Васильеве, в первую очередь, как об отце и дедушке большой семьи, о его деятельности в военное и послевоенное время. Вводную часть книги занимает статья А.Н. Жиркова, народного депутата Республики Саха (Якутия) в которой изложены основные факты трудовой биографии С.С. Васильева [92, с. 3-4].

В научной статье историка Е.П. Антонова «О хозяйственной и общественно-политической деятельности С.С. Васильева-Борогонского» [34, с. 18-23], основанной на архивных документах детально освещается хронология деятельности поэта в период 1930-1940-х гг.

В первом издании «Биобиблиографическом указателе «Сергей Васильев» (1974), составленном Г.С. Тарским, Д.В. Кустуровым, систематизирована библиография творчества С.С. Васильева [68]. Предисловием указателя стала статья профессора Г.П. Башарина «Сергей Васильев-Борогонский и его баллада “Священный Ильмень”». Второе издание библиографического указателя, в который включены печатные документы и материалы, отражающие многогранную деятельность поэта, начиная с 1928 г., вышло в свет в 2007 г. [69]. Вступительная статья, в которой раскрываются основные этапы жизни поэта С.С. Васильева, была написана доктором филологических наук З.К. Башариной [50]. Библиографический указатель примечателен тем, что в нем содержатся: алфавитный указатель произведений, именной указатель и справочник об источниках (словарях и энциклопедиях), в которых включены сведения о поэте.

Между тем, изучение биографии С.С. Васильева, раскрывающее его общественную деятельность, требует специального подхода для объективной оценки масштаба его самоотверженного труда во благо социально-экономического развития республики, вклада поэта в духовно-нравственную культуру родного народа, а также для выявления истоков эстетического мировосприятия поэта.

В.А. Бигуаа отмечает, что каждая национальная литература связана с самим народом, с его историей и культурой, а также с писателями – творцами литературы.

Изучение биографии писателя является одной из важнейших проблем методологического характера и связана, в первую очередь, с биографическим методом [52, с. 238]. Исследование творчества писателя, осмысление его биографии, жизненного опыта должны проводиться, основываясь на периодизацию литературного процесса [52, с. 244].

Выделение в истории развития литературы определенных периодов неразрывно с историей развития общества. Периодизация якутского литературного процесса хронологически последовательна: выделяются этапы зарождения, становления и эволюции, связанных с важными переменами жизни общества. Этапы творческой деятельности С.С. Васильева охватывают более сорока лет истории якутской литературы, это: 1920-30-е гг. – годы социального преобразования в России и Якутии, 1941-1955-е гг. – годы Великой Отечественной войны и послевоенного десятилетия, 1960-70-е гг. связаны с «оттепелью» в литературе [125]. Биография поэта как общественного деятеля совпадает со временем больших перемен, событий, которые оказали влияние на его мировоззрения, отношения к жизни.

На основе перечисленных материалов и личных документов, хранящихся в архиве поэта, жизненный путь С.С. Васильева как общественного деятеля выделяются четыре этапа:

1. Становление личности организатора (1907-1929);
2. Деятельность по развитию районов и города Якутска (1929-1941);
3. Деятельность поэта в годы Великой Отечественной войны (1941-1945);
4. Годы работы в Правлении Союза писателей и в редакциях средств массовой информации (1946-1975).

1 этап. Становление личности организатора (1907-1929). С.С. Васильев родился 25 сентября 1907 года в Соттинском наслеге Борогонского улуса в многодетной семье крестьянина-бедняка. Отец поэта – Степан Еремеевич Васильев был немногословным, уравновешенным, трудолюбивым человеком, умелым мастером на все руки. На охоту и рыбалку он всегда брал с собой шестерых сыновей. В автобиографии поэт писал, что его родители привили всем своим детям

любовь к труду с самых малых лет. Под присмотром отца и по его наставлению, всей семьей осиливали любую работу по хозяйству: заготавливали сено для скота, рыбачили, собирали ягоды, заготавливали дрова, получали урожай от посеянного зерна и огорода [7, с. 6]. Мать – Матрена Филипповна Васильева (Шелковникова), как вспоминает поэт, никогда без дела не сидела, с утра до ночи работала по дому и хозяйству. Она знала много преданий, сказок, пословиц, поговорок, была умелой сказительницей [7, с. 6]. Можно предположить, что С.С. Васильев от отца унаследовал организаторский талант, от матери – чутье к поэтическому слову. Он был благодарен родителям: «Аҕа-ийэ кэриэһэ диэн туох эрэ кэрэни үлэлиэххин, саҥа киэҥ суолу нэлэһитиэххин дуу, саҥа оскуоланы тутуоххун дуу, саҥа ходуһаны чэлгитиһиэххин дуу, саҥа ырыаны дьиэрэтиэххин дуу баҕарабын. Кинилэр эйигин өрүү ыҥыра, алгыы, күүскэр күүс эбэ, көтөргөр күөх куорсуну үүннэрэ тураллар» [7, с. 6-7] (в память о своих родителях хочется создать что-то дивное, или проторить новую широкую дорогу, или построить школу, или расширять покосные луга, или затянуть новую песню. Они всегда призывают, благословляют, прибавляют сил, дают крылья для полета – *перевод наш – С.В.*).

В формировании творчества поэта немаловажную роль сыграла окружающая его среда. В родном Соттинском наслеге сложилось оригинальное сотворчество целого поколения известных народных сказителей-олонхосутов. Это признанные олонхосуты: Т.И. Васильев-Олонхосут Тиэхээн (1877-1920), П.А. Охлопков-Наара Суох (1858-1942), М.И. Львов-Кюндээр (1880-1916), Н.Я. Татаринов-Бючюкю Ньикууска, В.Г. Васильев-Быыкаайык (1895-1950), У.С. Васильев-Тирээп, Т.К. Неустроев-Хоной Тюмэппий (1872-19..) и другие, у которых будущий поэт учился народному слову, перенял опыт сказительства. Как отмечает П.В. Сивцева-Максимова: «…олонхосут воспринимается разносторонним носителем и знатоком народной культуры не только как талантливый певец, но и эстет, мыслитель в духе древних мудрецов, свидетелей исконных традиций» [168, с. 24]. Несомненно, сказители повлияли на моральные и человеческие качества С.С. Васильева, наполнили душу будущего поэта яркими переживаниями, которые потом стали

основой его эстетического мировосприятия и формирования нравственных ориентиров.

Он поступил в школу в 13 лет. В 1924 г. в Борогонском улусе образовалась комсомольская ячейка и С.С. Васильев в числе первых стал комсомольцем и вожатым пионерского отряда. В годы учебы в Мюрюнской неполной средней и Соттинской школах Борогонского улуса он был активным комсомольцем, издавал школьные стенгазеты, рукописные журналы, в которых публиковал тексты своих первых произведений. Читал много произведений русских поэтов, а также первых якутских писателей А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова [108, с. 6]. В эти годы формируются мировоззрение, взгляды на жизнь, духовно-нравственные ценности С.С. Васильева. В статье Н.М. Заболоцкого рассматриваются вопросы становления лидерских качеств будущего руководителя, молодого человека, обладающего активной жизненной позицией [97]. Н.М. Заболоцкий пишет о том, что С.С. Васильев со школьных лет умел притягивать к себе людей, единомышленников. В 1923 г. в родном наслеге он объединял своих сверстников в одно сообщество, чтобы решать социально-политические проблемы того времени. В течение 1925 г. в Борогонском улусе были проведены конференции для беспартийных, С.С. Васильев назначен полномочным руководителем этих мероприятий. В каждом наслеге выступал с яркой убедительной речью, после которой многие люди пересматривали свои взгляды. С.С. Васильеву тогда было всего 18 лет, и он уже тогда был способен увлечь идеями, умел выражать свои мысли и отношение к происходящим событиям [97, с. 246]. В том же году он стал уполномоченным по движению уравнительных распределений земли между наслегами Борогонского улуса. Как пишет Н.М. Заболоцкий, тогда С.С. Васильеву пришлось преодолеть много преград и искать выход из трудных ситуаций в своем родном наслеге, где земли находились еще в кулацких владениях. Некоторые жители упорно противодействовали социальным реформам. С.С. Васильев создавал актив из местного населения, который способствовал более нейтральный, чаще всего мирной ликвидации кулачества [97, с. 247].

В 1926 г., после окончания школы, С. С. Васильев поступает в Якутский педагогический техникум – кузницу кадров новой национальной интеллигенции. В техникуме в то время обучались начинающие писатели: Д.К. Сивцев-Суорун Омоллоон, Н.Е. Мординов-Амма Аччыгыйа, С.П. Ефремов, А.Г. Кудрин-Абагинский и др. Как вспоминает народный писатель Якутии Суорун Омоллоон, студенты того времени – это – поколение, с детства испытавшее на себе тягостную действительность сурового якутского быта. Новые изменения в обществе, связанные с Октябрьской революцией, дали возможность учиться многим молодым писателям и поэтам. Далее Суорун Омоллоон пишет, что С.С. Васильев с первых дней учебы в педагогическом техникуме проявил себя как яркий трибун-оратор, самый активный студент [167, с. 3]. На развитие активной жизненной позиции С.С. Васильева повлияло и то, что в годы студенчества он занимался в литературном кружке культурно-просветительского общества «Саха омук» («Якутская нация»), где с интересом внимал речам и выступлениям якутских революционеров, политических деятелей М.К. Аммосова, И.Н. Барахова, П.А. Ойунского и др.

В годы учебы он был избран секретарем комсомольской ячейки и работал в Якутском областном комсомольском комитете. С 1928 г. начали печататься его первые произведения в периодических изданиях: стихотворения «Хоhоонньут» («Стихотворец»), «Саха кулуубугар» («В якутском клубе»), пьеса «Харанга олохтон» («Из темной жизни») под псевдонимами «Сата Баhылайап», «Сата Б.», «Борогонец». Его имя стало широко известным, когда в 1930 г. была опубликована поэма «Арамаан артыала» («Артель Романа»), посвященная теме создания артелей и колхозов. Писатель В.Г. Чиряев оценил яркость фантазии поэта в умении изображать то время, когда села и деревни еще не были столь технически развитыми, как ныне, еще не было больших колхозов. Литературная критика особо подчеркивала способность поэта предугадать картину будущего [198, с. 4].

В 1929 г. Якутский областной комсомольский комитет отправил лучших студентов-комсомольцев на работу по земельной реформе в сельские районы. Так С.С. Васильев был командирован в качестве уполномоченного Якутского

центрального исполнительного комитета по земельной реформе в Борогонский улус. Он работал по земельному переделу в восьми южных наслегах улуса и активно участвовал в мероприятиях по созданию первых артелей, коллективных хозяйств [108, с. 8]. Специальные группировки, созданные из числа представителей местного населения, противостоящих социальным изменениям в жизни села, пытались воспрепятствовать работе С.С. Васильева. Их запланированные действия были подорваны в результате вмешательства комсомольской ячейки педтехникума [97, с. 248].

Трудности в общественной работе С.С. Васильева, отношение и противоправные действия людей, настроенных против его деятельности по переустройству жизни и быта на селах, не сломили характер молодого человека, наоборот, закалили твердость его духа, а также обогатили нравственные ценности, развили новые высокие стремления.

Жизненные университеты дали большой материал для поэтического творчества. С.С. Васильев в 1929 г. написал свое первое крупное произведение – поэму «Артель Романа», опубликованную в 1930 г. в первом номере журнала «Кыһыл ыллык» («Красная тропа») и в газете «Эдэр бассабыык» («Молодой большевик», 24 апреля 1930 г.).

2 этап. Деятельность по развитию районов и города Якутска (1929-1941 гг.). В том же году С.С. Васильев, после окончания педагогического техникума, был назначен членом Президиума исполнительного комитета вновь образованного Усть-Алданского района. По его инициативе решались задачи народного просвещения, здравоохранения, в том числе и борьбы против антисанитарии в населенных пунктах.

Он возглавлял работу строительства и ремонта зданий школ, медпунктов, по обновлению материально-технической базы социальных учреждений. В эту работу С.С. Васильев активно вовлекал местное население. Так в общественную работу по застраиванию новых зданий школ и медпунктов включился Герой гражданской войны в Якутии Г.В. Егоров [36].

В Усть-Алданском районе не хватало учителей и врачей, медицинских работников, что, безусловно, усложняло развитие образования и здравоохранения. С.С. Васильев добился обеспечения района специалистами для школ, больниц, медпунктов и ветеринарной станции.

В сентябре 1930 г. С.С. Васильев был назначен временно исполняющим должность заведующего организационным отделом центрального исполнительного комитета Якутской АССР. В 1931 г. он вступил в коммунистическую партию, и в том же году был избран членом Якутского центрального исполнительного комитета.

С сентября 1931 г. по апрель 1932 г. С.С. Васильев работал ответственным редактором отдела по политической массовой литературе Якутского государственного книжного издательства [34, с. 32]. В то время директором издательства работал П.А. Ойунский. О нем С.С. Васильев писал в статье-воспоминании, что старший товарищ по перу был для него учителем и примером, давал ценные советы по написанию стихотворений, относился к нему доброжелательно и внимательно, за что он был благодарен П.А. Ойунскому до конца своей жизни [67, с. 3].

В апреле 1932 г. С.С. Васильев решением секретариата Якутского областного комитета Коммунистической партии был рекомендован на должность председателя районного исполнительного комитета Мегино-Кангаласского района Совета депутатов трудящихся. Тогда ему было всего 24 года, что характеризует С.С. Васильева как надежного, ответственного, умелого руководителя, добившегося уважения и доверия в молодом возрасте.

За первые два года работы руководителем, по его инициативе были возведены: здание районного совета, двухэтажное общежитие для работников районного актива, здание семилетней школы и центрального сельского Дома культуры. Как пишут в воспоминаниях современники С.С. Васильева, он не только руководил процессом строительства, но иногда и сам становился строителем [106, с. 59]. Кроме того, как отмечает Е.П. Антонов, по инициативе председателя райисполкома, из села Россолода в село Майя был перевезен заброшенный дом

богача Соловьева и переделан под жилой дом для рабочих [34, с. 23]. При этом, председатель райисполкома всегда отмечал хороших рабочих, поощрял их денежными премиями [106]. Работники и население Мегино-Кангаласского района восхищались умелым руководством С.С. Васильева, были благодарны ему за жилье, улучшение быта.

Председатель районного совета стоял во главе застройки административного центра, а также развития сельского хозяйства Мегино-Кангаласского района. Он укрупнил хозяйства, объединив мелкие колхозы в Морукском, Харанском, Нерюктяйском и других наслегах. В новообразованных колхозах были обновлены коровники, конюшни, зернохранилища.

С.С. Васильев уделял особое внимание бытовым проблемам в семьях рабочих и колхозников, старался решать вопросы, касающиеся их финансового состояния при нехватке доходов. По его мнению, жители сел и города Якутска должны иметь тесную связь между собой, так как взаимопомощь друг другу всегда приносит доходы. Так в воспоминаниях Г.В. Васильева читаем: «Сергей Васильев разработал план дополнительного дохода для жителей сельской местности, обсудив этот вопрос с секретарем районного комитета комсомола П.В. Охлопковым. Ими принято решение, что рабочие колхоза могут получить прибыль от лесозаготовки для снабжения теплом городское население. Для решения этого вопроса руководитель района С.С. Васильев подписал договор с Советом народных комиссаров Якутской АССР, в котором были разъяснены вопросы, касающиеся стоимости дров, трудозатрат по работе заготовки леса и сроки поставки дров в город» [62, с. 101] *(перевод наш – С.В.)*. Таким образом были решены многие организационные вопросы по жилищно-хозяйственным и бытовым проблемам горожан и жителей села. Стоит отметить, что С.С. Васильев был предприимчивым, инициативным руководителем, проявляющим заботу о народе и внимание к нему.

Он поддерживал во всем трудящихся колхоза, тесно общался с каждым из них. Рабочих и дояров, имеющих организаторские способности, направлял на руководящую работу. Так, доярка Татьяна Афанасьевна Чярева, назначенная

С.С. Васильевым на должность председателя совета Харанского наслега, получила известность как лучший управляющий в Якутии. В 1938 г. она была избрана депутатом Верховного Совета Якутской АССР. В 1940-1955-х гг. работала в должности заместителя председателя районного исполнительного комитета Мегино-Кангаласского района. Позже Т.А. Чярева была избрана членом делегации Якутской АССР на Всероссийский съезд советов [106, с. 60].

Самой большой заслугой С.С. Васильева следует считать прокладку грунтовой дороги из населенного пункта Нижний Бестях до села Майя, действующую и в настоящее время. За короткое время им была организована и проведена большая работа по строительству автомобильной трассы длиной более тридцати километров. Как пишут в своих воспоминаниях жители района, работа велась без какой-либо техники, все строительство магистрали от начала до конца проводилось вручную, руками тружеников сел [70].

За два с половиной года работы С.С. Васильев внес неоценимый вклад в развитие сельского хозяйства, образования и культуры Мегино-Кангаласского района и республики в целом. В эти годы произошли перемены в его личной жизни. Он женился на А.И. Сергучевой, которая в то время работала секретарем районного комсомольского комитета.

При этом, он никогда не забывал о творчестве. В годы работы в селе Майя, С.С. Васильев написал романтическую поэму «Сэттэ туруйа» («Семь журавлей», 1934). Произведения «Табаҕа» («Табага», 1932), «Арааппар» («Рапорт», 1932), «Суолла солос» («Прокладывай дорогу», 1934), «Сырдык маяк» («Светлый маяк», 1934) и др. написаны на тему созидательного труда колхозников, в них воспевается строительство обновленной жизни. Многие его стихотворения, написанные в то время, печатались в республиканских газетах, затем были включены в сборник стихотворений и поэм «Мэҥэлэр хайа үрдүгэр» («Мегинцы на горе», 1935).

В те годы С.С. Васильев уже состоялся как опытный управленец. В 1934 г. указом Верховного совета Якутской АССР он был назначен председателем районного исполнительного комитета Мегежекского, ныне Нюрбинского, района.

Новому руководителю района предстояло решить задачи укрепления колхозов и наслежных советов и т.д.

По воспоминаниям современников, С.С. Васильев приехал в Нюрбу со своими соратниками, с которыми работал в Мегино-Кангаласском районе. А в село Майя из Нюрбы откомандировал трех управляющих для ознакомления с опытом работы по укрупнению колхозов. Через полгода командированные приехали обратно на родину в Нюрбу, полные энтузиазма и новых впечатлений. Так была создана практика обмена руководящими кадрами между районами республики. Новаторские приемы масштабной организационной работы С.С. Васильева были использованы во всей республике [119, с.71].

По прибытию в Нюрбу С.С. Васильев организовал кропотливую работу по установке телеграфной линии и радиосвязи в районном центре. Председатель райисполкома устраивал многочисленные общественные субботники по изготовлению столбов для линий. За короткое время он смог решить вопросы по приобретению телефонного провода, аппаратов, всех технических средств для установки радио.

Как и в Мегино-Кангаласском районе С.С. Васильев провел большую работу по укреплению материально-технической базы Нюрбинского района: строительство жилых домов и социально значимых объектов. Силами самих жителей в центре района были построены двухэтажный корпус средней школы, аэропорта, здания Дома райсоветов, детского сада, библиотеки, типографии, больницы, бани. А самым знаменательным событием стало открытие в 1937 г. Парка культуры и отдыха имени Комсомола, спроектированный самим С.С. Васильевым. В течение одного года были проведены массовые субботники по строительству парка [50, с. 9]. В настоящее время этот Парк культуры и отдыха функционирует и носит имя поэта Сергея Васильева.

В годы работы С.С. Васильева в Нюрбе колхозы добивались высоких показателей по производству и заготовке молока, мяса, выращиванию зерновой и овощной культуры, становились победителями в республиканских социалистических и стахановских соревнованиях.

И в эти годы, наполненные ответственным трудом и повседневными заботами по коллективизации и становлению комсомольского движения в Нюрбинском районе, С.С. Васильев всегда выкраивал время для творчества. Им были написаны стихотворения пейзажной и любовной лирики: «Алар, толоон айхаллыаҕа» («Приветствуют леса и долины») «Күһүнгү түүн» («Осенняя ночь»), «Сарсыарда» («Утро»), «Дуунньалыын» («С Дуней»), «Таптал хаайтарбат» («Любовь»), «Ахтабын эйигин» («Тоскую по тебе») и другие, которые в последующем составили сборник стихотворений и поэм С.С. Васильева «Киэҥ Ньурба» («На берегах Нюрбы», 1939).

В 1937 г. поэт был включен в состав редакционной комиссии для работы над текстом Конституции Якутской АССР [71, с. 132]. Летом того же года по приказу Верховного Совета Якутской АССР С.С. Васильев был назначен председателем Якутского городского совета. В то же время он был избран депутатом Верховного Совета Якутской АССР. Были улучшены бытовые условия жителей и благоустройство города в целом. А.Н. Борисова-Ойунская, вдова П.А.Ойунского писала в воспоминаниях: «Жили мы дольше всего в доме № 14 по бывшей улице Ворошилова. <…> В те годы в нем было сыро и холодно. Летом в него проникала с улицы пыль, зимой – мороз. Иногда я в отчаянии говорила мужу: «Эдак мы замерзнем совсем, ты бы договорился насчет ремонта». Платон лишь смеялся. <…> Но я всегда с благодарностью буду вспоминать известного якутского поэта Сергея Степановича Васильева, который однажды в трудную пору устроил ремонт нашего дома. Тогда он был председателем горисполкома. Не знаю, откуда он узнал, как мы живем, но ясно, что сам Платон не мог просить его об этом» [56, с. 243-244].

Под непосредственным участием С.С. Васильева в столице республики была организована масштабная деятельность по строительству новых жилых благоустроенных домов и зданий социально-культурного значения, например, здание Дворца пионеров, Парка культуры и отдыха в Якутске.

Он руководил восстановительно-ремонтными работами моста на озере «Теплое». Были проведены укрепительные работы по улучшению состояний электростанции и электрических линий для освещения города. В эти годы была

установлена телефонная связь между городами Якутск и Москва, которая ускорила социально-экономическое развитие республики.

Как депутат городского совета много выступал с докладами, с пламенными речами на собраниях депутатов, на публичных встречах с горожанами. Как отмечают современники С.С. Васильева, его слова всегда были убедительны, справедливо настойчивыми [180, с. 190]. В 1937 г. благодаря его организаторскому таланту и прямому содействию в столичном Парке культуры и отдыха впервые заработали развлекательные аттракционы, киоски-буфеты. По его настоянию профсоюзами трудовых коллективов были выделены средства для сооружения небольших спортивных и волейбольных площадок, мелких построек киосков. Также комсомольцами были высажены аллеи цветов и деревьев [34, с. 29].

В 1937-1938 гг. в годы сталинских репрессий, несправедливо были арестованы многие якутские революционеры, политические деятели. Волна репрессий коснулась и С.С. Васильева. Его вместе с секретарем Нюрбинского районного комитета К.И. Шарабориным обвинили по ложным показаниям А.Л. Зызо, инструктора отдела руководящих партийных органов Якутского областного комитета [34, с. 29]. А.Л. Зызо было заявлено, что в годы работы в Нюрбе С.С. Васильевым и К.И. Шарабориным «организовано строительство парка культуры и отдыха за счет введения трудовой повинности колхозников» [34, с.28]. Кроме того, он указал и на то, что многие здания и сооружения возводились за счет денежных средств колхозов «Кочай» и «Коммунист» [108, с. 26]. В июле 1937 г. бюро Якутского областного комитета Всесоюзной коммунистической партии объявило С.С. Васильеву выговор «за нарушение финансовой дисциплины по строительству» [119, с. 76]. В результате чего 9 октября 1938 г. он был отстранен от занимаемой должности и исключен из рядов Коммунистической партии. В течение полугода С.С. Васильев сидел под домашним арестом. В эти трудные дни он много писал. Об этом свидетельствуют рукописи стихотворений и краткие записи сюжетов олонхо, записанные на страницах школьных тетрадей, сохранившиеся в архиве поэта.

Как пишет историк И.И. Пирожков, дело поэта пересматривалось дважды. На втором заседании С.С. Васильев был оправдан решением Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии большевиков по Якутской области, и в апреле 1939 г. был восстановлен членом Коммунистической партии [145].

В том году С.С. Васильев принял участие в Первом съезде писателей Якутии. После этого съезда усилились сбор и изучение произведений якутского устного творчества, также стало создаваться больше художественных произведений на основе родного фольклора [179, с.13]. Перед писателями стояла задача творчески осмыслить и использовать богатый фонд устного народного творчества. Все это способствовало дальнейшей творческой работе поэта С.С. Васильева. Несмотря на слабое состояние здоровья, он с удвоенной энергией принялся за сбор и изучение якутского фольклора, так же интенсивно начал писать [179, с.13]. Творческий рост С.С. Васильева как поэта в те годы характеризуется становлением его неповторимого индивидуального стиля, особенностью которого являются талантливое использование формульных выражений эпических текстов, ярких изобразительно-выразительных средств, стиховой формы народной поэзии.

Осенью 1939 г. С.С. Васильев поступает в Якутский педагогический институт, где становится одним из самых активных студентов. Он пользовался уважением не только среди своих сокурсников, но и всех обучающихся и педагогического коллектива института. Комсомольский актив учебного заведения выбрал С.С. Васильева секретарем партийного комитета студентов [108, с.27]. Но, к большому сожалению, он учился недолго и по состоянию здоровья не смог завершить обучение в вузе.

В студенческие годы С.С. Васильев начал работу над созданием крупной поэмы «Айхал» («Слава»), в которой воспевается советская действительность и выражаются слова благодарности вождю страны.

В 1940 г. поэт был назначен членом редакционной коллегии журнала «Хотугу сулус» («Полярная звезда»), двухмесячного сборника художественной литературы и критики, как издание Союза советских писателей Якутии [71]. В редакционной коллегии журнала вместе с ним работали известные якутские поэты В.М. Новиков-

Кюннюк Урастыров, П.Я. Туласынов, И.Д. Винокуров-Чагылган, а техническим редактором журнала работала детская писательница А.Д. Неустроева. В журнале публиковались произведения якутских писателей и поэтов, их литературно-критические статьи, произведения русских классиков и писателей других национальностей, переведенные на якутский язык поэтами И.Е. Слепцовым-Арбитой, И.Д. Винокуровым-Чагылганом. Кроме того, в журнале печатались тексты народных песен Е.Е. Ивановой и стихотворные произведения сказителя Н.И. Степанова-Ноорой. В это время поэт познакомился с народными сказителями Д.М. Говоровым (1848-1942), Н.А. Абрамовым-Кынатом (1861-1941) и И.И. Бурнашевым-Тонг Суоруном (1868-1945). С.С. Васильев с олонхосутом Тонг Суоруном жили по соседству, поэт специально приглашал его к себе и часто слушал его олонхо [99, с.128].

Знаток и ценитель фольклора С.С. Васильеву дал следующее емкое определение устной народной поэзии: «Основой развития является благодатная почва! Благодатная почва якутской литературы – это талант якутского народа, его крылатая фантазия, его устное народное творчество. Якутский героический эпос, сказки, предания, пословицы просторны как родная якутская земля, почтенны как высокие горы Якутии, сильны как река Лена» [7, с.7-8] *(перевод наш – С.В.).* С.С. Васильев с конца 1930-х гг. начал собирать и сохранил в своем архиве письменные записи сюжетов олонхо своих земляков-олонхосутов. В архивном фонде поэта имеются тексты собранных им вариантов сюжетов из олонхо «Эрчимэн Бэргэн туһунан эгэлгэ сэһэн» («Сказания об Эрчимэн Бэргэне»), «Эриэдэл Бэргэн», «Кюн Эрили», «Юэлэн Хардааччы», «Айыы Джурагастай» и др. Тексты представляют собой краткое изложение сюжета и содержания олонхо, исполняемых сказителями – земляками поэта Н.Я. Татариновым, Т.И. Васильевым, М.И. Васильевым, П.А. Охлопковым-Наара Суох и др.

3 этап. Деятельность поэта в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). В начале войны С.С. Васильев приказом Министерства образования республики был назначен на должность директора Соттинской начальной школы Усть-Алданского района, где он проработал до 1943 г. Его усилиями начальная

школа была реорганизована в семилетнюю. Директором школы были решены вопросы проживания школьников из дальних наслегов: для них был открыт интернат. Кроме этого, был открыт детский дом для сирот и детей из бедных семей, продолжена работа по строительству общежития для учителей [62, с. 89].

Для повышения качества обучения школьников С.С. Васильев пригласил опытных учителей-методистов из районного центра. В школе заработали музыкальный, драматический кружки. В своих воспоминаниях учитель Соттинской школы Г.В. Васильев, современник и соратник поэта, пишет, что С.С. Васильев подарил школе книги из личной библиотеки. Среди подаренных книг поэта, вспоминает учитель, были полные собрания сочинений русских, зарубежных классиков и книги социально-гуманитарной, политической направленности. Ученики в те годы смогли многое узнать благодаря книгам, находящимся в богатой школьной библиотеке [62, с.89].

С.С. Васильев на базе школы открыл курсы всеобуча начальной военной подготовки, в которых прошли обучение более трехсот призывников из наслегов Усть-Алданского района. Кроме того, директором школы был организован сбор теплых вещей, финансовых средств в помощь фронту [62, с.88].

Необходимо отметить, что даже в суровые годы войны С.С. Васильев не забывал о творчестве, наоборот, в эти годы поэтом были созданы такие яркие произведения, как «Андаҕар» («Клятва»), «Кылбаҥнаа эрэ, кылыһым» («Сверкай, мой кылыс!»), «Ыллаа эрэ, хамыһым!» («Пой, мой хомус!»), «Ийэ алгыһа» («Благословение матери») и др. В те годы он работал над составлением учебных хрестоматий по якутской литературе для пятых-седьмых классов [71]. Кроме того, собранные С.С. Васильевым фольклорные материалы по заданию Научно-исследовательского института языка, литературы и истории Якутской АССР, были выпущены отдельным изданием «Приметы о погоде, урожае и охоте якутов Соттинского наслега» (1945) [135].

В марте 1943 г. С.С. Васильев был назначен на пост секретаря организационного комитета Правления Союза писателей Якутии. В период работы его в Союзе писателей (1943-1948 гг.) были изданы книги и сборники многих

писателей и поэтов, опубликована книга Г.П. Башарина «Три якутских реалиста-просветителя». Усилилась связь писателей с населением, они часто выезжали с агитацией в помощь фронту, выступали по радио.

С.С. Васильевым была проведена большая работа для издания антологии произведений якутских писателей в переводе на русском языке. Он был одним из инициаторов постановки олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» на сцене театра [51, с.16]. Более того, поэт, будучи ответственным секретарем Правления Союза писателей Якутии, организовал работу по переводу на русский язык олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» в версии П.А. Ойунского, в частности, под его руководством якутскими поэтами и переводчиками С.Р. Кулачиковым-Элляем, Л.Л. Габышевым, Н.А. Габышевым, С.Т. Руфовым был подготовлен сводный текст подстрочника эпического произведения П.А. Ойунского [59, с. 9].

В тяжелые годы войны, благодаря инициативе С.С. Васильева и его сотрудничеству с руководством заречных районов, писатели Якутии бесперебойно снабжались дровами для топки домашних печей. Историк Е.П. Антонов пишет: «Сергей Степанович Васильев договорился с руководством близлежащих районов об обеспечении ряда писателей личными коровами» [34, с. 32]. Таким образом, С.С. Васильев поддерживал писателей всеми возможными способами.

Он как истинный патриот, решил съездить на фронт, чтобы поддержать братьев по перу. В марте 1944 г. он, будучи депутатом Верховного Совета Якутской АССР и ответственным секретарем Правления Союза писателей, вместе с другом, писателем Д.К. Сивцевым-Суорун Омоллооном выехали на действующий фронт, чтобы доставить землякам подарки, собранные населением Якутии. Они пробыли на передовых позициях больше четырех месяцев, где встречались с Героями Советского Союза, с медицинским составом фронтовых медсанбатов, с редакционным коллективом красноармейских газет, типографий на колесах.

Об этом выезде написал Суорун Омоллоон в своих публицистических статьях «Фронтан эҕэрдэ» («Привет с фронта», 1944), «Сплоченные навеки великой Русью» (1944). С.С. Васильев опубликовал свои поэтические произведения, описывающие дальнюю дорогу на фронт: «Көтөр аал» («На самолете»), «Сэрии

буолбут ойууругар» («Лес после битвы»), «Улуу суол» («Великая дорога), «Уһун үйэлэргэ умнума» («Память»), «Уот сэлэ иннигэр» («Перед огнем пожарища»), «Москва» и др.

В годы Великой Отечественной войны были изданы пять сборников стихотворных произведений С.С. Васильева: «Андаҕар» («Клятва», 1943), «Айхал» («Слава», 1943), «Бухатыырдар» («Богатыри», 1944), «Фронт ырыалара» («Фронтовые песни», 1945), «Ыһыах» («Ысыах», 1945). Стихотворные произведения пронизаны силой эпического слова и устойчивых формул олонхо. Обильный приток эпических слов в поэзию тех лет объясняется спецификой времени [57]. С.С. Васильев на различных вариантах эпических формул создает целые произведения в стиле якутских сказаний и тойуков. В честь великой победы в войне над фашистами поэтом были написаны «Кыайыы ырыата» («Песня Победы»), «Сэрии баахын оһорон» («Следы боевых ран») и др.

Некоторые произведения С.С. Васильева, написанные в период Великой Отечественной войны, подверглись резкой критике. В статье «Саха уус-уран литературатыгар баар итэҕэстэр тустарынан» («О недостатках в якутской художественной литературе») В. Поскачин пишет о механическом перенесении из олонхо стилистических приемов, образов, изобразительно-выразительных средств, а также использование жанровых форм фольклора в произведениях В.М. Новикова-Кюннюк Урастырова, Д.К. Сивцева-Суорун Омоллоона, С.С. Васильева и др. [152]. Автор статьи выделяет поэмы и стихотворения «Слава», «Сверкай, мой кылыс!», «Пой, мой хомус!», которые, по его мнению, лишены художественных достоинств. В результате неправильного уподобления образа фашистских захватчиков персонажам олонхо – абаасы, как считает критик, не раскрываются их безжалостный характер и действия. Также В. Поскачин высказывается по поводу большого количества повторов и параллелизмов из фольклорного текста, которые отрицательно повлияли на художественную форму произведений [152].

Между тем, после публикации статьи В. Поскачина, редакционной коллегией газеты «Кыым» («Искра») была написана рецензия на его статью, в которой содержится информация о том, что статья автора имеет субъективный характер и

не совпадает с позицией редакции [181]. Затем в журналах, газетах периодически появлялись статьи, написанные якутскими поэтами и литературоведами, представляющие собой критические замечания на отдельные произведения С.С. Васильева [64; 75; 117; 153]. Они указывают на идеологическую “ошибку”, допущенную в произведениях «Ленскэй абатыйыыта» (“Гнев Ленского”), «Ат ырыата» (“Песня коня”), «Бухатыырдар» (“Богатыри”) и др. По мнению авторов статей, данные произведения являются «порочными в идейном и антихудожественном отношениях». Поэта упрекали за обращение в своем творчестве к образным средствам фольклора, в механическом перенесении из олонхо всех стилистических приемов.

Поэт, по воспоминаниям его дочери и писателей-соратников, достаточно спокойно относился к критике и замечаниям своих коллег, никогда остро не реагировал, не вступал в споры, не раскрывал свои внутренние переживания. В свободное от работы время продолжал заниматься писательской деятельностью, собирал фольклорные материалы в родном селе [71; 180]. Можно предположить, что С.С. Васильев, несмотря на напряженное время войны и противоречивые ситуации по поводу его творческой деятельности, не был озлобленным, не разочаровывался в ком-то, не переставал работать во благо народа и развития общества.

4 этап. Годы работы в Правлении Союза писателей и в редакциях средств массовой информации (1946-1975 гг.). В 1948 г. С.С. Васильев на Втором съезде писателей Якутии был избран ответственным секретарем Правления на второй срок и работал на этой должности до 1953 г. В те годы работал над созданием литературного олонхо «Эрчимэн Бэргэн» и первого в истории якутской литературы романа в стихах «Аччыгый уол» («Младший сын»).

С 1954 г. С.С. Васильев – специальный корреспондент республиканской газеты «Кыым» («Искра»), где так же трудился добросовестно, с большой творческой силой. Его организаторский опыт переняли многие корреспонденты и сотрудники газеты. Как бывший руководитель крупных районов и города Якутска, он давал убедительные и нужные советы своим молодым коллегам, помогал решать

различные проблемы [121, с.107]. В то время С.С. Васильев усиленно занимался творческой деятельностью: обращался в основном к социально-философской лирике, писал литературные олонхо для детей, публицистические поэмы «Токоно оҕонньор» («Старик Токоно», 1946), «Сир уустара» («Мастера земли», 1947), «Кылбаһыйар кыраан уута» («Вода из крана», 1947) и др. В его поэзии периода 1950-1960 гг. можно выделить такие стихотворения, как «Эн илии баттаатын» («Подпись»,1951), «Барыта оҕолор иһин» («Во имя детей», 1952), «Эйиэхэ айхал» («Тебе слава!», 1961) и др., в которых основной темой выступает борьба за мир.

В 1957 г. он принял участие в московских мероприятиях «Вечера якутской литературы и искусства», посвященных 325-летию вхождения Якутии в состав Российского государства.

После работы в газете «Кыым» С.С. Васильев устроился на должность старшего инспектора отдела кадров Якутского радиокомитета, где проработал до конца своей жизни. Завершил трудоемкую работу над романом в стихах «Младший сын» (1961), который в истории якутской литературы считается первым опытом в крупном поэтическом жанре.

С.С. Васильев, в первую очередь, – настоящий патриот. Основной темой его творчества является Великая Отечественная война. Он основательно исследовал историю 19-ой отдельной стрелковой лыжной бригады в Великой Отечественной войне, ознакомился с архивными документами о тех воинах, которые в 1943 г. сражались на озере Ильмень Новгородской области. В своей работе Г.П. Башарин отмечает, что С.С. Васильев углубленно изучал печатные сведения о 19-й лыжной стрелковой бригаде, беседовал с участниками сражения, возвратившимися в родную республику [45, с. 9].

В марте 1967 г. С.С. Васильев был в командировке в городе Старая Русса на место трагической гибели лыжной бригады, состоявшей из якутских солдат. По приезду из поездки в Великий Новгород поэт написал поэму-балладу «Священный Ильмень» (1967), за создание которой в 1969 г. был удостоен Государственной литературной премии имени П.А. Ойунского.

В ноябре 1967 г. по инициативе С.С. Васильева была создана правительственная делегация Якутии, целью которой было установление памятника воинам-якутянам, павшим в сражениях на озере Ильмень Новгородской области. Известно то, что по настоятельному предложению поэта, одна из улиц в городе Старая Русса получила название «Якутские стрелки», а в Якутске появилась улица «Ильменская» для увековечивания памяти павших солдат-якутян, сражавшихся на озере Ильмень.

С.С. Васильев в течение своего жизненного пути был в гуще происходящих в республике событий. Всегда интересовался повседневным бытом тружеников села, ветеранов-фронтовиков, что подтверждается не только в воспоминаниях его современников, знакомых и коллег, но и находит отражение в написанных самим поэтом очерках и публицистических статьях.

С конца 1950-х гг. поэт начинает углубленно заниматься публицистикой. Очерки и публицистические статьи печатались в республиканских газетах, затем вышли отдельными книгами, сборниками очерков. В очерках, включенных в сборник «Кыһыл Танда» (“Красная Танда”, 1959), созданы образы тружеников села, через них возвеличивается человек труда. В книге очерков, статей и путевых заметок «Аҕыс кырыылаахтар» (“Восьмигранные”, 1971) автор повествует о своих современниках, земляках, отличившихся ударным трудом. В книге очерков «Биһиги гвардеецтарбыт» (“Наши гвардейцы”, 1975) увековечивается память о жизни и судьбах участников Великой Отечественной войны, фронтовиков, трудящихся тыла, их героическом подвиге во имя победы.

Немало стихов, написанных С.С. Васильевым, стали песнями, признанными народом. Композитор Г.А. Григорян написал мелодию на стихотворения «Дьон-норуот сааскыта» («Весна народа»), «Чэйиҥ, ыллыаҕыҥ» («Давайте, споем»), «Кыргыттар, уолаттар» («Девушки, юноши»), «Кустук өҥүнэн» («Цветами радуги»). В советское время эти песни стали популярными и входили в репертуар известных хоровых коллективов республики.

Многие стихи и поэмы С.С. Васильева переведены на русский, украинский, киргизский, татарский, бурятский языки и были изданы в Москве, Ленинграде,

Иркутске, Новосибирске и др. Переводчиками стали известные поэты А. Ольхон, А. Лаврик, А. Мосунов, В. Рябцев, Л. Коноплянко и др.

При жизни поэта были опубликованы сборники его стихов и поэм: «Талыллыбыт айымньылар» («Избранные произведения», ответственный редактор В.М. Новикова-Кюннюк Урастырова, 1948), «Сир уустара» («Мастера земли», 1951) под редакцией А.Г. Кудрина-Абагинского, «Мин сибэккилэрим» («Мои цветы», 1955), под редакцией И.И. Артамонова, роман в стихах «Младший сын» под редакцией Р.Д. Ермолаева-Багатайского, «Талыллыбыт айымньылар» («Избранные сочинения», 1966, 1967) в двух томах под редакцией С.П. Данилова, «Сүрэх ыллыыр» («Поет сердце», 1969) под редакцией П.Д. Аввакумова. Сборники произведений «Олоҕум уһун ньууругар» («За дни жизни моей», 1979), «Өлбөт өрөгөй» («Бессмертие», 1988) были опубликованы под редакцией Р.Д. Багатайского. В 2007-2009 гг. были переизданы книги «Избранных произведений» в трех томах, над составлением которых работали С.С. Васильева-Донская, народный поэт Республики Саха (Якутия) И.В. Мигалкин.

С.С. Васильев, как человек с активной жизненной позицией, прожил очень яркую и насыщенную жизнь: честный комсомолец и коммунист, лидер молодежи, умелый и талантливый руководитель двух районов Якутии и председатель исполкома города Якутска, депутат, работавший не покладая рук во благо народа. За добросовестный труд С.С. Васильев был награжден двумя орденами «Знак Почета», многочисленными медалями и грамотами.

Поэт умер 11 мая 1975 г. и похоронен в родном селе Соттинцы Усть-Алданского района. В настоящее время его имя присвоено центральной библиотеке села Борогонцы, Хоногорской средней школе Усть-Алданского улуса. В 1987 г. на базе школы открыт музей, посвященный жизни, творчеству и государственной деятельности поэта. Имя поэта присвоено Парку культуры и отдыха села Нюрба Нюрбинского района. Для увековечивания имени поэта ежегодно лучшему выпускнику Соттинской средней школы Усть-Алданского улуса присуждается звание Лауреата премии имени С.С. Васильева-Борогонского. С 1987 г. по юбилейным датам в Соттинском наслеге проводятся конкурс чтецов

«Васильевские чтения», научно-практические конференции школьников, которые в последние десятилетия проводятся на республиканском и всероссийском уровнях. Автором проекта является заслуженный учитель России Р.Р. Кулаковская. В 2007 г. издано пособие для учителей «Үйэлэри үрдүнэн үлдьү көтөн» (“Взлетая сквозь века”), подготовленное Ф.К. Слепцовой, учителем Хоногорской средней школы. Важно то, что в пособии включены статьи Р.Р. Кулаковской и С.С. Лебедевой, популяризаторов творчества поэта С.С. Васильева. В книге размещены тексты лучших докладов участников конференций разных лет, а также сценариев литературных мероприятий, посвященных юбилейным датам поэта, которые составлены учителями-методистами Усть-Алданского улуса [204].

Многогранный жизненный опыт С.С. Васильева находит отражение в его творчестве, стал основой идейной направленности его произведений. В этом отношении поэта вдохновляют его активная работа по улучшению жизни общества. Трудовые будни, яркие события, обыденные дела, а также факты из личной жизни самого поэта вливаются в его стихотворения, принимая эстетическую художественную форму. Общественная деятельность С.С. Васильева актуальна и в наше время. Его упорный труд во благо развития республики, энтузиазм, личность целеустремленного, трудолюбивого человека, его уникальное художественное наследие выступают неотъемлемой частью истории республики.

1.2. Влияние национального стиля классиков якутской литературы на формирование авторской индивидуальности С.С. Васильева

С.С. Васильев – представитель второго поколения якутских писателей, вошедших в литературу в 1920-30-е гг. Вместе с ним начинали творческую деятельность и другие молодые поэты такие, как: А.А. Иванов-Кюндэ, С.Р. Кулачиков-Элляй, В.М. Новиков-Кюннюк Урастыров, А.Г. Кудрин-Абагинский и др. Все они обращались к опыту и мастерству классиков якутской национальной литературы. Следует отметить, что молодые авторы осознанно придерживались традиции и опыта предшественников. Общеизвестно, что

якутская письменная литература развивалась на истоках устного творчества, что подтверждается наследием первого поколения писателей и поэтов. А для творческого роста поэтов второго поколения в качестве ориентира выступали А.Е. Кулаковский, А.И. Софронов, П.А. Ойунский.

В литературоведении неиссякаем интерес исследователей к вопросу о традициях и преемственности. В работе Ю.Н. Тынянова понятие преемственности или литературной традиции трактуется не только как взаимосвязь между старшим и младшим поколениями писателей, но и как «отправление, отталкивание от известной точки — борьба» [187, с. 198]. По мнению В.Е. Хализева: «Органически усвоенная традиция становится для отдельных людей и их групп своего рода ориентиром, можно сказать, маяком, некой духовно-практической стратегией. Причастность традиции проявляется не только в виде ясно осознанной ориентации на определенного рода ценности, но и в формах стихийных, интуитивных, непреднамеренных» [193, с. 364]. Д.Д. Благой указывает, что: «Любое литературное произведение при всей его самоценности и неотъемлемой принадлежности индивидуальному творцу является органическим звеном в длительной цепи развития прежде всего данной национальной литературы, а затем и литературного движения человечества. <…> Преемственность – это не только усвоение, но и отталкивание, не только продолжение и развитие, но и критический пересмотр» [54, с. 94]. А.С. Бушмин, определяя виды и формы литературно-художественной преемственности утверждает, что творческая взаимосвязь писателей зависит «от близости или различия их общественных позиций, идейно-эстетических воззрений и индивидуальных особенностей» [61, с. 133]. Отношения и связь писателей, по его мнению, приобретают контактный, контрастный или конфликтный характер [61, с. 133].

В современных исследованиях проблема преемственности писателей рассматривается в рамках диалога культур, что отмечается в работе А.В. Подобрий: «процесс сознательного обращения писателя к наследию своих предшественников, творческое осознание его, поглощение и в конечном итоге создание нового. В основе этого процесса опять лежит диалог: диалог культур

(национальных или социальных), диалог мировоззрений, диалог стилей и пр.» [146, с. 140].

В отечественном литературоведении проблемы традиции, преемственности и вопросы влияния творчества предшественников на формирование индивидуального стиля писателей являются предметом специального исследования. Следует подчеркнуть точку зрения литературоведа Е.А. Жабоевой: «Каждый автор, извлекая уроки мастерства у своих учителей, неизменно формирует свою художественную концепцию, совершенствует свой художественный метод, создает индивидуальную лабораторию жизни, системы образов, углубляет уровень самопознания лирического героя» [91, с. 3]. В соответствии с этим, писатель становится творческой личностью, имеющей свой индивидуальный почерк, новаторские идеи и т.д. В преемственной связи последователей с творчеством предшественников проявляется единство и сходство содержаний и форм текстов произведений, а также использование приемов при создании поэтических образов, лирического героя, персонажей и т.д. В этом плане В.А. Дынник утверждает, что «материалом литературной традиции могут служить все элементы поэтики: тематика, композиция, стилистика, ритмика» [87]. Следует подчеркнуть, что для выявления творческой индивидуальности поэта, а также для определения роли влияния национального стиля классиков на творчество их последователя требуется более углубленное изучение художественных текстов писателя-последователя в сопоставлении с творческим наследием писателей-классиков.

Влияние классика якутской литературы, поэта-просветителя А.Е. Кулаковского и основоположника якутской советской литературы П.А. Ойунского на творчество С.С. Васильева проявляется, в первую очередь, в поэтическом стиле, в идейно-тематическом содержании произведений, в форме стихов.

В статье «Биһиги киэҥ хардыыларбыт» («Наши широкие шаги») о вопросах развития якутской литературы и республики С.С. Васильев выражает гордость и восхищение наследием классиков [66]. Г.П. Башарин, являясь исследователем

творчества представителей первого поколения национальной интеллигенции А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова, Н.Д. Неустроева, отзывается в статье о С.С. Васильеве, как о поэте с высокой гражданской позицией, который до конца своей жизни не изменил принципу защиты имен первых якутских писателей-просветителей [46, с. 48]. С.С. Васильев с самого начала знакомства с ученым-историком Г.П. Башариным всегда поддерживал его в борьбе за литературное наследие классиков, на что указывает литературовед З.К. Башарина [50, с. 10].

Вопросы творческого наследия классиков якутской литературы А.Е. Кулаковского и П.А. Ойунского исследованы в фундаментальных работах литературоведов Н.Н. Тобурокова, А.А. Бурцева, П.В. Сивцевой-Максимовой, В.Б. Окороковой, Н.В. Покатиловой, Л.Р. Кулаковской, Л.Н. Романовой. Ими детально изучено фольклорное начало в авторских произведениях классиков якутской литературы.

Поэзия А.Е. Кулаковского основывалась на якутском фольклоре. По мнению литературоведов Н.Н. Тобурокова, П.В. Сивцевой-Максимовой, Л.Н. Романовой, спецификой его поэтического наследия является эпическое начало творческого стиля. Г.П. Башарин пишет: «Ордук чорботон, Сергей Васильев Кулаковскайдааҕы олус ытыктыыра. Өксөкүлээх Өлөксөй үөрэнээччитинэн ааҕынара. Ону мин ылынабын. Тоҕо диэтэххэ, кинилэр иккиэн саха фольклоругар тирэҕирэн айбыттара, норуоттарыгар ордук чугас, тиийимтиэ ньыманан суруйбуттара» [46, с. 48] (Сергей Васильев безгранично преклонялся перед творчеством писателей-просветителей. Себя считал учеником А.Е. Кулаковского. С этим я соглашусь. Поскольку, оба поэта создавали свои произведения, опираясь на якутский фольклор) *(перевод наш – С.В.)*. Произведения С.С. Васильева, написанные в 1940-50-е гг., не только основываются на фольклорной поэтике, в них прослеживается и связь с художественным стилем А.Е. Кулаковского.

Известно, что произведения «Байанай алгыһа» («Благословение Байаная»), «Былыргы саха андаҕара» («Старинная якутская клятва»), «Былыргылыы алгыс» («Благословение по-старинному») А.Е. Кулаковского считаются литературными переложениями фольклорных текстов, и, по мнению исследователей, в названиях

произведений автором сохранена их фольклорная форма [170, с. 42]. П.В. Максимова отмечает, что А.Е. Кулаковский «выступает талантливым сказителем-певцом, являясь “природным якутом”, впитавшим с молоком матери верования и культовые обряды своего народа» [128, с.17]. В стихотворных произведениях «Благословение среднего поколения» и «Благословение по-старинному» автор обращается к народу с призывом к развитию, процветанию. На такой фольклорной основе раскрывается публицистический пафос его произведений. В наследии С.С. Васильева находим произведения, основанные на формах обрядовой поэзии: поэма «Клятва», стихотворение «Благословение матери», поэма «Сверкай, мой кылыс!». Но в отличие от фольклорных текстов в произведениях С.С. Васильева прослеживается духовная связь со своим временем. Это, во-первых, тема Великой Отечественной войны. В те трудные годы автор использовал более близкие и привычные народу саха художественные приемы: традиционные поэтические жанровые формы клятвы и благословения для глубокого воздействия на читателя, для более чувственного восприятия ими текста произведения.

В создании публицистического пафоса, по нашему мнению, С.С. Васильев творчески интерпретировал поэтические приемы и способы А.Е. Кулаковского. Как отмечает исследователь Л.Н. Романова, авторская индивидуальность А.Е. Кулаковского проявляется в обновлении и изменении традиционных формул в его поэтических текстах. В создании произведений поэт не только «механически заимствует фольклорные клише, но и подчиняет традиционные формулы новым художественным задачам различными способами» [160, с. 10]. Тем самым автором достигается иное от фольклорных текстов содержание и публицистическое звучание поэм-благопожеланий «Благословение среднего поколения», «Благословения по-старинному».

В поэтическом арсенале С.С. Васильева имеется цикл стихотворений «Ысыах» (1945), который был издан отдельной книгой. Цикл посвящен якутскому национальному празднику встречи лета и прославляет победу советского народа в Великой Отечественной войне. Стихотворения «Осуохай», «Вилюйский танец»,

«Танец Мухтуйи», «Верхоянский танец», «Танец» являются литературными переложениями народных хороводных песен. Литературовед А.А. Бурцев указывает и на то, что эти стихотворения имеют сходные линии и с поэмой «Сайын кэлиитэ» (“Наступление лета”) А.Е. Кулаковского [59, с. 6]. Следовательно, произведения С.С. Васильева являются не только переложениями фольклорных текстов, но в них прослеживается влияние наследия классика якутской литературы.

Одноименные произведения «Вилюйский танец» А.Е. Кулаковского и С.С. Васильева по содержанию и жанровой форме считаются литературными переложениями фольклорных текстов. У А.Е. Кулаковского «представляется мотивация ведения осуохая, которая у автора приобретает философское звучание» [162, с. 461]. Мотивация выражена зачином – приглашением на круговой танец осуохай от лица лирического героя. Запевала осуохая радостным возгласом зазывает людей на круговой танец осуохай; напоминает, что в старости, перед смертью, осуохай будет одним из добрых воспоминаний о молодости. Мотив призыва на коллективное исполнение осуохая аналогичен и в фольклорных произведениях, и в стихотворении С.С. Васильева. Но в отличие от фольклорных текстов и произведения А.Е. Кулаковского стихотворение С.С. Васильева более объемное, в котором яркими эпитетами и метафорами воспевается наступление теплого времени года, описывается красота якутского лета. При этом автором, безусловно, обновляется идейно-смысловое содержание произведения, представляющее собой восторженное прославление не только лета, но и великой Победы.

Необходимо отметить, что С.С. Васильев вводит такие новые слова в произведение, как “трактор”, “ферма”, “колхоз”, в которых отражается достижение коллективизации. С.С. Васильев, как А.Е. Кулаковский, стремился придать произведениям авторскую неповторимость стиля при литературном переложении жанров фольклорной поэзии.

С.С. Васильев в стихотворениях старался сохранить ритм песни осуохая и ее аллитерированные строки. Так, его «Вилюйский танец» состоит, в основном, из семи- и восьмисложников, которые восходят к ритмике народной песни.

Равносложность этого ритма нарушается в местах, где автор использует три девятисложных, две десятисложных строки и один одиннадцатисложник из всего текста произведения, состоящего из 137 стихов. В «Вилюйском танце» А.Е. Кулаковского, состоящем из 118 поэтических строк, 88 стихов написаны в соответствии с ритмикой народной песни, семь строк построены из четырехсложников, десять строк девятисложников, остальные строки построены из десяти- и одиннадцатисложников. Отступление от традиционной равносложности осуохая в произведении А.Е. Кулаковского оценивается исследователями как «выражение своеобразия творческой мысли» и сохранение авторской индивидуальности поэта [25, с. 402]. На наш взгляд, при построении стиха произведения «Вилюйский танец» С.С. Васильев обращается к принципам стиховой организации текста одноименного произведения А.Е. Кулаковского.

Стихотворение С.С. Васильева «Пой, мой хомус!» соотносится со стихотворением эпического характера «Хомус» А.Е. Кулаковского. В них поэты раскрывают образ якутского музыкального инструмента. Данные произведения написаны в жанре заклинания, имеют одинаковую художественную форму. Но авторы по-разному создают образ хомуса. А.Е. Кулаковский детально описывает, как хомус был сотворен верхними божествами вместе со Вселенной. Автор подчеркивает древность происхождения этого инструмента. Затем поэт повествует о заклинании Верховного Божества – Үрүҥ Аар Тойон (Юрюнг Аар Тойон) хомуса: инструмент должен поддержать людей Среднего мира в минуты отчаяния, трудностей, во время бедствий и доставлять радость своим чарующим звуком. Мотивы благопожелания и заклинания Верховного Божества переняты С.С. Васильевым, но заклинания в его произведении даются от лица партии коммунистов. Поэт описывает хомус как боевое орудие советского народа против вражеской армии на войне. Автор призывает хомус в трудный час помочь народу, встать в ряд со всеми советскими людьми на борьбу против фашизма. Так, поэтический образ хомуса в произведениях двух поэтов интерпретируется как символ поддержки людей в трудные моменты жизни.

Описание образа меча в произведении «Сверкай, мой кылыс!» С.С. Васильева перекликается с детальным описанием объекта изображения – хомуса – в произведении А.Е. Кулаковского. Кылыс (меч) и хомус – оба сотворены Юрюнг Аар Тойоном и кузнецом – хозяином (иччи) меча. В обоих произведениях созданы образы хомуса и кылыса: описывается, из какого материала они изготовлены и какими качествами наделены. Детали хомуса изготовлены из самого твердого железа:

Бэрт тимиринэн бэйэлээтим
Сүдү тимиринэн сүрүннээтим
Сыыйыы тимиринэн сыҥаахтаатым
Дьикти тимиринэн тиэрбэстээтим
Тыйыс тимиринэн тыллаатым
[25, с. 247]

Основу — планку
Мы из отборного сделали железа
Зажимы — винтики
Мы из крепкого сделали железа;
Кольцо — петельку
Мы из твердого сделали железа,
Язычок — пластинку
Мы из чистого сделали железа
[24, с. 17]
(Перевод В. Солоухина)

С.С. Васильев так описывает сотворение боевого орудия:

Укулаат тимири
Үһааран ылбытым...
Кылааннаах үһуктаабытым.
<…>
Икки өттүгүнэн бишлээбитим
<…>
Тыргыл-сытыы кылааннаабытым.
<…>
Үс хос үөстээбитим.
<…>
Аарык иилэҕэс быалаабытым.
<…>
Туоһунан кыыннаабытым [7, с. 133]

Крепкое железо
Выплавил...
Лезвие заострил.
С двух сторон придал острие
Прямое острое лезвие придал
Трехслойную ось придал
Цепью побрякушкой прошнуровал
Берестяные ножны сделал
(перевод наш – С.В.)

Произведения «Көтөр аал» (“Самолет”) и «Борокуот аал» (“Пароход”) А.Е. Кулаковского, восходящие к жанровой форме якутских песен-импровизаций, созданы под впечатлением увиденной впервые мощной техники. В стихах детально описаны самолет и пароход, которые появились в Якутии. Поэт восхищается могучей техникой, радостно переживает начало социального и технического

развития якутского общества. С.С. Васильевым в годы войны написано произведение «Көтөр аал» (“На самолете”). Громадные размеры самолета, величавость его полета передаются с помощью олицетворений, использованных еще А.Е. Кулаковским в стихотворении «Пароход». Известно, что А.Е. Кулаковский в 1910 г. выезжал в Бодайбо, в пути написал это стихотворение [25, с. 459]. Автор под сильным впечатлением от увиденного восхищается мощью парохода и технического прогресса в целом. Он художественно описывает пароход, его отплытие от берега и передвижение по реке. И все это передается при помощи олицетворений.

Поэты создают образы парохода и самолета посредством описания качеств частей невиданных транспортных средств, что тождественно воплощению образа мифологического зверя или птицы:

Иҥсэлээхтик иҥиэтиннэ	*С жадностью подвигал корпусом*
Ыныыктык ынчыктаата	*Страшно застонал*
Тумсун тупсарынна	*Нос свой прихорашивал*
Кутуругун куйбарыҥнатта	*Хвостом завилял*
Кэтит таһаатын киэбиттэ	*Широкий стан вознес*
Үһүн толоҕойун субулуннарда	*Длинную голову вытянул*
[25, с. 193]	*(Перевод наш – С.В.)*

Куоһуулаах	*С наконечником*
Кулугур хоолдьуга куһуурда,	*Пустой позвонок ринулся*
Аалыылаах,	*Обточенная*
Алтан таһаа арҕаһа айаарда,	*Выпуклость медного стана сгорланила*
Танаммат,	*Крепкая*
Тардыы тимир тараһата дарылаата,	*Прямая железная брюшина дребезжала*
Үһүйбат	*Горячий*
Укулаат тимир уорҕата	*Стальной хребет*
Орулаата.	*Заревел*
[7, с. 215]	*(Перевод наш – С.В.)*

Образ парохода далее раскрывается в стихотворении «Таас Дьааҥы өрүһүн өксөйдө» («По реке Яна») С.С. Васильева. Безусловно, он перекликается с образом парохода, созданного А.Е. Кулаковским. Отплытие парохода, скорость его

передвижения описываются С.С. Васильевым так: *«Ыһыытыы-хаһыытыы чоргуутаан / Биэрэккэ эрдээхтик дьулуйда. / Эрдиитин тарбаҕа кимиэллээн / Долгуну быһыта кырбаата»* [7, с. 67] *(Криком-ревом звеня / К берегу решительно устремился / Палец весла начал грести / Волны резко кромсая).* Общеизвестно, что приемы олицетворения и аллегории являются одними из самых распространенных приемов якутской устной народной поэзии.

Стихотворение «Северному морю» С.С. Васильева имеет существенное сходство с поэмой «Өрүс бэлэхтэрэ» («Дары реки») А.Е. Кулаковского, которое обнаруживается в раскрытии аналогичных образов реки Лена и Северного Ледовитого океана. При раскрытии образов оба поэта обращаются к приему олицетворения. В отличие от стихотворения С.С. Васильева, в поэме А.Е. Кулаковского образы раскрываются в диалогической речи персонажей. Образ океана уподобляется властной, грозной старухе, “бабушки” реки Лена, а образ Лены-реки отождествляется с образом доброй кормилицы людей, которая противопоставлена образу Ледовитого океана.

В стихотворении «Северному морю» обнаруживается своеобразное изображение контраста образов реки и океана, которое приобретается с помощью риторических фигур. При обращении лирического героя к реке Лена используется прием противопоставления, характерный для поэмы А.Е. Кулаковского:

Хотун Лена эбэккэм,
Хоту муустаах муора
Хонноҕун хобуччу аһан
Куустара сытаары сыһыйан,
Куугунуу, курулуу-барылыы
Кутулла сытар эбиккин
Үрэх үрэхтэн үмүөрэн,
Хомо хомоттон хомуйан
Бэлэх-туһах аҕалан,
Тоҥ улуу-дьаалы хотун
Туолбат бэлэһин үүтүгэр
Тоҕо сытар эбиккин.

[8, с. 233]

Госпожа Лена река,
Северное ледовитое море
Ждет смиренно
Чтобы лежать в твоих объятиях,
Ты с шумом-рокотом буйствуя
Наполняя течешь, оказывается
Из речек речушек сплотив,
Из заливов своих собирая,
Холодной своевольной госпоже
Дары-приношения доставляешь,
В ее ненасытную глотку
Выливаешь оказывается.

(Перевод наш – С.В.)

Идейным замыслом произведения «Дары реки» является «протест против хищнического отношения к природным богатствам Якутии», так поэт впервые в якутской литературе ставит проблемы экологического кризиса [25, 447]. В отличие от поэмы А.Е. Кулаковского, произведение С.С. Васильева проникнуто пафосом воспевания трудового народа во благо республики.

Следует отметить, что С.С. Васильев, как и А.Е. Кулаковский, создает, в основном, поэтические произведения в форме аллитерационных стихов, которые образуют ритмическую структуру, основу их поэтической речи. А.Е. Кулаковский в своем труде «Правила якутского стихосложения» отметил, что аллитерация является основным стихообразующим элементом, метрическим определителем якутского стиха [114, с. 452-455]. О этом пишет и Г.М. Васильев: «А.Е. Кулаковский и в мысли не допускал возможность каких-либо систем и других путей развития якутского стиха, кроме народной аллитерационной системы» [63, с. 58].

Н.В. Покатилова делает вывод о том, что «поэтические тексты Кулаковского следует рассматривать как наиболее ранние и, по существу, единственные в своем роде образцы литературного аллитерационного стиха, а саму поэзию как уникальное явление «перехода» от устной традиции к литературе» [148, с. 130]. Исследователь специально подчеркивает, что «последователи Кулаковского, использовавшие аллитерацию, принадлежали к традиции, которая имела мало общего с “исконным” аллитерационным стихом, но иногда осмысляла себя как ориентирующуюся на него...» [148, с. 129].

В работах Н.Н. Тобурокова, М.Н. Дьячковской, Н.В. Покатиловой отмечается, что в 1920-е гг. в истории якутской системы стихосложения произошли изменения в плане исконного метрического принципа, а именно, в якутской поэзии, начиная с творчества П.А. Ойунского, наблюдается влияние русского стихосложения [85; 148; 184].

Следует подчеркнуть, что С.С. Васильев свои первые стихотворения стремился написать на принципах силлабической системы. Но в 1940-е гг., как справедливо отмечает Н.Н. Тобуроков, «благодаря творчеству С. Васильева, <...>

при главенствующем силлабическом стихосложении снова вступила в силу аллитерационная поэзия» [184, с. 42]. Аллитерационным стихом поэт написал произведения по военной тематике, в которых наблюдается дальнейшее развитие национальной системы стихосложения. Стоит отметить, что поэт в создании особенного ритма стиха произведения применял прием синтаксического параллелизма [184, с. 42].

Таким образом, поэзия А.Е. Кулаковского плодотворно воздействовала на развитие творчества С.С. Васильева. В его поэзии, особенно наглядно 1940-50-х гг., используются творческие устои, заложенные поэтом-предшественником. Так, традиции А.Е. Кулаковского проявляются в выборе С.С. Васильевым жанра произведений, в его системе образов. Например, С.С. Васильев умело и творчески перенимает у А.Е. Кулаковского прием противопоставления образов реки Лены и Ледовитого океана, придающий особую стройность композиции произведения. В рассматриваемых произведениях, которые считаются литературными переложениями жанров народной поэзии, сходна и организация стиха.

Заметную роль в становлении личности и писательского мастерства С.С. Васильева сыграло яркое самобытное творчество П.А. Ойунского. Его поэтические традиции повлияли и на творчество многих последовавших за ним поэтов – С.Р. Кулачикова-Элляя, В.М. Новикова-Кюннюк Урастырова, А.Г. Кудрина-Абагинского, И.Е. Слепцова-Арбиты и др. Влияние творчества П.А. Ойунского рассматривается в работах литературоведов Н.Н. Тобурокова, П.В. Максимовой, М.Н. Дьячковской, Е.А. Архиповой и др.

Вопросы художественного наследия П.А. Ойунского рассмотрены в фундаментальных трудах литературоведов В.А. Семенова, В.Т. Петрова, В.Б. Окороковой и др. Они исследуют личность П.А. Ойунского как государственного деятеля, писателя-философа, новатора – основателя силлабической системы в истории якутской поэзии, основоположника якутской советской литературы. В результате их скрупулезных исследований выявляются особенности тематики, образов, поэтического языка, раскрываются секреты мастерства великого поэта, прозаика и драматурга.

Художественное творчество и общественная деятельность поэта пронизаны идеями революции, неразрывно связаны с исторической эпохой развития общества. В.А. Семенов отмечает: «... на всей его деятельности, а она была удивительно многогранной и не ограничивалась только художественным творчеством, лежит огненный отпечаток героического времени, все в ней отмечено романтическим порывом, творческой страстностью и новаторским поиском» [165, с.5].

П.А. Ойунского называют поэтом, сотворенным Великой Октябрьской революцией: «Революционная стихия, идея борьбы в его произведениях и образы борцов, становящиеся на путь изменения мира, интонация повествования основаны на традициях <…> родного фольклора» [140, с. 31].

Как отмечает В.Б. Окорокова, в поэзии П.А. Ойунского констатируется вся биография самого поэта [138, с. 162-164]. С.С. Васильев, как и П.А. Ойунский, воспевал в своем творчестве современные ему время и события. Он посвятил стихотворения Октябрьской революции и победе большевиков в гражданской войне: «Революция кыһатын күөдьүтэбит» («Разжигаем революционную кузницу»), «Бартысаан ырыата» («Песня партизана»), «Табаҕа» («Табага») и др. Стихотворение «Разжигаем революционную кузницу» идентично идейно-тематически произведению П.А. Ойунского «Туруҥ, туруҥ, туойуҥ!» («Вставайте, вставайте, воспевайте!»). Более того, восклицательные предложения С.С. Васильева: *«Туруҥ, чэйиҥ, хадьыктаһыҥ, / Дьолго, көҥүлгэ харбыалаһыҥ!»* [7, с. 80] *(«Вставайте, ну-ка, боритесь, / к счастью, к свободе стремитесь!»)* перекликаются с призывной интонацией П.А. Ойунского: *«Туруҥ, туруҥ, туойуҥ! / Туруҥ, туруҥ, чугдаарыҥ»* [27, 122] *(«Вставайте, вставайте, воспевайте! / Вставайте, вставайте, восхваляйте!»).*

Если основная идея произведения П.А. Ойунского представлена в торжественном обращении к писателям с призывом создавать поэзию, отражающую партийно-классовую позицию и являющейся идейным оружием в борьбе за победу социализма, то у С.С. Васильева – призыв к трудящемуся народу к укреплению рядов партии, социализма, рожденного революцией.

Преемник идейно-эстетических принципов, тематики произведений П.А. Ойунского, развивая его революционный пафос, создает произведения, в которых прославляет идеи правящей партии того времени. Это стихотворения «Коммунист партияҕа» («Партии коммунистов»), «Кыайыылаах суолунан» («По дороге победы»), «Эдэр ыччат» («Молодое поколение»), «Кыһыл знамя» («Красное знамя»), объемное произведение в стихах «Саҥа дьыл» («Новый год»), поэма «Айхал» («Слава»). В них автор воспевает верность, любовь народа к партии, преданность идеям социализма.

С.С. Васильев создает образы вождей советской страны В.И. Ленина и И.В. Сталина, которые всегда отождествляются в произведениях якутских поэтов с образом солнца. Произведения С.С. Васильева наделены публицистическим пафосом, наполнены патриотическим духом – таковы были нравственные ценности самого поэта. Уподобление образов вождей революции, Советского союза солнцу является традиционным и в русской поэзии, и в поэзии народов СССР. П.А. Ойунский впервые в якутской литературе раскрыл художественный образ Ленина. В произведении «На смерть вождя» автор «рисует образ вождя рабочего класса и угнетенных масс всего мира» [165, 55]. В стихотворении «Очуос таас уоттара» («Огни утеса») П.А. Ойунского образ Ленина сравнивается с незаходящим солнцем, которое светит с небес над горами, аналогичное сравнение использовано в поэме «Слава» С.С. Васильева.

Поэт-новатор П.А. Ойунский впервые в истории якутской лирики ввел в поэзию тему созидательного труда, воспевание тружеников-передовиков: «Үлэһит ырыата» («Песня труженика», 1917), «Ударниктар марштара» («Марш ударников», 1931), «Дороообо, туйгун кыыс Өкүүчэ!» («Здравствуй, славная девушка, Ариша!», 1937). Мотив возвеличивания труда, строителей обновленного общества является одним из эстетических принципов С.С. Васильева, ярко представленный в его произведениях 1930-40-х гг.

Он писал о преобразованиях в общественной жизни, укрепляющих новый строй, и о радости вдохновенного труда («Артель Романа», «Новый завод», «Нарисуй узором», «Построй дорогу», «Мастера стройки», «Рапорт»). В них

раскрываются образы сельской молодежи, советского народа в целом, которые неустанно трудятся для развития советского общества. Это комсомольцы и коммунисты, колхозники и передовые рабочие, землеустроители, строители дорог, охотники, чей труд и непреодолимая сила воли воспеваются поэтом. Эти образы перекликаются с образами произведений П.А. Ойунского, который восхищается трудом девушки-трактористки Аннушки, успехом доярки Ариши, удостоенной ордена «Знак Почета».

В.Б. Окорокова отмечает, что поэтика основных произведений П.А. Ойунского – это «огненные слова, образы-символы, метаязык, образность, иносказательность, традиции мифа и фольклора, что служит выражением его романтизма» [139, с. 4]. Поэт воспевающий время «огня и бури», выступает как оратор, трибун, призывающий якутский народ к светлому будущему, которое грядет при сплочении всех вместе в борьбе против капитализма. Его стихотворения пронизаны особой агитационной, приподнятой интонацией, с которой поэт обращается ко всему человечеству. Такая интонация поэтической речи достигается посредством риторических фигур, передающих эмоциональное состояние лирического героя. Такова особенность индивидуального стиля писателя П.А. Ойунского.

Публицистическая патетика присуща и многим произведениям С.С. Васильева, которые, несомненно, написаны под влиянием творчества поэта-революционера. В поэтических произведениях, созданных в годы войны и в послевоенное время, С.С. Васильев, в основном, использует риторические восклицательные обращения, сходные с поэтической речью старинной клятвы и благословения, хотя произведения поэта тех лет отличаются исключительной гражданственностью, патриотизмом. В них описываются трагические картины войны, внутреннее состояние лирического героя и автора.

В творческом арсенале обоих поэтов имеются произведения с одноименными названиями «Клятва», основанные на жанровой форме обрядовой поэзии. По теме эти произведения различаются: П.А. Ойунский посвятил стихотворение памяти вождя пролетариата В.И. Ленина и призывает народ к укреплению

социалистического общества, к борьбе за дело коммунизма. С.С. Васильев в форме клятвы призывает советский народ к борьбе с фашизмом. Основная идея его произведения – призыв в отстаивании справедливости. Кроме этого, наблюдается схожесть композиционного строя стихотворений. П.А. Ойунский и С.С. Васильев используют один и тот же строфический повтор *«Аан дархан андаҕары андаҕайдахпыт буоллун!»* [7, с. 153-154] (*Незыблемой клятвой клянемся!*), что, в свою очередь, усиливает торжественность интонации и выразительность поэтической речи.

Характерным приемом обоих авторов является употребление восклицательных слов и предложений, которые активно используются и в жанрах якутской обрядовой поэзии: *«Уруйдааҥ! Уруйдааҥ!», «Айхаллааҥ!!! Айхаллааҥ!!!» (Прославляйте!), «Үһүн тускул, Уруй-айхал!» (Высокое благополучие, Великая слава!)* (П.А. Ойунский) и *«Уруй! Уруй!» (Слава! Слава!) «Умнуллубат уруй буоллун!» (Пусть будет памятная слава!)* (С.С. Васильев). Через эти восклицания и маршевый ритм поэтами утверждается радостное воодушевление лирического героя.

П.А. Ойунский известен как истинный ценитель и неутомимый собиратель произведений якутского фольклора. Он на основе якутской народной сказки «Чаркый икки Барыллыа икки» («Чирок и беркут») написал произведение «Мөккүөр» («Спор», 1925) в стихотворной форме. Автор привнес в текст социальную идею, актуальную в то время. По мотивам этой же народной сказки С.С. Васильев создал стихотворную сказку для детей «Көтөр мунньаҕа» («Собрание пернатых», 1952). Налицо схожесть сюжетной линии и образов птиц – персонажей сказок, написанных разными авторами в разное время.

Бесспорной заслугой П.А. Ойунского является то, что он впервые в истории якутской письменной литературы поэтически обработал героический эпос – олонхо «Нюргун Боотур Стремительный». Как отмечает В.А. Семенов, до П.А. Ойунского тексты якутского героического эпоса олонхо были записаны и издавались прозаическим текстом, а текст авторского олонхо поэта написан стихами [164, с. 6]. С.С. Васильев, перенимая опыт своего предшественника,

впервые создал олонхо для детского чтения, в котором и проявляется подлинный талант писателя.

Интересные факты находим в мемуарах С.С. Васильева, в его воспоминаниях о П.А. Ойунском «Үйэҥ тухары үчүгэйгэ тардыһан» («На протяжении всей жизни стремился к лучшему», 1963). Восхищаясь творческим талантом гениального поэта, раскрывает его как своего наставника, лучшего старшего товарища. Как опытный писатель П.А. Ойунский консультировал С.С. Васильева в период создания многих стихотворений, а также поэмы «Артель Романа». П.А. Ойунский прочитав поэму «Арыылаах артыала» («Артель Арыылааха») и стихотворение «Арамаан оҕо артыала» («Артель Романа-юнца») С.С. Васильева, посоветовал ему из двух похожих по содержанию произведений создать одну объемную поэму. Кроме того, П.А. Ойунский поддерживал интерес молодого поэта к созданию олонхо: «Хас кэпсэттэҕин, хас көрүстэҕин ахсын: ханнык олоҥхолору билэҕин? – диэн ыйытара уонна олоҥхото суруй диирэ. Олоҥхо тылын-өһүн билэргэ, ону сатаан туттарга сүбэлиирэ» [67, с. 3] (При каждой встрече, при каждой беседе П.А. Ойунский спрашивал, какие олонхо я знаю, предлагал написать. Советовал овладеть языком олонхо, научиться использовать его в своем творчестве) *(перевод наш – С.В.)*.

Поэтов П.А. Ойунского и С.С. Васильева сближает не только схожесть их художественного творчества, но и активная жизненная позиция, общественная работа, которая направлена была на создание новой жизни. Вызывает уважение их патриотичность, оптимизм, трудолюбие. С.С. Васильев как руководитель и общественник, несомненно, перенимал опыт П.А. Ойунского, видного государственного и политического деятеля.

Таким образом, С.С. Васильев – достойный преемник поэтических традиций А.Е. Кулаковского, П.А. Ойунского. Он почитал их как своих учителей, ценил их их творческое наследие как неоценимое духовное богатство. Поэт учился у классиков якутской литературы использованию фольклорного материала, приобретению умений и навыков, приемов стихосложения. С.С. Васильев творчески переосмысливал новаторские методы предшественников, и в то же

время основывался на традициях устного народного творчества, вырабатывая свой неповторимый авторский стиль.

В итоге первой главы, раскрывающей основные этапы биографии и творчества С.С. Васильева, приходим к следующим выводам: благотворное воздействие среды, формирование и развитие личности в атмосфере эстетики народного творчества позволили поэту обрести любовь к художественному слову. Трудовые умения и навыки, приобретенные с малых лет, оказали определяющую роль в становлении личности будущего руководителя. Жизненным приоритетом поэта становится общественная работа во благо процветания родной земли, развития республики. Организаторский талант С.С. Васильева, его умение и опыт как руководителя является примером и для современного поколения.

Активная гражданская позиция, государственная деятельность С.С. Васильева, а также отдельные факты из его жизни, находят отражение во многих произведениях поэта, из которых можно выделить поэму “Артель Романа”, роман в стихах “Младший сын”. Непосредственное влияние на особенности тематики, поэтического языка и жанровой формы произведений С.С. Васильева оказало творческое наследие классиков якутской литературы А.Е. Кулаковского и П.А. Ойунского.

Глава 2. Фольклорные истоки поэзии С.С. Васильева-Борогонского

2.1. Традиции фольклора в жанровых поисках автора

В якутском литературоведении творчество С.С. Васильева в аспекте своеобразия жанров и жанровых форм его поэзии изучено недостаточно. Исследование данного аспекта художественного творчества требует к себе целостного подхода. Для выявления системы поэтических жанров мы обратимся к анализу творчества С.С. Васильева, так как на примере его поэтического наследия можно представить не только эволюцию авторской жанровой системы в целом, но и пути, и формы взаимодействия якутского фольклора и литературы, специфичной для художественной словесности периода 1930-1960-х гг.

По мнению литературоведов, жанр определяется через совокупность общих признаков произведения, типология которых зависит от принадлежности к роду и от содержания и формы произведения [196, с. 19]. М.М. Бахтин считал, что содержание и тематика произведений неразрывно связаны с жанровыми формами, которые характеризуют стилевые особенности их авторов: «В жанрах (литературных и речевых) на протяжении веков их жизни накопляются формы видения и осмысления определенных сторон мира» [44, с. 351].

Жанровая типология якутской поэзии, начиная с изучения творчества классиков национальной литературы, исследована П.В. Максимовой. В ее основной работе по классификации и жанровой типологии якутской поэзии рассматриваются проблемы эволюции, типологии жанров, систематизируется классификация поэм от истоков якутской литературы до современного периода [128]. Проблемы жанров национальной поэзии исследованы так же в работах литературоведов Г.М. Васильева, В.А. Семенова, В.Б. Окороковой, Л.Н. Романовой, В.Г. Семеновой, Е.А. Архиповой, Л.П. Григорьевой и др. Литературовед Е.А. Архипова, исследуя творчество поэта И. Арбиты приходит к выводу, что в истории якутской литературы периода 1900-1940-х гг. наблюдается развитие жанров и жанровых форм поэзии, прозы и драмы [39, с. 38]. У истоков развития лирических, лиро-эпических жанров якутской поэзии, которые появились

в 1909-1920-е гг., стояли, наряду с первыми поэтами, П.А. Ойунский, С.Р. Кулачиков-Элляй, В.М. Новиков-Кюннюк Урастыров и С.С. Васильев.

Особенности жанрового своеобразия поэм и стихотворных произведений С.С. Васильева обстоятельно исследованы П.В. Максимовой. Литературовед отмечает, что «основной стилевой чертой его поэзии являются публицистическая направленность раскрытия темы и соблюдение формы якутского стихосложения со всеми особенностями поэтики народных песен и эпических сказаний» [128, с. 90]. Опираясь на данное исследование, мы провели работу по систематизации жанров и выявлению жанровых форм поэтических произведений С.С. Васильева.

Классификация произведений проводится по основным аспектам жанра – по содержанию и формам. Г.С. Кунафин отмечает, что «в жанровых образованиях ведущую роль играют их содержательные особенности, а в литературе важно не только то, что изображается, но и то, как оно изображается. Изучение содержательных жанровых особенностей невозможно без анализа формы» [118, с. 42].

Лиро-эпические поэмы С.С. Васильева. Первое лиро-эпическое произведение ***«Артель Романа»***, по классификации поэм П.В. Максимовой, относится к разряду поэм с эпической доминантой лирико-повествовательного характера [128]. Данная поэма, по нашему мнению, наиболее приближена к поэтике фольклора. В произведении через образ человека с активной жизненной позицией воссоздается процесс становления сельского коллективного хозяйства и обновленной жизни якутского народа, развития артелей, колхозов. Герой поэмы – в прошлом батрак, партизан, а ныне коммунист Роман – выступает как пламенный агитатор и организатор колхозного строительства. Он первым доводит правду народной массе о пользе коллективизации. В поэме воспевается «завтрашний день», перспектива развития колхозного строительства. Произведение проникнуто пафосом революционного романтизма.

В поэме своеобразно присутствие автора в образе птичек: снегиря в начале поэмы и жаворонка в заключении. Птички «наблюдают за всем происходящим и радуются этому». В фольклоре образы жаворонка, снегиря традиционны для

изображения детей или любимых девушек, а в произведении С.С. Васильева эти образы являются не только символами наступления весны и лета, с их помощью автор вводит лирические отступления, в которых воспевается становление коллективного хозяйства в сельской местности. Эти лирические отступления, раскрывающие идею произведения, выступают приемами построения композиции поэмы.

В лирическом отступлении во вступительной части поэмы дается описание природы Арыылааха, что перекликается со вступительной частью олонхо, где дается описание Среднего мира. Необходимо отметить, что описание природы в поэме выполняет функцию нарративного начала. Пейзаж используется как средство поэтической экспрессии, которое настраивает читателя на требуемую эмоциональную волну. Природа в поэме радуется, одухотворяется, эти чувства выражаются олицетворениями. Поэт интенсивно использует устойчивые выразительные средства национальной лирики. В этом заключается фольклорность поэтического языка поэмы.

Известный якутский поэт И.И. Артамонов указывает на автобиографический характер произведения С.С. Васильева «Артель Романа». Он утверждает, что поэт был лично и близко знаком с его дядей И.Ф. Артамоновым, который работал председателем колхоза «Арыылаах» Ольтекского наслега Борогонского улуса и многократно встречался с С.С. Васильевым. Оба активно участвовали в работах по реформе земель, по созданию первых артелей. И как пишет И.И. Артамонов, прототипом образа Романа является его дядя И.Ф. Артамонов [36, с. 200].

В первой части произведения описывается, как коммунист Роман активно призывает местное население, агитирует их за создание артелей, колхозов. Во второй части идет повествование о коллективном труде во благо развития села. По советам Романа в селе строят школу, открываются новые библиотека, дом культуры, магазин, котельная и т.д. Автор передает, как народ, сплотившись, ощутил радость и счастье от нового уклада жизни.

Сила и мощь сельскохозяйственной техники изображаются подобно описанию физических данных персонажей олонхо, в котором используются такие

формульные выражения, как *«кини обургу» (он молодец), «кини дьаалы» (ишь какой он)* [7, с. 19], и которые указывают на фольклоризм поэтического языка поэмы.

Существенное влияние устной народной поэзии наблюдается в способах построения стиха поэмы «Артель Романа». Аллитерированные стихи поэмы состоят из семи-восьмисложных строк, что соответствует напевной форме якутского народно-песенного стиха. Можно отметить, поэт при создании стиха умело сочетает народную систему стихосложения – аллитерацию и силлабику. От общего количества стихов (всего 406 стихотворных строк) поэмы 270 стихов состоят из 2-2-3 слоговых структур и образуют семисложные строки, которые занимают 66,5 % объема. Количество восьмисложных строк равно 109, и они занимает 26,9 %. В основном, образуются из сочетания структур: 2-2-4, 3-2-3. Вертикальная аллитерация, парная рифмовка и силлабический ритм стихов придают поэме особую мелодику:

Илин халлаан иититтэн,	2+2+3=7	*С восточного небосклона*
Итир былыт кэнниттэн	2+2+3=7	*За перистыми облаками*
Сарыал уота чаҕылыйан	2+2+4=8	*Сияя отблеском*
Саҥа күнүм арылыйан,	2+2+4=8	*Новое солнце светясь,*
Көтөн-ойон күөрэйдэ,	2+2+3=7	*Летя, высоко поднялось,*
Күлүм-дьирим күөгэйдэ.	2+2+3=7	*Сверкая-мигая склонилось*
	[7, с. 13]	*(перевод наш – С.В.)*

В поэме «Артель Романа» всего 1218 слов, из них парных слов – 244. Это 20 % от общего количества слов поэмы, 53,3 % занимают двусложные слова, 44,8 % – трехсложные. Максимальное количество двух и трехсложных слов, а также парных слов: *күлүм-дьирим (сверкающий-мерцающий), көтөн-ойон (летя-прыгая), үөрэ-көтө (радуясь-летя), ыллыы-туойа (воспевая-запевая) и т.п.* – создает динамичную ритмику, что способствует сохранению романтического содержания и идеи произведения.

Аллитерацией охвачено 95,1 % строк. По мнению стиховедов, аллитерация может быть использована в начале строки, это так называемая начальная рифма [85, с. 42]. Начальная рифма делится на такие виды: аллитерация-рифма эхо, с усечением, с замещением, рифма-аллитерация с замещением и прибавлением, с

замещением и усечением [39, с. 34]. Придерживаясь классификации М.Н. Дьячковской, Е.А. Архиповой систематизируем аллитерации-рифмы следующим образом:

1. Аллитерация с замещением одного звука:

*Кү**н**үм уотун көрсүбүт* *Кү**л**үм-дьирим мөхсүбүт...* [7, с. 18]	*Свет моего солнца встречает* *Сверкая-мигая плещется* *(перевод наш – С.В.)*

2. Аллитерация с двойным замещением:

*Тиҥ**ийэр-**таҥыйар тыаһыттан* *Тиҥ**илэх** кытта доргуйбут...* [7, с. 17]	*От шума издающихся громких глухих звуков* *Даже пятки дрожат* *(перевод наш – С.В.)*

3. Аллитерация-рифма с наращением конечного согласного звука во втором слове аллитерированной пары:

Арыы бөлөх ыалларын *Арыы**й** аҕай үрдүнэн...* [7, с. 19]	*Чуточку выше* *Над соседями, отдельно живущими* *(перевод наш – С.В.)*

4. Аллитерация-рифма с замещением и усечением:

*Буо**й**у<u>н</u> күүстээх муоһунан* *Буо**р**у тиэрэ силгэйбит...* [7, с. 20]	*Вол Буойун своими сильными рогами* *Землю перевертывая раскидывал...* *(перевод наш – С.В.)*

5. Аллитерация-рифма с замещением гласных звуков и наращения конечного согласного:

*С**үү**рэ-көтө мөхсүбүт* *С**үрэх-**бэлэс уолаттар...* [7, с. 22]	*Резвясь-бегая хлопотали* *Трудолюбивые юноши...* *(перевод наш – С.В.)*

Кроме строфической аллитерации в поэме выявлена внутристиховая аллитерация, например:

***<u>Да</u>**быдалын сыыһын **<u>да</u>**ллатан,* ***<u>Да</u>**ллайа-**<u>да</u>**ллайа **<u>да</u>**байан...* [7, с. 13]	*Верхней частью крыла распластав,* *Крылья широко разводя взлетая...*

(перевод наш – С.В.)

Внутристиховая аллитерация наблюдается в 135 строках (33,3 %), что дополнительно упорядочивает звуки и образует особую ритмическую структуру. Внимание привлекает и то, что повторы слов внутри одного стиха усиливают ритмичность шестнадцати строк поэмы: «*киһи-киһи аайыга»* [7, с. 14] *(каждому человеку)*; «*туспа-туспа олорон»* [7, с. 14] *(отдельно садясь); «сирдир-сирдир охсубут»* [7, с. 18] *(ритмично разрубая); «араас-араас дойдуттан»* [7, с. 18] *(из разных стран); «бирилии-бирилии билтэйбит»* [7, с. 19] *(с рокотом выпячивает); «көҕүс-көҕүс быспыттар»* [7, с. 22] *(кусками резали)* и т. д.

Благозвучию текста произведения способствуют рифмы (клаузула). Рифмовка, использованная поэтом, в основном, смежная. По классификации рифм, разработанных стиховедами Н.Н. Тобуроковым, М.Н. Дьячковской, Е.А. Архиповой, виды рифм в поэме сгруппированы нами так:

1. Фономорфологические рифмы: образованные из одной части речи: *иит**иттэн**-кэнн**иттэн*** [7, с. 13] *(с ореола солнца-сзади), сыбар**ыйан**-сырал**ыйан*** [7, с. 13] *(закрывая-раскаляя), санаа**лаах**-саргы**лаах*** [7, с. 16] *(с намерением-благополучный)* и др.;

2. Рифмы, различающиеся согласными звуками: *тыктар**быт**-сырдап**пыт*** [7, с. 19] *(брызнуть-осветить), тиэргэҥҥ**э**-титиикк**э*** [7, с. 20-21] *(во дворе-в летнем коровнике), күннүг**э**-күдэ**ҕэ*** [7, с. 21] *(дневник-энергия)* и др.;

3. Рифмы, различающиеся гласными звуками: *үүнэ**ммит**-буола**ммыт*** [7, с. 15] *(вырастая-являясь), ылыах**пыт**-тутуох**пут*** [7, с. 15] *(заберем-построим), **булаары-билээри*** [7, с. 17] *(найти-узнать)* и т.п.;

4. Рифмы, в которых совпадают корневые звуки: *чаҕ**ылыйан**-ар**ылыйан*** [7, с. 13] *(заблистая-бывая чистым), айх**ала**-арт**ыала*** [7, с. 18] *(слава-артель), оҥ**орон**-тол**орон*** [7, с. 18] *(сделав-выполнив), үөск**ээбит**-элб**ээбит*** [7, с. 20] *(зародиться-приумножиться)* и др.;

5. Точная рифма, образованная из разных частей речи: *үрдүтт**эн**-күөкэй**эн*** [7, с. 13] *(сверху-вытягиваясь), алаас**тан**-ана**тан*** [7, с. 16] *(с поляны-определенный),*

*кумахт**ан**-анньын**ан*** [7, с. 16] *(из песка-снизу), улаа**ппыт**-ычча**ппыт*** [7, с. 16] *(подрастать-молодежь)* и др.;

6. Точная рифма, рифма эхо: ***барахсан-арахсан***[7, с. 20] *(родной-раставаясь),* ***ыллаатым-тыллаатым*** [7, с. 23] *(петь-сообщать)* и т.д.

В своеобразии построения стиха поэмы заключается новаторство поэта: умелое использование С.С. Васильевым аллитерации и различных видов рифм. Аллитерация и рифмы создают четкую организацию стиха, обеспечивают ритмичность и стройность поэтического текста произведения.

Поэма ***«Семь журавлей»*** посвящена жизни крестьян пред- и постреволюционного периода. Как уточняет П.В. Максимова, в эпической поэме лирические отступления усиливают философское содержание произведения: «Четко разделенные две части и заключение поэмы объединены сквозным образом времени, символическим воплощением которого является улетающая на юг стая журавлей» [128, с. 105]. Автор поэмы на противопоставлении чувств и мыслей отца и сына передает их душевное состояние, связанное с наступлением холодной осени и зимы. Отец при виде перелета журавлей на юг вспоминает тягостный уклад жизни, пережитого им в молодости, когда трудился батраком. А в настоящее время его сын, свободный человек, обращаясь к журавлям, летящим в теплые края, повествует о стремительно развивающейся с каждым годом новой жизни [176, с. 107].

В якутской народной лирике образ журавля олицетворяет начало долгожданной теплой поры – весны и лета. Также с образом птицы ассоциируются добрые воспоминания и светлая грусть. В поэме С.С. Васильева журавль символизирует трудное прошлое и настоящее новое время [176]. Прошлое тождественно осени, а настоящее и будущее – весне. Автор через символический образ журавлей показывает текучесть времени, продолжение жизни и развитии нового общества. Автор, творчески используя образную систему устной поэзии, значительно усиливает значение и функции образов-символов.

Творческое освоение поэтом изобразительно-выразительных средств народной поэзии наблюдается в языке произведения. Автор, в основном,

применяет постоянные эпитеты, например при отображении солнца, такие как: *«аламай» (сиящий), «сырдык» (светлый), «көмүс» (золотой).*

Своеобразие поэмы заключается в ее оригинальной форме, в стиховой и строфической организации произведения. Как отмечает Н.Н. Тобуроков, в 1930-е гг. якутские поэты искали новые формы для своих произведений, много экспериментировали, создавали стихотворения под влиянием творчества П.А. Ойунского. Так, С.Р. Кулачиков-Элляй создал первое произведение в форме сонета «Ийэбэр» («Матери», 1931). А.И. Абагинский написал стихотворение «Түүн үөһэ» («Глубокой ночью») со строфами в форме ромба. Поэт И.Д. Винокуров-Чагылган был «оригинален в поисках строф» и создавал произведения, придавая строфам форму узора [184, с.142].

Поэма «Семь журавлей» состоит из 268 стихов. Первая часть – 31 строфа, вторая часть – 29 строф и заключение – всего 7 строф. Строфу составляют четыре строки, в которой первые строки каждой строфы состоят из шестисложников. Шестисложные строки чаще всего образуются из 1-2-3 (29,9 %) и 3-3 (44,8 %) слоговых структур. Вторая, третья и четвертая строки образованы из трехсложных структур: 3, 1-2, 2-1. Трехсложные структуры, состоящие из одного трехсложного слова, занимают 84,6%. Таким образом, поэт, используя одно-трехсложные слова, создает произведение в новой строфической форме:

Үөр сэттэ туруйа
Халлааны
Кырыйа
Көтөрө.
Биэс, алта тыымпыны
Үөһэттэн
Курдаттыы
Көрөрө... [7, с. 33]

В поднебесный простор
Поднялись,
Прокричав,
Журавли.
Шесть заросших озер
Средь тайги показались
Вдали [21, с. 62]

Перевод А. Лаврика

В 1939-40-е гг. поэт создает поэму «Слава», которую можно отнести к произведениям, основанным на традициях устного поэтического творчества. Современник С.С. Васильева, народный поэт С.Р. Кулачиков-Элляй писал: «Это произведение через ряд типических образов людей и событий показывает прошлое,

настоящее и будущее Якутии. Автор в своем письме к великому вождю использовал сокровища якутского фольклора (эпос, песни, пословицы). Основные достижения письма – это типизация главнейших моментов истории якутского народа» [116, с. 2].

По классификации П.В. Максимовой, поэма относится к группе лирико-публицистических поэм [128, с. 230] и основана на жанровой форме фольклорной лирики – народной песни (дэгэрэн), или речитативу эпического произведения, который исполняется лирическим героем на возвышенном эмоциональном тоне. Особенность поэмы заключается в некоем структурировании текста как повествования лирического героя и отдельных «песен» (речи) трудящегося народа.

В отличие от поэм 1930-х гг., данное произведение поэта написано, в основном, четырехстрочными строфами. Но в 57-м, 63-м стихах наблюдается частичное изменение стиховой формы – это тексты песен, исполняемые охотниками и артистами. Тем не менее, ритмическая организация стихов, состоящая из равносложных строк с перекрестными рифмами, не меняется. В произведении автор восславляет деятельность Коммунистической партии. Содержание и идея произведения были актуальными в то время, когда общество, в том числе и все писатели, руководствовались принципом партийности литературы.

Поэтическая публицистика С.С. Васильева-Борогонского в период Великой Отечественной войны. В годы войны творческая индивидуальность поэта достигла расцвета. С.С. Васильев, используя формы обрядовой поэзии (благопожелание, клятва, заклинание) и народных песен, создает яркие произведения публицистического характера, которые занимают значительное место в его творческом наследии.

В якутском литературоведении отмечается, что именно в годы Великой Отечественной войны в национальной литературе развивается и обновляется ее жанровая система, в которой немаловажное место в его творческом наследие [48; 49; 125]. В те годы в литературе народа саха, как и в других национальных литературах, наблюдается существенный рост создания и опубликования произведений стихотворного жанра. Перед писателями, поэтами были поставлены

новые задачи: создать произведения с патриотическим содержанием и духом для мобилизации и сплочения советских людей.

С.С. Васильев в суровые годы войны, будучи секретарем Правления Союза писателей Якутии, сплотил разрозненные писательские силы в коллектив с единой целью – помогать в тылу в борьбе против фашизма. Под его непосредственным руководством проводилась масштабная работа по укреплению связи писателей с народом через средства массовой информации. Практиковались выступления по радио, издание произведений писателей и поэтов-фронтовиков в газетах и журналах, издание сборников стихотворений и поэм, публицистических статей и т.д. Активно печатались стихотворные произведения, призывающие народ к победе и консолидации: «Бары фашистары утары» (Все против фашистов) С.Р. Кулачикова-Элляя, «Бары күүһү – фронҥа» (Все силы на фронт) А.Г. Кудрина-Абагинского, «Эйиэхэ андаҕар биэрэбит» (Даем клятву) В.М. Новикова-Кюннюк Урастырова и др.

«Великая Отечественная война, оказавшая огромное влияние на историческое самосознание советского общества, углубившая чувство национальной гордости, заставила во многом по-новому взглянуть на прошлое, в том числе и на культурное наследие…» [77, с. 4]. «Обращение поэтов к фольклорным истокам соотносится с народным характером войны. Традиционные фольклорные темы, образы, поэтика, идейно-эмоциональный пафос, влившиеся мощным потоком в литературу Великой Отечественной войны, помогали писателям обращаться к народу на языке, близком его идеалам, эстетическим вкусам и национальным особенностям мироощущения» [110, с. 25]. Якутская поэзия воспринималась тогда, как оружие борьбы с врагом: «…в эти тревожные годы она как нельзя лучше отвечала патриотической задаче – страстному призыву поэтов к защите Родины и советского народа от фашистских захватчиков, которая ассоциировалась с защитой богатырями «подсолнечного мира» и айыы аймага – добрых его жителей – от чудовищ подземного мира абаасы. Все эти фольклорные ассоциации почти в своем прямом смысле и полном объеме и становились популярными в народе потому, что якутский фольклор, и в том числе эпическая

поэзия, был живым, функционирующим явлением, имеющим сотворяющую и воспринимающую среду» [174, с.152].

В годы войны поэзия С.С. Васильева приобретает мощное гражданское звучание. Его поэтическое творчество достигает вершины в жанровом, образном, идейно-тематическом планах, в котором четко прослеживаются фольклорные традиции. О становлении самобытного творческого стиля поэта пишет литературовед А.А. Бурцев: «В произведениях Васильева военных лет окончательно оформилась его поэтическая манера, основанная на традициях устного народного творчества. Поэтическая образность, ритмический рисунок его стихотворений и поэм находятся в непосредственном родстве с фольклорной поэтикой. То же самое можно сказать о его жанровой системе» [57].

К жанровым формам обрядовой поэзии относятся объемные произведения с публицистическим пафосом, как поэмы: «Клятва», «Сверкай, мой кылыс!», стихотворения «Ийэ алгыһа» («Благословение матери»), «Ыллаа эрэ, хамыһым!» («Пой, мой хомус!») С.С. Васильева о Великой Отечественной войне.

В произведении ***«Клятва»***, в поэме лирико-публицистического характера, наиболее четко проявляется влияние старинной клятвы [128, с. 230]. Литературовед Н.З. Копырин определяет жанр данного произведения как «публицистическую поэму-тойук (поэма-песня)», ввиду того, что поэма написана аллитерационным стихом, а также использованы повторы и параллелизмы, которые создают композицию, схожую с построением народных песен [108, с. 70]. Мы считаем, что использованные в поэме устоявшиеся эпические формулы свидетельствуют о схожести авторского заклятия с устно-поэтической формой жанра клятвы. Но в отличие от старинной клятвы в произведении С.С. Васильева воинская клятва дается во имя победы советской армии: *«Айхаллаах Армиябыт иннигэр / Аан дархан андаҕары / Андаҕайан эрэбит!»* [7, с.153] *(Во имя победы славной Армии торжественно клянемся!).*

Следовательно, клятва, жанр обрядовой поэзии народа саха, модифицируясь, приобретает обновленное общественно-политическое звучание, наиболее актуальное в трудные для страны дни. Автор с первых строк произведения

призывает весь народ к сплочению в войне против фашизма: *«Ээй, / дьэ эрэ, күүһү-уоҕу түмүөх! / Дьэ эрэ, тутта- хапта түһүөх!»* [7, с. 148] *(Э-эх, дружно! / Э-эх, развернись!)* [2, с. 51] *(перевод Д. Седых)*. Повторяющиеся в начале каждой строфы риторические обращения усиливают особую интонацию произведения, а также придают стройность композиции поэмы. Ненависть к фашистам автор выражает различными эпитетами и сравнениями: *«илбиһирбит фашистар»* [7, с. 150] *(одержимые фашисты), «тэлэкэччийбит көлдьүттэр фашистар»* [7, с. 151] *(крутящиеся черви-фашисты), «хаанымсах фашистар»* [7, с.151] *(фашисты-кровопийцы).*

Художественные выражения такого плана встречаются в текстах героического эпоса, которые используются при описании образов абаасы.

В каждой строфе по единой композиционной модели изображаются события войны. Во вступительной части поэт сообщает о начале страшной войны: "*Буулдьа-толоон улуйан, / Буурҕа курдук ытаата, / Олох-дьаһах барчаланан / Урусхал курдук кумаланна...*" [7, с. 148] *(Пуля воет словно буря, жизнь, уклад обрушились и превратились в руины).* Далее описывается героическое сражение советской армии с немецкими захватчиками. Бесстрашие, храбрость защитников отчизны уподобляются остроконечному боевому оружию и орлу:

Кыһыл Армия	*Красная Армия*
Кырыынан көрсүһэн, -	*Навстречу встала -*
Үһүктаах өргөстүү	*Словно колющее оружие*
Уун-утары кэтистэ,	*Вплотную столкнулась,*
Хомпоруун хотойдуу	*Словно могучий орел*
Хорсуннук түһүстэ [7, с. 149]	*Отважно накинулась*

(Перевод наш – С.В.)

Подобное эпическое повествование характерно для народного эпоса. В олонхо битва враждующих богатырей тождественно сражению армий в поэме С.С. Васильева. При описании сражения солдат против вражеских фашистов поэт использует формульные выражения эпического фольклорного текста:

Хардары анньыһан	*Поочередно сталкиваясь*
Хааннаһан бардылар...	*Начали наносить друг другу раны…*
Сүллэр этиҥнии	*Оттуда разносились*

Сүҥкэн тыастар	*Громкие звуки*
Онтон буоллулар,	*Словно раскаты грома,*
Көмүөл мууһунуу	*Оттуда послышались*
Күрүлүүр ньиргиэрдэр	*Бурлящие звуки,*
Онтон турдулар... [7, с. 150]	*Словно шум ледохода*
	(Перевод наш – С.В.)

Заключительная часть – торжественная клятва, последним строфам которой автор придает смысловую завершенность приемами повторяющихся выражений из текста традиционной старинной клятвы. Повторы выполняют функции упорядочивания строфической организации стиха произведения, а также усиления экспрессивности высказывания: *«Аан дархан андаҕары / Андаҕайдахпыт буоллун!»* [7, с. 153-154] *(«Незыблемой клятвой / Клянемся!»)* [2, с. 54-55].

Поэма написана аллитерационным стихом, что несомненно, указывает на ее фольклорные истоки. Фольклорность произведения улавливается и в умелом освоении автором художественной образности устной поэзии, которая в поэме С.С. Васильева выступает символом начала грозных дней войны. Поэт сравнивает фашистов с черными воронами, волками, а советский воин, изображенный в поэме, отождествляется с отважным орлом. Автор при изображении силы и мощи советской армии, а также преданности солдат своей родине применяет развернутые эпитеты, сравнения и метафоры, которые заимствованы из эпических текстов фольклора.

Лирическая поэма ***«Сверкай, мой кылыс!»*** (1941), основанная на жанровой форме народной поэзии как «заклинание боевого орудия (илбис иҥэрии)», является одним из самых ярких произведений С.С. Васильева. Произведение отличается своеобразной формой, представляющей собой сочетание заклинания и благословения от лица лирического героя. Публицистический пафос поэмы выявляется в монологе – обращении кузнеца к кылыс (меч), который отождествляется с призывом к беспощадному бою с фашизмом. Поэма пронизана чувством преданной любви к родине и злобной ненависти к вражеской армии. Здесь С.С. Васильев использует образ-символ кылыс. Детальное описание образа боевого оружия традиционно встречается в текстах олонхо.

Образ боевого оружия – кинжала, сабли, меча широко используется в русской поэзии, а также в литературах народов России и является символом победы. Н.З. Копырин считает, что данная поэма перекликается со стихотворениями «Кинжал» А.С. Пушкина, и «Поэт» М.Ю. Лермонтова, в которых созданы яркие поэтические образы-аллегории [108, с.74].

Поэма «Сверкай, мой кылыс!» состоит их трех идейно-смысловых частей. В первой части произведения, которая занимает десять строф, разъясняются предназначение меча, причины изготовления боевого оружия. Автор подробно описывает каждую деталь работы кузнеца, который вкладывает в изготовление меча свою душу:

Ыстаал бэрдэ буолан
Ыллаан лыҥкынаатын диэн,
Кырыы лэкээ саҕа
Кыстыкпар төкүнүтэн,
Баччыр оҕо саҕа
Балтабынан ньээкэйэн,
Ыас курдук эллээбитим,
Ыга, сыыйа таптайбытым [7, с. 134].

Чтоб звенел мой булат,
Чтоб гудел, как набат,
Чтобы сталь самой лучшей была, -
Докрасна нагревал,
Дочерна проковал,
Охлаждал мой булат добела [21, с.70]
(Перевод А. Ольхона)

В описании процесса ковки меча автор использует прием градации, образующий, в свою очередь, строфический параллелизм, сходные члены которого располагаются в возрастающем порядке: *«хаптаччы аалбытым» (придал гладкость) «кылааннаах уһуктаабытым» (придавал острие), «икки өттүгүнэн биилээбитим» (с двух сторон придавал острие), «үс хос үөстээбитим» (придавал тройное острие лезвию), «эрбэҕим хаанын иһэрпитим» (напоил кровью из пальцев своих), «аарык иилэҕэс быалаабытым» (литой цепью я привязал), «туоһунан кыыннаабытым» (берестяные ножны смастерил)* [7, с. 134-135]. Такой способ описания образа и изображения события или действия характерны для эпической поэзии. Так, последовательно, постепенно автор усиливает поэтический образ, и представляет колоритный, зримый образ меча со всеми боевыми качествами.

В поэме образ меча раскрывается в олицетворенной форме, мастер-кузнец обращается к нему, как другу, используя выражения: *«Иһит эрэ, эрэллээх*

доҕоруом!» [7, с. 137] *(«Слушай, сабля моя! / Мы с тобою друзья!»)* [21, с. 69] повествуя ему о решительных днях сражения, призывает его к героическому беспощадному бою в защиту родины. Он заклинает боевое оружие, так как оно уже готово к сражению с сильным врагом: *«Элэ-была тылбынан / Аймах дьонум аатыттан / Алҕаатаҕым буоллун /... / Кэскилиҥ кэккэлэстин, / Айхалыҥ артыалластын!»* [7, с. 137] *(Задушевными словами / От имени родных людей / благословляю /.../ Пусть грядущая слава будет рядом с тобой!) (перевод наш – С.В.).* Соответственно в поэме образ меча отождествляется с защитником родины и обобщенным образом советских солдат.

Стихоорганизующим принципом текста поэмы выступает аллитерация. Риторические обращения – анафорические повторы, как: *«Чэй эрэ, кылыһым!»* [7, с. 135-138] *(Ну-ка, сабля моя!)* – усиливают экспрессивность, а также придают стиху поэмы особую интонационную выразительность. Произведение переведено на русский язык А. Ольхоном, А. Тарковским, А. Кочетковым, благодаря этим переводным текстам поэма обрела широкую известность. В ней С.С. Васильев мастерски использовал приемы градации и анафоры, которые являются неотъемлемой частью арсенала его индивидуального авторского стиля.

В годы Великой Отечественной войны поэт написал не только поэмы публицистического характера, но и крупные стихотворения, такие как: «Благословение матери», «Пой, мой хомус», «Бырастыылаһыы» («Прощание»), которые созданы на основе жанровой формы благопожелания. В якутском литературоведении отмечается, что эта жанровая форма фольклора используется многими якутскими поэтами и решает новую идейно-эстетическую задачу. А адресатом благопожелания выступают представители современного общества, например, воины, отправляющиеся на защиту родины, созидающая, строящая молодежь и т.д. [161, с. 120].

По поводу жанрового и художественного своеобразия стихотворного произведения ***«Благословение матери»*** (1942) А.А. Бурцев пишет следующее: «…поэма построена в виде монолога-алгыса матери, обращенного к отправляющемуся на фронт сыну» [57]. В якутском литературоведении данное

произведение относят к лиро-эпическим жанрам, но классифицируют как стихотворение [128]. Сюжет произведения построен на лирическом мотиве, в нем выразительно раскрывается образ матери, провожающей сына на войну. В ее образе обобщаются черты характера, присущие якутским женщинам. Автор при помощи средств художественной выразительности народной поэзии передает безграничную любовь матери к своему сыну. Заимствованные из фольклорных текстов формульные конструкции постоянных эпитетов и метафор свидетельствуют о своеобразии поэтического языка поэмы: например, *«хайҕахтаах хара быарбар» (в моей черной печени), «толугуруур тойон сурэхпэр» (в моем постукивающем сердце), «көмүс чыычааҕым» (мой золотой птенчик)*, *«сир көхсүн симээри» (украшать середину земли), «сир ийэ сирэйигэр» (на поверхности родной земли) (перевод наш – С.В.).*

Содержание и композиция произведения, по нашему мнению, имеют черты, схожие с поэмой «Сверкай, мой кылыс!». В «Благословении матери» поэт повествует о матери, о том, как растила, развивала, закаляла с ранних лет своего сына:

Эрдэттэн эрэйгэ эрчиллэн,
Эрдээх буоллун диэбиттии,
Тобурах хаарым уутунан
Туос чабычахха сайҕаабытым,
Көлөһүннээх ытыспынан
Көхсүгүн имэрийбитим. [8, с.139]

Талым снегом, водой ледяной
Я в посудине берестяной
Обмывала тебя, мой родной,
Чтоб ты крепким, выносливым стал,
<…>
А потом от головки до пят
Жиром мазала нутряным
Ты в отца пошел, говорят,
Будь же смелым, орленок мой,
Вырастай скорее, герой [2, с.56].
(перевод С. Олендера).

Описание процесса воспитания сына сродни изображению ковки боевой сабли. Эти строки перекликаются со строками поэмы, в которых автор описывает, как хозяин-кузнец находит железо для изготовления меча, как закаляет сталь, выковывает, оттачивает боевое оружие. Следует подчеркнуть, что поэт оперирует развернутыми характеристиками изображаемого предмета или явления, что присущи текстам фольклора. Для текстов олонхо и народных песен-импровизаций

характерно обстоятельное живописание пейзажа, событий, героев и персонажей, их действий и т.д.

В стихотворении ***«Прощание»*** (1944) мотив расставания с родными получает жанровую форму благопожелания. В якутской поэзии военных лет имеются и другие произведения с такими же мотивами, и одноименными названиями. Это стихотворения С.Р. Кулачикова-Элляя «Прощание», П.Я. Туласынова «Прощай, мой родной народ», И.Д. Винокурова-Чагылгана «Прощайте на долгие годы» [177, с. 325].

В произведении С.С. Васильева реалистически изображается чувство острого волнения от предстоящей разлуки, которое описывается в лирическом обращении героя. Его слова адресуются к жене и детям, которые удачно переданы автором в форме фольклорного жанра – благопожелания отца семьи. Основное содержание благопожелания подобно старинным речам обряда.

Фольклоризм присущ и стиховой организации, выстроенной в свободной форме, напоминающей верлибр. В отдельных местах стихотворения встречается вертикальная аллитерация. Ритмичность и интонацию стихотворения создают синтаксические параллелизмы.

К поэтической публицистике относятся стихотворные произведения «Улуу суол» («Великая дорога»), «Москва», «На самолете», которые по жанровой специфике восходят к народным песням формы «хоhуйуу» (воспевание-импровизация). В них поэтическая речь имитирует спонтанное воспевание образов, взятых из реального предметного мира [128, с. 85]. Форма народной песни, т.е. открытое высказывание восхищения и удивления увиденным, удачно используется поэтом.

Стихотворения «Песня ысыаха», «Осуохай», «Танец по-вилюйски», «Танец Мухтуи», «Танец по-верхоянски», «Танец», «Танец победы», включенные в сборник в «Ысыах», напоминают по формам жанр якутских народных песен. В них параллельно с описанием обрядов якутского национального праздника ысыах воспевается главная идея – победа советского народа в Великой Отечественной войне.

Жанровое своеобразие отражено в самих названиях стихотворных произведений, где автор четко указывает формы стихов – песня и национальный хороводный танец осуохай (по-другому «үнкүү» (танец). Таким образом, С.С. Васильев в годы Великой Отечественной войны последовательно и творчески развивает жанровые формы поэзии фольклора, обновляя их структуру, использует различные изобразительно-выразительные средства и стилистические приемы. Так поэт обновил содержание, идеи, темы произведений. С.С. Васильев создал новые художественные образы-символы, национальные характеры в неповторимом индивидуальном стиле.

Баллада «Священный Ильмень». К трагическим событиям Великой Отечественной войны поэт обращался в течение всей своей жизни. Баллада оценивается литературоведами как произведение-памятник солдатам-якутянам, павшим в Великой Отечественной войне. З.К. Башарина отмечает, что С.С. Васильев, как очевидец военных событий, увековечил память о героическом подвиге солдат и фронтовиков, память о героическом труде тех, кто в тылу ковал великую победу над фашизмом [48, с. 40]. Так он создал балладу «Священный Ильмень», которая в истории якутской литературы считается первым произведением, написанным в жанровой форме баллады. Позднее, в 1980-е гг. к жанру баллады обратился народный поэт Якутии П.Н. Тобуроков.

В литературоведении жанр баллады отличается от поэм сюжетом, основанным на фольклорных мотивах с фантастическими элементами. Баллада может быть основана на историческом или мифологическом сюжете [183, с. 439]. В поэтическом словаре указывается, что канонической формой баллады считалась классическая французская баллада – «лирическое стихотворение без сюжета или с ослабленным сюжетом» и определенным размером, формой и построением строф. Между тем, «лирический жанр, возникший в Средние века в поэзии романских стран с течением времени видоизменился в тематическом и структурном плане» [105, с. 82]. Это отмечается исследователем Р.О. Шор: «баллада – общее обозначение нескольких, различных по существу, жанров лирической поэзии, лишь

до известной степени представляющих определенные стадии исторического развития одной и той же художественной формы» [200].

Исследователь В.Я. Малкина пишет, что «в разных национальных традициях и в разные эпохи под балладой понимались далеко не тождественные произведения» и перечисляет основные разновидности балладных произведений, восходящих в жанровую форму, в соответствии с этапами развития мировой литературы. Как отмечается в ее работе: «в советской поэзии баллада функционирует как рассказ о героических подвигах советских людей» [129], что также подтверждает исследователь Е.В. Пивкина в своей работе: «Чаще всего в советской поэзии балладой называют стихотворение, носящее героико-романтический характер» [144, с. 37].

Следует отметить, что баллада С.С. Васильева по своей тематике, идейному содержанию соответствует принципам, критериям поэзии советского периода.

Своеобразие формы и содержания баллады отмечается П.В. Максимовой: «Все в балладе подчиняется масштабному развертыванию событий героического характера, выраженного эпическим складом изложения в стиле исполнения тойука, клятвы и торжественного алгыса» [128, с.91]. Произведение написанное в форме монолога лирического героя, напоминающее импровизацию песни-тойука, наполненную особой эмоциональностью и взволнованностью.

Исследователь А.С. Ларионова отмечает: «Тойуки – необрядовые песни-славления поются стилем дьиэрэтии ырыа (плавная, цветистая песня с гортанными призвуками, именуемыми кылысах). Содержание тойуков охватывает широкий круг тем, так как данный жанр предполагает импровизируемый текст о любых значимых, либо малозначительных событиях, волнующих исполнителя…» [122, с. 98]. В этом отношении описание трагических событий Великой Отечественной войны воспроизводится поэтом в импровизационной форме народных песен.

Поэт при упорядочении описываемых событий основывается на принципах композиции фольклорных произведений. При помощи повторов автор разделяет поэму на условные части, где раскрывается содержание событий, изображенных в произведении.

В изучении песенного фольклора народа саха, исследователи отмечают: «Тоюк *(тойук – примечание С.В.)* обычно открывается красочно распетым торжественным восклицанием (*«Дьиэ буо!»*, *«Көр бу!»*, *«Э!»* и т.д.). Форма же его складывается как последование крупных, соответствующих естественному членению песенного текста музыкальных периодов-тирад, <…> как и вступительное восклицание (которое, кстати сказать, может повторяться в начале нового крупного раздела тоюка)» [33, с.5-6].

Следовательно, можно подчеркнуть, что повторы, находящиеся в тексте баллады используются поэтом с аналогичной функцией, как в текстах народных песен. Параллелизмы, находящиеся в тексте, перемежаясь с риторическими вопросами-повторами: *«Тоҕо» (почему), «Эбэтэр» (или)* и т.д. служат для передачи публицистического начала в содержании произведения.

Тема и сюжет поэмы «Священный Ильмень» основаны на реальных событиях Великой Отечественной войны. Автор воссоздает трагедию – гибель в 1943 г. на озере Ильмень 19-й лыжной стрелковой бригады. Использует трагический сюжет для увековечивания героизма советских солдат, их безграничной преданности родине. В первой части автор через образ лирического героя объясняет мотив создания баллады чувством долга перед погибшими земляками-солдатами во имя мирной жизни. Этим настраивает на трагический сюжет произведения:

Кимҥэ кэриэс тылы этиэхтээхпин
Кыайан эппэккэ сылдьабын?
Эбэтэр –
Аймаһыйа алҕаан ааһыахтаахпын
Аралдьыйан умнан эрэбин?
[17, с.212].

То ли свой обет позабыл я,
Позабыл священную клятву –
Отыскать заветное слово
И бессмертных героев память
Вдохновенным стихом восславить [10, с. 93].

(Перевод С. Северцева)

Тягостные раздумья автора передаются с помощью синтаксических параллелизмов, составленных из риторических вопросов, через которые автор выражает глубокую скорбь от имени своего поколения:

Тунал маҥан санаам,
Тоҕо, туйаара көппөккө,

Окрыленные светлые мысли,
Снегирями летали, блистая,

Тостубут кынаттаах туллуктуу,
Тоҥуу хаар үрдүгэр ардыгар
Туора былаастаан хаалаҕын?
Сырдык чаҕыл санаам,
Сыдьаайан, тырымнаан испэккэ,
Тулаайах, огдообо дьахтардыы,
Бу торҕо күөх дойдуга
Тоҕо хара былааты баанаҕын?[17, с. 212]

В невоспетые синие выси!
А сегодня –
Сугробами скрыты,
Будто крылья у них
Перебиты…
Как восторженно,
Сердце,
Ты билось!
<…>
А сегодня –
Само облачилось
В черный траур вдовы неутешной.
[11, с. 93]
Перевод В. Рябцева

Прибытие лирического героя из северного края в Великий Новгород описывается использованием различных эпитетов: «*холус ыраах дойдуттан» (из далекой страны), «дьикти хоту дойдуттан» (из дивной северной страны), «үрдүк Аар Тайҕа дойдуттан» (из высокочтимой таежной страны), «арылы хайа дойдуттан» (из горной страны), «күрүлэс көмүс дойдуттан» (из бурлящей золотой страны)*. При этом, автор выражает свою бесконечную любовь к родной земле и гордость народом. Эти чувства передаются с помощью риторических параллелизмов. В изображении долгого пути лирического героя в Великий Новгород используются гиперболические образы, восходящие к поэтике героических сказаний.

В третьей части описывается сплоченность советского народа в войне против немецких фашистов, что связывается с героической историей великого русского народа, с его патриотизмом. В заключительной части лирический герой выражает благодарность павшим воинам от имени всех земляков с помощью лексических повторов: *«мин сүгүрүйэбин» (я преклоняюсь), «мин чаҕылыйабын» (я заблистаю), «мин туруум» (я стою*).

Исходя из этого, приходим к выводу, что воздействие фольклорных традиций проявляется не только в поэтическом языке баллады С.С. Васильева, но главным образом, выявляется в способах построения композиционной структуры произведения синтетического жанра.

Роман в стихах С.С. Васильева-Борогонского «Младший сын». В 1961 г. впервые в истории якутской литературы С.С. Васильевым был создан роман в стихах. Роман в стихах оценивается как первое произведение, соответствующее канонам этого литературного жанра. Крупное лиро-эпическое произведение отличается тем, что в нем сохраняются параметры, свойственные роману повествовательной формы, а также соблюдаются принципы, присущие жанрам стихотворных произведений.

А.А. Александров констатирует: «…Становление романа в стихах как жанра происходило на фоне уже развитого романного жанра в прозе – при этом в жанровой системе поэзии новейшего времени роман в стихах соотносился со сформировавшимся ранее жанром поэмы так, как в жанровой системе художественной прозы роман – с повестью; в обоих случаях границы между жанрами зыбки и условны» [32]. Классическим образцом жанра романа в стихах считается произведение «Евгений Онегин» А.С. Пушкина.

Исследователь жанра романа в стихах в мордовской литературе Е.И. Вельдяйкина отмечает: «Интерес к большим формам поэтического эпоса сохраняется преимущественно у народов, литературы которых, будучи тесно связанными с национально-эпическими традициями фольклора, и поныне еще испытывают большую потребность в художественном обобщении исторического опыта народа» [72, с. 5]. В этом плане следует отметить, что якутская литература зарождалась и развивается в неразрывной связи с устным творчеством.

В развитие жанра романа в стихах в якутской литературы значительный вклад внес поэт Г.И. Макаров-Джуон Джангылы, написавший эпическое произведение стихотворной формы «Уйбаанчык» («Иванчик», 1945). Художественное своебразие произведения поэта проявляется в организации стиха, созданного онегинскими строфами, но, к сожалению, текст произведения не издан в полном объеме.

В якутской литературе крупные лиро-эпические произведения были написаны в 1960-е гг. Наряду с романом в стихах С.С. Васильева были напечатаны стихотворные повести В.М. Новикова-Кюннюк Урастырова «Ымыы уонна

Налбыһах» (“Ымыы и Налбысах”, 1961), Г.Г. Вешникова-Баал Хабырыыса «Көннөрү киһи кэпсээнэ» (“Рассказ простого человека”, 1962 г.), романы в стихах И.М. Гоголева-Кындыла «Күн хайата» (“Солнечная гора”, 1962) и Р.Д. Ермолаева-Багатайского «Уолаттар уонна кийииттэр» (“Сыновья и невестки”, 1964). Литературоведы отмечают, что появление в якутской литературе произведений синтетической жанровой формы связывается с периодом “оттепели”, которое повлияло на формы и содержания лиро-эпических произведений [125; 128].

Исследуя историю создания первого романа в стихах «Младший сын», М.Н. Дьячковская устанавливает закономерность обращения поэта С.С. Васильева к эпическим фольклорным традициям, поскольку художественно-эстетической основой для создания новых художественных форм освоения и обобщения реальной действительности в литературе служили устно-поэтические традиции [86, с.93].

В романе в стихах С.С. Васильева реалистически воссоздана целостная картина того времени: события постреволюционной классовой борьбы, коллективизации, земельной реформы в Якутии и стране в целом. В данном произведении, как поясняет П.В. Максимова, художественно раскрывается социально-историческая тема создания колхозов на селе; в основе сюжета лежат исторические мотивы, конфликт жителей одного наслега – двух противоборствующих классов в период коллективизации [128, с. 115]. В работах литературоведов Г.Р. Кардашевского, Н.З. Копырина утверждается, что роман в стихах «Младший сын» имеет определенную автобиографичность в связи с тем, что произведение было создано на основе личных знаний и опыта трудовой биографии С.С. Васильева [104; 108].

По мнению литературоведа С.Е. Ноевой, в создании первого романа в стихах автор обращается к поэтике якутского героического эпоса, это особенно четко проявляется в изображении персонажей и в построении сюжета, а также «в незримом присутствии в тексте образа самого сказителя» [136, с. 102]. Лирические отступления в романе в стихах подобны внесюжетным элементам героического эпоса, функцией которых является, в основном, освещение сказителем дальнейших

событий олонхо. А в литературоведении считается, что наличие лирических отступлений в лиро-эпическом произведении – значимое составляющее текста, признак, характеризующий специфику жанра романа в стихах [32].

С.С. Васильев в авторских отступлениях передает личное отношение к героям и событиям, описываемым в стихотворном романе «Младший сын». Также лирические отступления автора построены как обращения автора к читателю, которые наиболее часто встречаются в заключительной части романа в стихах. Литературовед Л.Н. Романова отмечает, что риторические обращения автора к читателю не только служат способом построения композиции лиро-эпического произведения, более того, усиливают эмоциональную окрашенность и повышают диалогичность произведения [163, с. 2002].

Основная сюжетная канва романа в стихах построена на переплетении событий классового конфликта, действия которых описываются в двух планах. В повествовании о событиях, происходящих в улусе и в городе, отображается социально-историческая атмосфера того времени. Сюжет развивается в хронологической последовательности, в которой отображается постепенное взросление и становление личности главного героя Алексея. По благословению своих родителей маленький мальчик отправляется на учебу, становится пионером, затем активным комсомольцем, студентом педагогического техникума, встречает любимую девушку Аксюшу, далее Алексей возвращается в родное село для выполнения работ по земельной реформе. Ему противостоят отрицательные персонажи: кулак Федор, его сын Кубача, Кунахов, Селляхов и др. Эти персонажи противопоставляются Алексею, в изображении их противостояния заключается основной конфликт произведения. Но Алексей вместе со своими единомышленниками добивается социального преобразования на селе.

Последовательное течение событий романа в стихах напоминает конструкцию мотивов олонхо. Подобно «героической жизни богатыря олонхо» раскрывается образ Алексея, как борца за справедливость и строителя нового общества [136, с. 102]. Но поэт реалистически описывает его поступки, действия и характер. Алексей – типический герой того времени, становление его личности и

характера описывается с момента поступления в школу до становления активного комсомольца, коммуниста. М.Н. Дьячковская отмечает, что: «С. Васильеву <…> удалось создать образ романного героя, для которого характерны эволюция (последовательно прослежены этапы становления характера Алексея)» [86, с. 94].

Произведение «Младший сын» состоит из четырех частей – “песен”, написанных аллитерационными стихами, состоящих, в основном, из семи-восьмисложных и девятисложных поэтических строк. Автор для придания поэтического ритма строкам использует характерные для народных песен приемы параллелизма и аллитерации, которые наиболее часто используются в первой части произведения. А стихотворные строки остальных частей романа состоят из созвучных глагольных рифм и вертикальной аллитерации.

В тексте романа в стихах наблюдаются объемные описания происходящих событий, как и в олонхо, которые изобилуют множественными повторами, синтаксическими параллелизмами. В 1960-е гг. это было оценено отдельными критиками как недочеты произведения в художественном плане [82, с.13]. Но, мы считаем, использование приема синтаксического параллелизма в описании – отличительная черта индивидуального стиля поэта С.С. Васильева, которое указывает на фольклорные истоки его творчества.

Влияние якутского устного творчества на произведение «Младший сын» особенно отчетливо наблюдается в умелом использовании С.С. Васильевым изобразительно-выразительных средств, формульных выражений якутского устного народного творчества. Автор использует различные сравнения, например, такого плана: *«Күһүн кэлэн, / Күөх чээлэй тыа мутукчата, / Кыырт кынатын курдук, / кытарсыйан көһүннэ»* [6, с. 3] *(Осень наступила, / Хвоя ярко-зеленого леса / Желтеет словно крылья ястреба*) *(Здесь и далее перевод наш – С.В.).* Прием олицетворения также из народной поэзии: *«Көмүлүөк күөдьүйэн, / Күлэ-сала күлүбүрээтэ, / Остуол атаҕын күлүгэ / Орон иннигэр үҥкүүлээтэ»* [6, с. 14] *(Камелек разгорелся, / Смеясь весело, / Тени ножек стола / Танцуют перед ложем)*, *«Күөх халлаан оройугар, / Көгөччөр былыт долгунугар / Күндээрэр көмүс ый*

сөтүөлээн, / Күөрэйэ-күөрэйэ умуста» [6, с. 69] *(На голубом небосводе, / На волнах синеватого облака / Плавает и ныряет /Блестящая серебряная луна)*.

Следует отметить обилие использованных автором эпитетов, цветовая гамма которых является традиционной для якутской народной поэзии. Автор использует постоянные эпитеты якутской поэзии: *«Сырал халлаан чаҕылыйар, / Күөх хонуу чэлгийэр»* [6, с. 39] *(пышущее жаром небо сияет, зеленая поляна зацветает).* Текст романа в стихах отличается обилием метафор и олицетворений, которые использованы автором, в основном, слитно. Метафорические олицетворения С.С. Васильева отличаются неповторимой выразительностью изображаемого, например: *«Көмүлүөк оһох / Көхсүн иһигэр / Кутаалаах уот / Кугас тылынан / Курунгах мутуктарын / Кууһа-кууһа кучугуратар»* [6, с. 4] *(внутри себя печка-камелек своим медно-красным языком пламени обнимая глотает сучья).*

Итак, С.С. Васильев написал стихотворный роман, используя традиции национального стихосложения и изобразительно-выразительных средств якутской поэзии. В романе в стихах “Младший сын” реалистично освещены общественно-исторические события в жизни якутского народа, его идеалы, стремления, нравственные и эстетические ценности.

В творчестве поэта особое место занимают литературные олонхо для детского чтения. Художественная переработка олонхо обогатила систему жанров якутской детской поэзии. Поэт, адаптируя олонхо для чтения детей, стремился передать будущему поколению духовные и нравственные ценности и идеалы народа, эстетику олонхо, приобщая их к эпическому творчеству. Художественные особенности олонхо С.С. Васильева нами рассматриваются в отдельной главе.

Таким образом, в результате изучения жанров и жанровых форм в поэтическом наследии С.С. Васильева, приходим к выводу, что его поэзия представляет собой содержательное творческое осмысление действительности. Система жанров якутской поэзии расширяется благодаря разновидностям его поэм и роману в стихах, что подтверждает влияние устнопоэтических традиций в создании произведений синтетического жанра.

Фольклор, как основа творчества поэта, не только влияет на образность и выразительность языка произведений. Эстетика олонхо влияет и на раскрытие характера, на описание действий героев литературных произведений поэта. Также наблюдается заимствование и творческое освоение способов построения сюжета якутского героического эпоса для отображения событийного ряда в крупных лиро-эпических произведениях С.С. Васильева. Используя различные стилистические приемы и способы построения поэтического текста народной лирики, эпического сказания, поэт умело конструирует стиховую и композиционную структуры текстов поэм и романа в стихах. Аллитерация как система стихосложения национальной поэзии саха служит основным стихообразующим способом поэта. Наряду с этим, С.С. Васильев, основываясь на жанровых формах фольклора и обрядовой поэзии, создает поэмы-клятвы, стихотворения-благословения, в чем проявляются его новаторство, подтверждающее творческое мастерство автора.

2.2. Художественные функции образов фольклора

Обращение к фольклорным образам, символике, художественным средствам приемлемое и общепринятое явление в каждой национальной литературе. К.К. Султанов утверждает: «Даже гипотетически трудно представить себе не только литературу, но и отдельного писателя, абсолютно свободного от воздействия фольклора. Подлинный художественный поиск, каким бы новаторством он не был, удерживает в глубине ощущение первоначала, синтезирует в себе традицию и одновременно ее преодоление, общезначимое, устойчивое и индивидуально-неповторимое» [178, с. 7]. Первые якутские поэты А.Е. Кулаковский, А.И. Софронов создавали свои произведения на основе фольклора. «Устное народное творчество для писателей-основоположников нашей литературы явилось творческой мастерской, где они учились технике художественного изображения, образному воспроизведению действительности» [142, с. 4].

Проблемы устойчивых поэтических образов, заимствованных из фольклора, исследованы в трудах Г.М. Васильева, В.Т. Петрова, Н.Н. Тобурокова, И.Г. Спиридонова, В.А. Семенова, П.В. Максимовой, Л.Н. Романовой, В.Г. Семеновой, Н.З. Копырина и др. На основе изучения и анализа произведений отдельных писателей и поэтов исследователями выявляются художественные особенности поэтических образов, перенятых из фольклорных текстов. Опираясь на их исследования, мы проводим анализ и систематизацию поэтических образов произведений С.С. Васильева, созданных им в разные годы.

В литературоведении понятие «образ» имеет широкое значение и несколько разнообразных определений. Еще в трудах А.Н. Веселовского разновидностями поэтического образа определяются символ, метафора, аллегория, которые представляются изначальной моделью поэтического восприятия мира [73, с. 101-154]. О.И. Федотов под термином образа понимает художественную мысль [188], конкретную и вместе с тем обобщенную картину человеческой жизни, созданную посредством авторского воображения [76]. В.Е. Хализев рассматривает образ с точки зрения семиотики, науки о знаковых системах: «Ныне в литературоведении укоренились слова «знак» и знаковость». Они заметно потеснили привычную лексику («образ», «образность»)» [193, с. 102]. В работах В.А. Скибы, Л.В. Чернец художественный образ трактуется как «результат осмысления автором (художником) какого-либо явления, процесса свойственными тому или иному виду искусства способами» [172, с. 22]. Исследователи различают образы научно-иллюстративные, фактографические и художественные. Обобщая эти определения, можно предположить, что образ в литературе – это эстетический и характеризующий способы отображения переосмысленной действительности, предметов, явлений или мира в целом.

«Специфика образа определяется не только тем, что он отражает жизненные реалии, но и создает иную картину мира. На основе вымысла и фантазии автор преобразует исконные образы посредством художественно-выразительных приемов поэтического творчества. В национальных литературах существуют свои

поэтические образы, которые становятся традиционными или устойчивыми в результате частого использования писателями в своих творениях» [177, с. 104].

Как отмечается в современных исследованиях, в частности, в работах Н.А. Афанасьевой, традиционные поэтические образы являются одними из основных компонентов произведения, к ним «обращались поэты всех школ и направлений» [41, с. 18; 42]. Для выявления особенностей стиля С.С. Васильева необходимо изучить поэтические образы, созданные им. Исследование роли и художественных функций образов в его лирике, безусловно, является одной из задач, решаемых нами в данном исследовании.

В якутской поэзии в группу традиционных поэтических образов объединяются объекты окружающей среды, природные явления, образы птиц, зверей и животных. Эти поэтические образы имеют двойное семантическое значение, основанное на ассоциативном сочетании не сравнимых явлений и объектов, например, цветы – дети, весна – радость, счастье и т.д. [177]. Можно отметить, что эти перечисленные образы берут свои корни из мифологии и фольклора, что подтверждается Н.З. Копыриным следующим образом: «Целый ряд излюбленных фольклорных образов и приемов перешли в письменную литературу из седой древности и до сих пор украшают произведения художников слова. Такие исконные объекты образности, как, например, солнце, жаворонок, стерх, конь и им подобные» [107, с. 63].

Образ ***солнца*** в народной лирике воспринимается как символ жизни, света, силы. В поэзии С.С. Васильева солнце является аналогией таких абстрактных понятий, как: счастье, свобода, радость:

Уоттаах күнүм анныгар,
Унаар долгун үрдүгэр,
<…>
Үөрэ-көтө ыллаатым,
Үрдүк дьолу тыллаатым... [8, с. 23].

Под сияющим солнцем,
Над синим маревом
<…>
Радостно воспел,
О большом счастье сообщил
(перевод наш – С.В.)

«Якуты издревле поклоняются солнцу, обожествляют и олицетворяют его. В произведениях С.С. Васильева образ солнца выполняет эстетическую функцию,

как и в фольклоре. В якутской устной поэзии через данный образ воспевается долгожданное наступление весны или лета, тепла. В стихотворениях поэта образ благодатного солнца дается при использовании постоянных эпитетов, заимствованных из эпических текстов» [177, с. 104]. Он художественно описывает образ восхода солнца, картину постепенного пробуждения и начала нового дня. Живописность образа достигается использованием разнообразных эпитетов: *«сырдык күн»* [7, с. 13] *(светлое солнце), «көҥүл күн»* [7, с. 14] *(вольное солнце), «аламай күн»* [7, с. 150] *(лучезарное солнце),* «*күлүмнүүр күн»* [8, с. 16] *(сверкающее солнце).* Образ солнца во многих произведениях С.С. Васильева – яркое, сверкающее, радостное, что удачно раскрывается посредством метафоры:

Саҥа күнүм арылыйан,	*Мое новое солнце,*
Көтөн-ойон күөрэйдэ,	*Летя-прыгая поднялось,*
Күлүм-дьирим күөгэйдэ	*Сияя-сверкая выглянуло.*
[2, с.13].	*(перевод наш – С.В.)*

Солнце в произведениях автора выступает еще и символом уюта и тепла, а также выполняет функцию передачи активной позиции, стремления к лучшему, позитивных мыслей лирического героя:

Сырдык да күн *бүгүн чаҕылыйда,*	*Светлое солнце засияло,*
Сыралыйан ***сылаас да күн*** *арылыйда.*	*Обжигающе жаркое солнце взошло*
Дьиэм-уотум олус сандаарда,	*Мой дом, мой очаг сверкает,*
Өйүм-санаам барыта кылбаарда	*Мои чувства и душа заблестели*
[14, с.242].	*(перевод наш – С.В.)*

В этих фрагментах образ солнца функционирует в традиционном качестве, соответствующем народной поэзии.

В 1920-30-е гг. фонд якутской письменной литературы был обогащен произведениями, воспевающими Октябрьскую революцию, победу большевиков в гражданской войне. В публицистических стихотворениях того времени с образом солнца соотносились такие понятия, как партия коммунистов, ее вождь и т.п. Поэт С.С. Васильев, продолжая традиции письменной литературы, воспевает ленинскую партию, используя прием сравнения: *«Эн, Ленин партията, дьон-норуот генийэ, /* ***Киирбэт күн курдуктук*** *сыламныы күндээрдиҥ!»* [7, с. 117] *(Ты, партия Ленина,*

гений всех народов, словно незаходящее солнце ярко блестишь!). А в стихотворении «Киирбэт күннэр» («Незаходящее солнце»), в котором поэт восхваляет вождя советской страны, олицетворяя солнце: «*Киэҥ халлаан киэлитигэр, / Кэмэ биллибэт сулус ортотугар /* ***Үһулуччу улаатан,*** */ Уоттааҕынан тула сыдьаайан,* ***/ Күн күндээрэр*** */ Күлүмнүү* ***мичээрэр***» [17, с. 14] (*«на вершине широкого неба, среди множества звезд, есть исключительно большая звезда, озаряющая светом вокруг, это солнце блестит, сверкая улыбается»)*. В данном произведении образами небесных тел, звезд, луны, плеяды дается поэтическое определение народов.

Образ солнца, которое не взошло, поэт использует для описания дня, когда началась война. Всенародная беда передается приемом сравнения: «*Күөрэйэн эрэр күн, / күөс тугэҕинии / көмүллэ сүттэ»* [8, с. 236] *(восходящее солнце, исчезло, словно дно посуды для варева).* Сравнительное словосочетание является формульным выражением и перенято поэтом из эпического текста олонхо.

Итак, образ солнца в публицистической лирике 1930-40-х гг. используется в контрастных значениях: для изображения обновленного строя общества, солнце у поэта незаходящее, постоянно сияющее, а для изображения начала разрушительной войны – образ в противоположном значении: исчезнувшее солнце.

С.С. Васильев создает запоминающиеся авторские эпитеты на основе образа солнца, например, *«күн таптыыр кыыстааҕым»* [7, с. 26] *(любимая солнцем девушка), «Күн кэрэ кыысчаана»* [7, с. 44] *(красивая, словно солнце, девушка)*. Прекрасная девушка – возлюбленная лирического героя уподобляется солнцу, в этом отношении можно отметить, что использование поэтического образа солнца усиливает передачу несравненной красоты девушки.

В лирике С.С. Васильева образ солнца олицетворяет все возвышенное и прекрасное. Поэт всегда ищет новые эстетические сочетания в описании солнца. Он создает своеобразные яркие эпитеты: «*Күндээр-сандаар күлүмнүүр күн»* [17, с. 180] *(искряще-озаряющее сверкающее солнце), «килбиэн чаҕыл күн»* [7, с. 48] *(сияющее блестящее солнце),* «*күндү таас чаҕыллаах күлүмнүүр күн»* [8, с. 16] *(с*

блеском драгоценного камня сверкающее солнце), которые, несомненно, являются индивидуально-авторскими выражениями.

Весна. В произведениях о временах года особое место занимают стихотворения «Саас» («Весна», 1935), «Сандал саас» («Лучезарная весна»), в которых автор воспевает, как и в народной поэзии, наступление лучшей и самой долгожданной поры в жизни якутского народа. В фольклорных текстах образ весны ассоциируется с обновлением, расцветом, рождением новой жизни. В лирике С.С. Васильева весна становится символом развития быта, перемены к лучшему, созидания. Кроме того, поэт этим образом передает внутреннее состояние, переживание лирического героя: *«Сандал саас чаҕылыныын, / Саҥа көтөр саҥатыныын / Куотуһар курдукпун»* [7, с.113]. *«Будто соревнуюсь с блеском лучезарной весны, с голосами прилетевших птиц».* Образ весны автор создает с помощью постоянных эпитетов: «*сандал саас» (лучезарная весна), «саппаҕырбат сандал саас» (немеркнущая лучезарная весна),* «*сандал маҕан саас»* [17, с. 114] *(лучезарная белая весна),* «*унаар маҥан саас»* [17, с. 114] *(с белой маревой весна), «килбиэннээх сандал саас»* [8, с. 180] *(блистательная лучезарная весна)*. Вместе с тем, в его поэзии встречается эпитет *самаан,* примыкающий к слову *саас (благодатная весна)*, который преимущественно используется в народной поэзии при изображении лета: «*самаан сайын» (благодатное лето).*

Следовательно, в поэзии С.С. Васильева весна как образ не только используется в ассоциативной форме, как и в якутской устной поэзии, но также для передачи основной идеи и подтекста произведения.

Огонь как образ в якутской поэзии чаще всего употребляется в описании революционной борьбы, а также в произведениях, посвященных Великой Отечественной войне. Поэтический образ огня впервые был использован в стихотворных произведениях П.А. Ойунского, также ярко и выразительно огонь изображается в произведении «Прометей» С.Р. Кулачикова-Элляя, т. е. в произведениях, воспевающих советскую власть, революцию, а также раскрывающих военную тематику. Н.З. Копырин отмечает: «В системе национальной символики огонь – продолжение рода, создание новой семьи, а

угасание огня, исчезновение дыма, пепел и зола олицетворяют несчастье, беду, смерть» [107, с. 74].

С.С. Васильев, продолжая традиции устного поэтического наследия, использует образ огня при раскрытии темы создания семьи, домашнего очага:

Атаххар тураат,	*Встав на ноги,*
Алаһа дьиэни тэринэн,	*Создавая семейный уют,*
***Аал уоту** оттон…* [7, с.140]	*Разжигая вечный огонь…*
	(перевод наш – С.В.)

В стихотворении «Умайан хаалаарай» («Может сгореть», 1930) огонь подается в новом ракурсе: для передачи теплых чувств, любви и взволнованного состояния девушки, стоявшей в смятении из-за неожиданной внезапной встречи с лирическим героем: *«Эдэр сүрэҕэ сыалыы ууллаарай, /…/ Кэбис, куотуохха, аны умайыаҕа, / Эбэтэр хорҕолдьуннуу ууллан хаалыаҕа»* [7, с. 25]. *(Молодое ее сердечко словно масло расплавляется, все, пора уходить, а то она сгорит, расплавляясь как олово).*

Самобытно использование образа огня в стихотворении «Оннооҕор уот күлэр» («Даже огонь смеется»), в котором поэт удачно вводит народную поговорку – «даже огонь умеет смеяться»: *«Оннооҕор, уот күлэн чачыгырыыр, / Уккунньаҕы сиэн өрө саһыгырыыр»* [14, с. 86] *(Даже огонь сверкает смехом, сжигая сухостой громко хохочет).*

Образ ***цветов*** – излюбленное образно-поэтическое средство якутского фольклора. Женскую красоту, девичье обаяние чаще всего сравнивают с подснежником, лилией и другими цветами. Образ цветов занимает центральное место и в поэзии С.С. Васильева. В его лирике есть примеры уподобления бурного роста и развития нового общества образу цветов: «*Советскай аҕа дойдубут / сибэккилии чэлгийэрин, / ойуунан киэркэйэрин»* [17, с. 100] *(Наша советская отчизна цветками красуется, узорами рисуется).* Цветы становятся образами-символами радости и подъема, олицетворяющими просветление духа, чувства воодушевления лирического героя:

Үөрүү-көтүү сибэккитэ	*Цветочки радости и счастья*
Өйбөр саҥалыы тиллэ түстэ…	*В моих мыслях по-новому распустились…*

<…>	*<…>*
Сааскы сыһыы сибэккитэ	*Весенние полевые цветки*
Санаам толоонугар сириэдийдэ.	*В просторах моей души зацвели.*
[7, с. 28-29]	*(перевод наш – С.В.)*

В такой же условной форме описывается лирический образ молодости, красоты девушки как символ продолжения жизни:

Сибэккигэ эдэр саас холонор,	*Цветку уподобляется молодость*
Сибэккигэ кэрэ кыыс тэҥнэнэр	*Цветку подобна красивая девушка*
<…>	*<…>*
Сибэккинэн үйэ салҕанар,	*Цветами век продолжается,*
Сибэккинэн олох киэргэнэр [8, с.181-182]	*Цветами красуется жизнь.*
	(перевод наш – С.В.)

В произведении «Мин сибэккилэрим» («Мои цветы», 1953) поэт сравнивает со цветами свои стихотворения и песни: *«Ханналарый, / Үтүө сааспар үүннэрбит / Өлбөт-сүппэт сибэккилэрим, / Үһүн үйэбэр тиспит / Уоттааҕынан чаҕылыйар отоннорум» (Где они, выращенные в лучшие годы моей жизни вечные цветы, нанизанные в течение всей моей жизни, сверкающие ягодки?) (здесь и далее перевод наш – С.В.).* Поэт мечтает о том, чтобы его произведения никогда не теряли своей ценности: «*Сибэккилии чэлгийэ тэтэрдиннэр /… / мин таптыыр ырыаларым»* [8, с. 167] *(Пусть словно цветы процветая алеют…мои любимые песни).* В стихотворении «Кэрэ сибэккилэр букеттара» («Букет красивых цветов», 1954) поэт воспевает созидательный труд, восхищается образцовым трудом девушки-доярки Елены. Лирический герой в знак признательности мечтает подарить Елене красивый букет из самых красивых цветов и растений Якутии. Образы этих цветов и растений раскрываются при использовании автором таких эпитетов, как, например: *«дьэрэлдьийэр күөх сибэкки» (яркий синий цветок), «аралыйар алтан от» (прозрачно-блестящий желтый одуванчик) «үрүҥ хоруона сибэкки» (с белой короной цветок)* [8, с. 185-186].

Поэт посвящает несколько стихотворений о силе и красоте подснежника, который уподобляется твердому духом человеку: *«Сааскы саҥа ньургуһун / Саһара-тэтэрэ тахсыаҕа. / Сирэм дьикти сибэкки / Сиидэстэнэ сытыаҕа»* [17, с. 141] *(Весенний первый подснежник взойдет алея, ситцем чудных цветков*

наполнятся луга). А в стихотворении «Ньургуһун» («Подснежник») лирический герой восхищается вновь расцветшим цветком, который навевает ему мысли о его будущем, о неизбежном старении, о его детях. Очевидно, что образ подснежника соотносится с философскими категориями, как движение времени, недолговечность жизни человека.

С.С. Васильев выступает новатором, описывая в стихотворении «Саҥа сибэккилэр» («Новые цветы», 1954) такие цветы, как магнолия, роза, тюльпан. Автор повествует, как дочь лирического героя вырастила на берегу реки Лена цветы, которые растут только на юге в теплых краях: *«Бу магнолиялар, розалар, / Бу тюльпаннар араастар / Крым, Кавказ биэрэктэригэр / Кылбачыһа тураллар. /... / Ол кэрэ сибэккилэр, - Уоттаах розалар, тюльпаннар / Киэҥ Ленам кытылыгар / Кирээдэлээн үүннүлэр»* [8, с. 182] *(Эти магнолии, розы, это множество тюльпанов, сверкая растут на берегах Крыма и Кавказа. Эти красивые цветы, - огненные розы, тюльпаны, выросли на грядке на берегу реки Лены).* Герой восхищается этим и выражает радость, обращаясь к цветкам: *«Иитиллибит Ийэ дойдум / Эҕэрдэлээх дьикти симэҕэ / Эһигинэн эбилиннин!»* [8, с. 182] *(Пусть украшается вами, дивными цветами, моя родная земля!).*

Таким образом, поэт через поэтические образы цветов воссоздает позитивные моменты и события, передает радость лирического героя и свое отношение к жизни и людям. Мастерски используя прием сравнения, поэт отождествляет с цветами детство, юность, красоту жизни, собственные художественные творения, которые ему, безусловно, дороги и бесценны.

В лирике С.С. Васильева присутствуют образы растительного мира природы, такие как: ***березовая роща, лиственница, ель, шиповник, багульник*** и т.д. ***Лес*** в народной поэзии якутов имеет значение защиты, укрытия, роста. Лиственницы сравниваются с мужчинами, березы с женщинами. Березовая роща символизирует в произведениях поэта место встречи, свидание с любимой девушкой: *«Хаһан этэй, / Ханна этэй, / Хап-хара харахтаах кыысчааны / Хатыҥ чараҥ саҕатыгар көрсүбүтүм?»* [7, с. 43] *(Когда это было, где именно было, черноглазую девчонку однажды в березовой роще увидел?)* [176].

В стихотворении «Туругурун, ыркыйдар!» («Торжествуйте, лесные чащи!», 1938) с образами молодых лиственниц отождествляются юные годы жизни самого поэта. В произведении «Аар байах тиитим» («Величавая моя лиственница») лиственница изображается как величавое дерево, «познавшее» все о жизни. Лирический герой у лиственницы просит совета и интересуется мнением мудрого дерева по поводу волнующего его вопроса. Здесь образ дерева – символ мудрого старца, старшего по возрасту человека-советчика.

Образ ***ели*** используется в произведениях, посвященных творчеству, поэзии, предназначению поэта. В стихотворении «Поэзия аар харыйата» («Древо поэзии») поэтический образ ели сопоставляется с творчеством самого автора:

Орто дойду поэзията
Улуу харыйа буолан
Күннэтэ үрдүүр, үүнэр,
Көҕөрө-чэлгийэ ситэр.
<…>
Орто дойду поэзията
Улуу харыйа буоллаҕа!
Улам үүнэ-чэлгийэ турдаҕа,
Уоттааҕынан симэнэн чаҕылыйан истэҕэ! [14, с. 62].

Древо поэзии
Елкой представилось мне:
Древнее это искусство
Времен и народов –
Вечно живое! – растет,
От земли начинаясь,
Верно законам духовной природы –
Всегда плодоносит.
[15, с. 59]
(Перевод А. Преловского)

Заметное место в образной системе поэта занимают образы ***птиц***. В фольклорных поэтических текстах эти образы используются для изображения детей, любимых девушек и женщин. По нашим наблюдениям, С.С. Васильевым образы птиц наиболее часто используются в начале творческого пути. Через эти образы поэт передает своеобразное романтическое начало жизни, так они выступают средствами выразительности при описании окружающей действительности. В лирике поэта ***жаворонок*** является спутником наступающей благодатной поры – весны, предвестником счастья, добра, радости:

Уоттаах күнүм анныгар,
Унаар долгун үрдүгэр
Күөрэгэй чыычаах буоламмын,
Көтө-көрүлүү сылдьаммын:
<…>
Үөрэ-көтө ыллаатым,

Под огненным солнцем,
Над сине-дымчатыми волнами
Будучи жаворонком-птичкой,
Летя-ликуя весело:
<…>
Радостно запел,

Үрдүк дьолу тыллаатым… [7, с.23].

Высокое счастье воспел…
(перевод наш – С.В.)

Птица ***снегирь*** у поэта – символ вольности, свободы и созидания. В поэме «Артель Романа» автор, сам становясь снегирем, воспевает наступление лета и радуется общему созидательному труду:

Күөххэ-кыахха үктэнэн,
Көҥүл күҥҥэ көччүйэн,
<…>
Ыmыы чыычаах буоламмын
Ыллыы-туойа турабын… [7, с.14].

На зеленую траву перешагнув,
Под вольным солнцем играя,
<…>
Становясь птичкой снегирь
Стою воспеваю…
(перевод наш – С.В.)

Образ ***кукушки*** в якутской устной поэзии – это радостное утро, весеннее обновление, наступление лета. С.С. Васильев, продолжая традиции народной поэзии, использует образ кукушки в устоявшейся форме:

Кэрэ бэлиэ куоластаах,
Кэҕэлиирэ кыылым дьэ,
Киҥкир хара тыаларбар
Кэрээбэккэ кэпсээхтээ [8, с.148].

Красивым звонким голосом,
Кукушка-птица наконец-то,
В глухом темном лесу
Не умолкая расскажи
(перевод наш – С.В.)

Образ ***пуночки*** соотносится с воодушевлением лирического героя, с раздумьями поэта о творчестве: *«Санаам халлаана сырдаан, / Сандааран чаҕылыйан кэлэр / Үтүөҕэ, эйэҕэ дьулуйар / Үгүс толкуйдар киирэллэр, / Үрүҥ туллук курдук / Үөрдээн өрө көтөллөр»* [14, с. 41-42] *(«Небо моей души, сияя сверкая светает. К добру, миру стремится, ко мне мысли прилетели, словно белые пуночки стаями»).*

В поэзии С.С. Васильева значительное место занимают образы ***стерха*** и ***журавля***. Стерхи издревле являются предметом всеобщего поклонения, они признаны народом саха высшим эталоном красоты [107, с. 92]. Поэт со стерхом сравнивает явления природы, например, утреннее небо:

Кыырай маҥан халлаан кырыыта
Кынтайар кыталык кыыл
Кынатын таһын курдук,

Словно крылья
Стройной птицы стерх,
Сияя светлеет
Горизонт ослепительно белого неба.

Кылбайа сырдаан эрдэҕинэ [7, с. 211]. *(перевод наш – С.В.)*

В стихотворении «Поэт баҕалара» («Желания поэта», 1956) С.С. Васильев передает свои стремление и замыслы через переживания лирического героя: «*Күн айыы кыталыга буоламмын / Күндээрэр күөх халлааны кырсынан / Күөрэйэ-кылбайа көттөрбүн /.../ Үс саха өрүкүйэр тылынан / Үҥкүү этэн аастарбыан»* [8, с. 221] *(будто божественная птица стерх, хочу полететь, взмывая-ослепляя по сияюще-синему небу, взволнованным словом трех якутов, хочу оставить память запевной песней танца)*. В описании стерха сокрыто желание поэта оставить неизгладимый след в истории якутской поэзии, а также его стремление привнести свой вклад в развитии литературы.

Стерх для народа саха считается священной птицей, олицетворяющей счастье, долголетие. В произведении «Кыталыктар ырыалара» («Песни стерхов»), состоящем из пяти “песен”, воспевается человеческое счастье, любовь к родным, своим детям. Образ стерха в произведении, как отмечает В.Д. Яковлева, – прием выражения чувств и размышлений лирического героя и один из способов передачи авторского мировидения [205, с. 69].

В фольклорных произведениях с образом ***журавля*** ассоциируется начало долгожданной весны, добрые воспоминания, светлая грусть. В лирике С.С. Васильева образ журавля становится символом развития нового общества и обновления в целом.

Образ ***ворона*** в поэзии С.С. Васильева, как и в фольклоре, используется для отображения отрицательных явлений и понятий, чаще всего, для описания приближающейся беды, тревоги, войны: *«Сор туолар / Суостаах күннэрэ, / Хара суордуу / Халааталан түстүлэр»* [7, с. 149] *(горем наполненные страшные, тревожные дни, спустились стаей черных воронов).*

В цикле стихотворений для детей «Хотоҕойдоохтор тустарынан хоһооннор» («Стихотворения о пернатых», 1950), состоящем из четырнадцати отдельных поэтических текстов, описаны разные птицы: ***орел, пуночка, журавль, ястреб, филин, куропатка, лебедь, стерх, кукушка и певчие птички.*** Все перечисленные

образы птиц являются устоявшимися в народной поэзии, а также в лирике якутских поэтов. Примечательно то, что автор вводит в якутскую литературу образы ***павлина*** *и* ***страуса***.

В описании павлина улавливается сказочный мотив: *«Бастыҥ кэрэ дьүһүннээх / Павлин кыыл үөскээбит /.../ Кини кутуруга / Кэпсээҥҥэ кэпсэммит»* [1, с. 18] *(С красивым внешним видом птица-павлин родился, его оперение хвоста в сказках рассказывается, оказывается) (Здесь и далее перевод наш – С.В.)*. Павлин, как священная птица для народа Индии, известна своей несравненной внешней красотой, которой поэт восхищается:

Улахан нуоҕайа	*Его хвост*
Үһүн да буолар эбит,	*Оказывается, очень длинный,*
Уон өҥүнэн оонньуур	*Переливается десятью цветами*
Уустук да дьүһүннээх [1, с. 19]	*Сложноузорчатый.*

Автор сравнивает оперенье птицы с закатом солнца, морскими волнами, семицветной радугой, блеском мрамора и золота. Данные сравнения как бы близкие, „родные“ для образа павлина, но в то же время, доступные для восприятия якутских детей [176]. Таким образом, поэт приводит новые оригинальные образы птиц, тем самым обогащает образную систему якутской поэзии.

В поэтическом произведении «Ат ырыата» («Песня коня», 1943) С.С. Васильева представлен образ ***коня*** в аллегорической форме. В якутском эпосе олонхо образ коня занимает особое место, раскрывающийся в обожествлении. По мифологическим представлениям народа, лошадь считается священным животным и имеет божественное значение. В олонхо повествуется, как с помощью коня богатырь айыы преодолевает трудности, препятствия, побеждает богатыря Нижнего мира. В этом плане, боевой конь дополняет образ богатыря. А в поэме С.С. Васильева в форме печального монолога (песни) коня описывается противоположная эпическому образу судьба коня.

С.С. Васильев обращается образам природных объектов и явлений, например, как: ***облако, снег, ветер, гора, волна, озеро, река, море***, которые представлены, в основном, в пейзажной лирике, а также в лирических

произведениях о любви, философских рассуждениях поэта. Как отмечает Н.З. Копырин, в якутской устной поэзии эти образы фигурировали редко и введены в письменную литературу в более позднее время, но являются традиционными [107, с. 101-107]. Для создания образов поэт использует изобразительно-выразительные средства и тропы, перенимая их из богатого фонда народных лирических песен, а также из наследия текстов героического эпоса. В лирике поэта в этих образах чаще всего отражаются внутреннее состояние, раздумья лирического героя.

На основе способов раскрытия традиционных поэтических образов С.С. Васильевым оригинально использованы ***образы природы*** в стихотворении «Уоттаах таастар» («Огненные камни»). Автор прославляет имена великих русских поэтов и писателей, сравнивая их с драгоценными ***камнями – алмазами,*** находящимся среди бесчисленного количества ***песчинок***. Если внимательно присмотреться к песчинкам, то они различаются по форме, по цвету. По мнению автора, из них также могут получиться не менее драгоценные камушки:

Куйаар, хордоҕой арҕаһын
Кураанах курулас кумаҕын
Туох кыайан биирдии аадыаҕай,
Туох суота ситэн тардыаҕай?

Олорго бааллар быыкаалар,
Олус наһаа кыралар.
Бааллар болоорхойлор, өлбөөркөйдөр,
Туспа кайан көстүбэттэр.

Сир-халлаан үөскүөҕүттэн
Киһи аймах бүтүн кэккэтиттэн
Үһулуччу сырдаан кылбачыһан,
Уоттаах таас курдук чаҕылыһан
Көстөллөр – улуу Пушкиннар, Горькайдар,
Күндү Толстойдар, Маяковскайдар...

[14, с. 37]

Как песня прозвучат их имена,
Переходя в иные времена,
Чтобы и там их детям перечесть,
Чтобы воздать им и хвалу и честь.

Толстой и Пушкин среди тех имен,
Которыми я, как и все, пленен.
Они – алмазы, огненные камни,
Такой огонь в забвение не канет.

Но есть алмазы меньше во сто крат,
Которым тоже каждый был бы рад,
Вот только бы найти и оградить,
Вот только бы умело огранить.
Чтобы песчинку не засыпал пепел,
Ведь нужно, чтоб кто-нибудь заметил...

[15, с. 29]

Перевод С. Кузнецовой

Таким образом, С.С. Васильев, следуя традициям, успешно использовал фольклорные образы в своем творчестве. Поэт вводит в якутскую поэзию новые образы и средства, тем самым, несомненно, обогащает якутскую литературу. Более того, он усиливает значение традиционных поэтических образов, доводя их до уровня символа, которые поэт мастерски использует для изображения современного ему уклада жизни, действительности. Символические образы являются поистине действенным, живым средством художественного воспроизведения новых явлений жизни в национальной форме, понятным и близким каждому. Обращение поэта к образам природы доказывает близость его поэзии с фольклором.

2.3. Поэтика: анализ языка произведений С.С. Васильева

Язык художественных произведений С.С. Васильева отличается выразительностью, яркой публицистичностью, обилием использования фольклорных формул и разнообразием стилистических приемов. К.К. Султанов отмечает: «Для истинного таланта обращение к фольклору оборачивается прикосновением к подлинности народного духа, его самобытности, накопленным на протяжении веков этическим и эстетическим ценностям, определившим духовное бытие народа. <....> У подлинного художника народность заложена в самой природе миропонимания. Он не повторяет бездумно фольклорные формы и приемы, а идет вглубь, к познанию самого духа народного творчества, его эстетики и этики, самих принципов художественного мышления народа» [178, с. 6-7].

Характерной особенностью поэзии С.С. Васильева, в художественно-эстетическом плане, является народность языка: растянутые эпические конструкции предложений, обогащённые риторическими и синтаксическими фигурами.

Специальное изучение поэтического языка произведений С.С. Васильева в аспекте синтаксиса позволяет идентифицировать его индивидуальный стиль,

основанный на стремлении сохранить эпические коды в структуре, образах его произведений.

При исследовании особенностей синтаксиса языка одним из основных направлений является изучение стилистических приемов и средств выразительности, используемых им для создания образа, передачи идеи произведения, а также для построения поэтического текста в целом. В работах выдающегося исследователя М.М. Бахтина доказывается, что именно в языке произведения писателя проявляется «духовное творчество индивидуума» и выражается личное отношение автора к описываемому образу [44, с. 246].

Исследованию особенностей и роли синтаксических фигур, стилистических средств посвящаются труды Г.О. Винокура. Одним из основных положений в его работах доказывается, что изучение данного вопроса дает возможность прослеживания эволюции авторского стиля на всех этапах творчества поэта [74, с.185].

Современные исследования поэтического языка отдельных писателей подтверждают значимость изучения синтаксических фигур, стилистических приемов и средств. Следовательно, на уровне структурно-композиционного, семантического рассмотрения художественного текста появляется возможность определить факторы идиостиля, мастерства и новаторства писателя [124].

В литературоведении и лингвистике синтаксические фигуры поэтической речи разделяются на стилистические фигуры и синтаксические приемы. К стилистическим фигурам относятся: антитеза, инверсия, повтор, плеоназм, градация и др., основными приемами являются риторические вопросы, обращения, восклицания, а также анаколуф и алогизм и др.

Якутскими литературоведами проводится скрупулезная работа по анализу поэтического языка, выявляются особенности использования изобразительно-выразительных средств и тропов, фольклорных формул в художественных произведениях якутских поэтов. В работах Н.Н. Тобурокова, П.В. Максимовой, В.Б. Окороковой, Н.В. Покатиловой, В.Г. Семеновой, Л.Н. Романовой, Е.А. Архиповой и др. исследованы особенности использования стилистических

средств и приемов классиками якутской литературы: А.Е. Кулаковским, А.И. Софроновым, П.А. Ойунским, П.Н. Тобуроковым, С.П. Даниловым, а также известными поэтами-лириками: И.Е. Слепцовым-Арбитой, Н.И. Харлампьевой и др.

Фигуры авторской речи в произведениях, написанных С.С. Васильевым на тему Великой Отечественной войны, были изучены Н.З. Копыриным. Исследователь выявил особенности использования анафорических повторов, риторических фигур, синтаксических и строфических параллелизмов в публицистической лирике поэта. Он утверждает, что интенсивное использование поэтом параллелизмов и повторов указывает на фольклоризм его творчества [108, с. 96-101].

Анализ стилистических приемов был проведен Л.Е. Манчуриной на материале произведений поэта «Ленскэй абатыйыыта» («Гнев Ленского», 1943) и «Сэрии буолбут ойууругар» («В лесу, где произошло сражение», 1944). Исследователем выделены такие приемы стилистики, как актуализация, антитеза, восклицательные обращения. Вышеперечисленные стилистические приемы свидетельствуют о стилевой самобытности поэта, которая характеризуется экспрессивностью, эмоциональной окрашенностью [131, с. 82-85].

Учитывая преобладание отдельных стилистических фигур в поэтическом творчестве С.С. Васильева, мы выделяем основные синтаксические приемы: повторы, антитеза, градация, рефрен, синтаксический и строфический параллелизмы, риторические фигуры.

2.3.1. Повторы.

В художественных текстах поэта наблюдается частотность повторов, что характерно и для фольклорных произведений. Исследователи якутской поэзии Г.М. Васильев, Н.Н. Тобуроков, М.Н. Дьячковская указывают на наличие повторов в фольклорном тексте и уточняют, что этот прием – один из основных стихообразующих элементов в текстах олонхо, придает ему звуковую и

ритмическую упорядоченность. Обилие различных повторов в олонхо является специфической особенностью текста героического эпоса [85; 185].

Основными видами повторов в художественном тексте, приемов построения композиции и ритмической организации поэтического текста, являются анафора и эпифора. Повторяться могут единицы любых уровней речи: звук, слово, словосочетание, предложение. В поэтике и стилистике под анафорой понимается такой прием организации поэтического текста, когда в начало смежных стиховых строк или строф выносятся точно повторяемые звуки, одинаковые слова или идентичные выражения [105, с. 55-57]. По принципу создания и оформления повторов в тексте различаются такие виды анафор, как звуковые, лексические, синтаксические, строфические, строфико-синтаксические, ритмические и паузные единоначатия.

В поэтическом наследии С.С. Васильева использованы основные виды *анафор*: лексические, синтаксические, строфические единоначатия, которые выполняют преимущественно стихообразующую функцию при создании текста. Лексические анафоры использованы в более ста стихотворных произведениях поэта. Анафорические повторы представлены одинаковыми словами в предложениях или сочетаниях, использованных в одной и той же грамматической форме:

Манна *титирик чэлгийдин,*	*Пусть здесь лиственница произрастает,*
Манна *хатыҥ наҥнайдын,*	*Пусть здесь береза приподнимется,*
Манна *талах лаглайдын,*	*Пусть здесь тальник густо растет,*
Манна *сибэкки дэрбэйдин!*	*Пусть здесь цветок зацветет*
[7, с. 82]	*(перевод наш – С.В.)*

В данном произведении поэт использует прием анафоры для перечисления и конкретизации изображаемых образов. Кроме того, поэт обращается к лексическому единоначатию для усиления значения абстрактного понятия, например, чувства любви:

Мин тапталым	***Моя любовь***
Күлүмнүүр күн курдук сылаас,	*Тепла как сияющее солнце,*
Мин тапталым	***Моя любовь***
Күндээрэр халлаан курдук ыраас,	*Чиста словно ясное небо,*

Мин тапталым	***Моя любовь***
Модун долгуннаах	*Глубока как море*
Муора курдук дириҥ,	*С мощной волной*
Мин тапталым	***Моя любовь***
Халыҥ таас арҕастаах	*Тверда как гора*
Хайа курдук кытаанах!	*с массивным скалистым хребтом!*
[8, с. 74]	*(перевод наш – С.В.)*

У С.С. Васильева количество строфических анафор значительно превышает число лексических единоначатий. Данный вид повтора придает стихотворным текстам особую взволнованность и эмоциональность. Стихотворение «Мин хайам» (Моя гора, 1938), состоящее из двадцати трех трехстрочных строф, полностью представлено анафорическими словосочетаниями *«мин хайам» (моя гора).* В данном случае через повторы перечисляются качества и свойства гор, отождествляемых поэтом с родным краем и передаваемых им одухотворенно-взволнованной интонацией:

Мин хайам	***Моя гора***
Кэтэҕэр ойуурдаах,	*С березовой рощей*
Бэс, хатыҥ мастардаах.	*С сосновым бором.*
Мин хайам	***Моя гора***
Күөх баата муохтардаах,	*С расщелиной*
Көп кырыс ардайдаах.	*Покрытой мхами.*
Мин хайам	***Моя гора***
Курустаал өҥнөрдөөх	*Светящаяся хрусталем*
Килбэҥниир киэргэллээх.	*Сверкающей украшениями.*
Мин хайам	***Моя гора***
Саһархай дьүһүннээх	*Охристого цвета*
Сымара таастардаах [7, с. 84].	*С каменными глыбами.*
	(перевод наш – С.В.)

Поэт строфическими анафорами актуализирует свою позицию по поводу какого-нибудь конкретного события или вопроса:

Поэт – эн *доҕоруҥ.*	***Поэт*** *– твой друг,*
Поэт – эн *хотойуҥ.*	***Поэт*** *– твой орел.*
<…>	<…>
Поэт эн *санааҕын үөрүүнэн ойуулуур,*	***Поэт твою*** *душу радостью украшает*
Поэт эн *кынаккын күөх куорсуннуур!*	***Поэт твои*** *крылья оперяет!*

Поэт эн *дьиэҕин ырыанан арчылыыр,*	***Поэт твой*** *дом песнею защищает*
Поэт эн *тахсар күҥүн айхаллыыр!*	***Поэт твое*** *утро приветствует!*
[12, с. 79].	*(перевод наш – С.В.)*

При этом встречаются примеры использования строфической анафоры одновременно **с *тавтологией-полиптотом*.** Этим приемом автору удается убедительно передать возвышенно-одухотворенное чувство лирического героя:

Сүрэхпинэн билэбин илиини –	***Сердцем чувствую руки*** –
Ийэ сып-сылаас ***илиитин,***	*Мамины теплые* ***руки****,*
Үлэһит хатыылаах ***илиитин!***	*Мозолистые* ***руки*** *рабочего!*
Сүрэхпинэн билэбин илиини –	***Сердцем чувствую руки*** –
Учуутал нап-нарын ***илиитин,***	*Нежные* ***руки*** *учительницы,*
Эмчит күн аптаах ***илиитин!***	*Волшебные* ***руки*** *лекаря!*
[17, с.144-145].	*(перевод наш – С.В.)*

Анафорические повторы в поэзии С.С. Васильева в большинстве случаев являются одним из приемов создания синтаксических параллелизмов. Стихотворение «Аҕабар махтал» («Благодарность отцу») написано стихами, полностью состоящими из стилистических единоначатий и из концевых повторов, которые образуют синтаксические и строфические параллельные конструкции. Посредством этого приема представлена картина бескорыстной любви и признательности к своему отцу, главная идея произведения:

Аҕам оҕонньор эрэйдээх	*Как отец постарел,*
Атаҕын суоһунан сылыппыт	*Потому что немало он пролил*
Аларым ача отунан	*Пота-крови, трудясь*
Аһаан-хаҥаан улааппыт	*На чужих, подневольных полях,*
Ала ынаҕым үүтүнэн	*Не заметив, как стал*
үссэнэн үөскээбитим...	*Лыс и немощен, темен и болен,*
	И ломота навек
Аҕам оҕонньор эрэйдээх	*Поселилась в тяжелых костях.*
Күөл көлөһүнүн саккыраппыт	
Көлүччэтин сөрүүн уутунан	*Как ему голодать*
Утаҕын ханнаран улааппыт	*Приходилось, нельзя и представить,*
Оноолоох саадьаҕайым үүтүнэн	*Как ему холодать*
үссэнэн үөскээбитим... [14, с. 50].	*Довелось, невозможно сказать:*
	Одевался в корье,
	Лед колол, чтоб водицы наплавить,
	Вырос в юрте такой,

Где куржак не давал засыпать [15, с.57].

Перевод А. Преловского

Наиболее значимым стилистическим приемом в поэзии С.С. Васильева является *эпифора*. Данные повторы, как и анафора, выполняют функцию создания стройности строфической организации произведения, а также для усиления эмоциональной окраски художественных текстов. Согласно определениям поэтического словаря, эпифоры представляют собой повторяющиеся звуки, слова или словосочетания в конце смежных строк или строф, являющиеся противоположными анафорам [105, с. 511]. Выделяют три вида эпифоры: фонетические, лексические, синтаксические. Фонетические или по-другому грамматические эпифоры – повторы одинаковых звуков на концах смежных строк, которые могут являться простыми рифмами.

Концевые повторы звуков в поэтическом наследии С.С. Васильева и других якутских поэтов многочисленны, так как в результате подборов однородных звуков создаются простые фономорфологические рифмы, где рифмующиеся слова стоят в одной и той же грамматической форме, например, в таком плане:

*Ытык хайаны ба**ҕынан**,*	*По вершине священной горы,*
*Ыыһар былыты быы**ҕынан***	*Сквозь густые облака*
*Көтөр аалым дэр**бэйэн**,*	*Воздушное судно приподнявшись,*
*Көмүс күөнэ кил**бэйэн***	*Серебряным станом блестя*
*Нөрба диэки д**айаарда**,*	*По направлению в Нюрбу улетает,*
*Мотуор тыаһа **айаарда*** [7, с. 71].	*Шум мотора его горланит.*

(перевод наш – С.В.)

Как отмечает Е.А. Мирзоев, концевые повторы «придают части высказывания ударение, играют роль общей экспрессивизации, способствуют созданию подтекста, эффекта кульминации, эффекта предположительности, динамики, ритма, помогают иллюстрировать образы» [133, с.181]. Лексические эпифоры, созданные С.С. Васильевым, в основном, направлены на обеспечение высокой интонации произведения, а также для усиления эффекта ритма. Повторяющиеся слова и словосочетания образуют в свою очередь тавтологическую рифму в стихотворениях:

Туруу ***барабаана,***
Хардыы ***барабаана,***
Тутуу ***музыката,***
Олох ***музыката!*** [7, с. 58].

Стойкости ***барабан,***
Движения ***барабан,***
Стройки ***музыка,***
Жизни ***музыка!***
(перевод наш – С.В.)

Концевые синтаксические повторы у поэта становятся основой для конструирования другой стилистической фигуры – *градации.*

2.3.2. Градация. Параллелизмы.

Под градацией понимается «стилистическая фигура, заключающаяся в последовательном нагнетании или ослабевании сравнений, образов, эпитетов, метафор и других выразительных средств художественной речи», различающиеся по двум видам: климакс или антиклимакс [105, с. 135].

Нужно отметить, что в лирике С.С. Васильева градации конструируются, в большинстве случаев, в результате выстраивания синтаксических повторов и параллелизмов. Эти приемы поэтом использованы намного реже, чем другие стилистические средства выразительности. Приемы градации с нарастающим смыслом значимости выражений и основанные на повторении слов, усиливают не только эмоциональное воздействие на читателя, но и передачу внутреннего переживания лирического героя, что можно наблюдать в стихотворении «Таас да сүрэҕи ууллaрыаххыт» («Расплавите даже каменное сердце», 1939):

Налыччы-намыччы симэнэн
Наскыйан турар эдэр хахыйаҕым
Кинини санатар!
Саһара, сандаара сыдьаайар
Сарсыарда саһарҕалаах халлааным
Эмиэ кинини санатар!
Аралыйар кустук дьэрэкээнэ,
Сиппит ый көмүс мөһүүрэтэ
Барыта кинини санатар!
[7, с. 92].

Раскидистая, нарядно растянувшись
Стоящая молодая березка
Напоминает ее!
Желтея, блистая сияющее
Небо с утренней зарею
Тоже напоминают ее!
Яркие цвета пестрой радуги,
Серебристая мишура полнолуния
Все напоминают ее!
(перевод наш – С.В.)

Одним из частых приемов поэтического синтаксиса, применяемых С.С. Васильевым, считается *рефрен*. В литературоведении рефрен определяется как «композиционной прием повторения стиха или ряда стихов в конце строфы» который специфичен для народных песен [105, с. 348]. В песнях рефренами называют припевы. Как отмечает В.М. Жирмунский, припев это «повторение последнего стиха или стихов строфы в виде метрически обособленной концовки, с изменением или без такового» [94, с. 56]. Исследователь считает нужным дополнить определение: припев в народных песнях составляется из эмоциональных возгласов и восклицаний, которые оформляются в виде одного слова или словосочетания [94, с. 56].

В якутских народных песнях, созданных в советское время и письменно зафиксированных, наблюдается наличие повторяющихся строк, называемый припевом песен. Как отмечается в предисловии сборника якутских народных песен советского периода, народные песни исполнялись певцами-импровизаторами, носителями традиционного якутского фольклора [206, с. 5].

Народные песни советского времени наполнены устоявшимися изобразительно-выразительными средствами и приемами, несущими художественные коды устного народного творчества. Соответственно, нами предполагается, что некоторые поэтические приемы, использованные С.С. Васильевым, в частности, рефрены, оформляются по традициям якутской советской народной поэзии. В произведении поэта «Кыталыктар ырыалара» («Песни стерхов»), состоящего из пяти частей, воспеваются времена года. После каждого четверостишия автор отмечает словами «хос ырыата» («припев»). Произведение по содержанию и тематике имеет несомненное сходство с народными песнями о временах года.

В теоретических работах по стихосложению рефрены различаются на стабильные или вариативные [94, с. 57], т.е. слова текстов рефрена могут различаться. При отслеживании синтаксических приемов рефрена в поэзии С.С. Васильева мы выбрали точные, стабильные рефрены, поскольку вариативные

рефрены, в которых слова заменяются другими словами или сочетаниями слов, в произведениях автора занимает довольно большое количество.

Поэт стал широко использовать рефрены уже с самого начала творческого пути. По нашим наблюдениям, рефрены встречаются только в строго строфических стихотворениях поэта. Рефрены поэта могут располагаться в любом месте текста стихотворения. Так, например, в стихотворении «Сайылыкпар» («На летнике», 1929) рефрен располагается в начале и в конце произведения, а в стихотворении «Ахтылҕан» («Тоска по любимой девушке», 1930) – после каждой строфы.

При помощи рефрена поэт, безусловно, стремится упорядочить строфическую организацию стихов и придать композиционную стройность произведениям. Этим приемом поэт акцентирует внимание на свой внутренний мир, например, в этом отрывке делится своей искренней радостью и восхищением трудовым народом:

Үөрэр-көтөр ырыаттан
Норуот ньуура сырдаатын!
Эдэр ыччат тыыныттан
Иҥин хаана хамсаатын!
[7, с. 51]

Пусть от веселой песни
Лик народа засияет!
Пусть энергией молодежи
Заиграют румянцем лица!
(перевод наш – С.В.)

Его стихотворения с рефренами чаще всего становятся песнями, например: «Кыргыттар, уолаттар» («Девушки, юноши», 1939), «Дьон-норуот сааскыта» («Весна народа», 1939), «Кустук өҥүнэн» («Разноцветьем радуги», 1939), «Торҕо күөх дойдуга» («В стране зелени», 1939) др. Характерной для стихотворений, на слова которых слагаются мелодии и создаются песни, считается особая динамичность, ритмико-мелодическая организованность. Поэт специально подбирает слова для того, чтобы достичь равносложного сочетания стихов каждой строфы:

Торҕо күөх дойдуга
Тулааһын буоллун диэн,
Киэҥ ийэ дойдубут
Кэскилэ буоллун диэн [8, с. 198].

Подпорку делаю
Для страны зелени
Ради будущего
Необъятной родины
(перевод наш – С.В.)

Итак, мы отмечаем большую частотность использования С.С. Васильевым рефрена, также и то, что рефрен способствует переходу стихотворного текста в песенный. Рефрены поэта появляются после четырехстиший и располагаются в любом месте текста.

В результате анализа повторов, использованных С.С. Васильевым, нами выявляются три разновидности единоначатий и концевых повторов. Поэт использует приемы повторов, в основном, как средство усиления выразительности ритмики поэтических произведений. При помощи анафоры или эпифоры создаются другие приемы поэтического синтаксиса, например, градация и рефрен. Единоначатия и концевые повторы встречаются во всех стихотворных произведениях, независимо от этапов его творческой деятельности, что еще раз подчеркивает самобытность поэтического стиля С.С. Васильева.

Посредством анафоры и эпифоры по отдельности или в их совокупности поэтом создаются параллельные конструкции, т.е. синтаксические или строфические параллелизмы стихов, с помощью которых автор добивается ритмичности стихотворных строк.

Синтаксический параллелизм как стилистический прием, представляет собой «композиционный прием, подчеркивающий структурную связь двух или трех элементов стиля в художественном произведении», одинаково расположенных сходных членов предложения или отрезков речи [101, с. 306]. Согласно общепринятой классификации, параллелизмы бывают полными или частичными. Полные параллелизмы отличаются тем, что члены предложений в параллельных конструкциях имеют одинаковую грамматическую форму.

По мысли А.Н. Веселовского, исследовавшего развитие и виды параллелизмов на материалах фольклора разных народов, эти приемы в народной поэзии используются для изображения какого-либо действия, иные от этого созвучия создают формулу и утрачивают значение устойчивости параллелей [73]. Как отмечается в работах якутских фольклористов, параллелизм определяется как стилистический прием, составленный из параллельных конструкций-предложений, которые играют роль при построении композиции эпического текста. При этом

рассматриваемый стилистический прием считается одним из наиболее древних средств выразительности народного стиха [98; с. 162]. Известный якутский стиховед М.Н. Дьячковская указывает, что параллелизмы встречаются в текстах народных песен и героического эпоса олонхо, которые служат элементами стихообразования и могут представлять собой простые рифмы [85, с. 25-34].

В фольклорных текстах, а также в поэтических произведениях С.С. Васильева, приемы синтаксических параллелизмов часто выполняют функцию формирования цельного поэтического образа. При этом, однородные параллельные конструкции используются для постепенного, последовательного создания образа:

Көхсүгэр
Күр муус көлөһүннээх,
Иннигэр
Илир кыаһаан илбиргэстээх.
Баттаҕар
Барча хаар кырыалаах,
Кыламаныгар
Кылыр муус кыаһааннаах,
Хараҕар
Хара тааҥ чэҥнээх,
Бытыгар
Былас кырыа бытырыыстаах,
Атаҕар
Адаар чаҥ адаҕалаах,
Харытыгар
Халыр муус кыаһааннаах
Кырдьаҕас
Моруос оҕонньор өндөҥнөөтө [8, с. 101].

На спине
Ледяной пот,
Спереди
Висюльки из сосулек.
Волосы
Со снежным инеем,
На ресницах
Звенящие ледяные сосульки
Черные глаза
С ледяной изморозью,
С длинной бородой
Из снежной бахромы,
На ногах
Торчащие алюминиевые колодки,
На руках
Звенящий лед
Почтенный
Дед Мороз пытается вставать.
(перевод наш – С.В.)

Кроме того, при детальном описании внешнего вида или характеристики физических данных образов С.С. Васильев часто обращается к фольклорным формулам:

Ойоору
Оҥостуммут омунугар –
Куоһуулаах

В пылу
Подготовки к полету –
Его с выемкой

Кулгуруур хоолдьуга куһуурда.	*Стремительный хребет ввысь ринулся.*
Аалыылаах,	*Его отполированный,*
Алтан таһаа арҕаһа айаарда,	*Медный выпуклый стан сгорланил,*
Танаммат,	*Его необрывистая,*
Тардыы тимир	*Железная*
Тараһата дарылаата,	*Брюшина задребезжала,*
Үһүйбат	*Его крепкий*
Укулаат тимир	*Стальной железный*
Уорҕата орулаата [7, с. 215].	*Хребет заревел.* *(перевод наш – С.В.)*

Параллельные строки, состоящие из однородных членов предложения, создают фономорфологическую рифму, тем самым достигается звуковая и ритмическая упорядоченность стиха. Это явление, характерное для эпических текстов переходит в литературные тексты поэта.

Поэт, используя параллельные конструкции, выстроенные приемом группировки слов и сочетаний с одинаковым грамматическим оформлением, создает лирическое отступление. Оно несколько отвлекает внимание от основного содержания стихотворения, но в то же время играет определенную роль в описании действия или события. Это можно проследить по отрывку из произведения «Мунньахха олорон» («Во время заседания») С.С. Васильева:

Санаам тийэр: үрдүк дабааннарга,	*Мои мысли добираются: до высоких гор,*
Сандаарар-күндээрэр сырдык дыбарыастарга,	*В сверкающие светлые дворцы,*
Сибэккилээх үгүс кэрэ сайылыктарга,	*В летники с красивыми цветками,*
Сиппит-тоҕуоруйбут оонньуулаах ыһыахтарга	*На широкие и радостные праздники ысыах.*
[8, с. 135].	*(перевод наш – С.В.)*

<u>*Строфические параллелизмы*</u> способствуют построению композиции, описанию развития сюжета произведения:

Бу суолунан	***По этой дороге***
Кыһыл Москваттан	*Из красной Москвы*
Кыраай Саха сиригэр	*По якутской земле*
Кылбайар сытыы сырдык	*Искрою засиял*
Кыымныы ыһыллыбыта...	*Блестящий яркий свет...*
Бу суолунан	***По этой дороге***
Хотун Ленам	*Храбрые сыновья*
Хорсун ыччаттара,	*Величавой Лены-реки,*
Кылааннаах кылыһы	*Схватив*

Кылбаччы туппутунан,	*Острые сабли*
Аҕа дойдуну көмүскүү,	*Ушли на Запад*
Арҕаа ааспыттара...[7, с. 222]	*Защищать Отчизну...*
	(перевод наш – С.В.)

Обильное использование синтаксических и строфических параллелизмов в поэзии является отличительным признаком индивидуального стиля С.С. Васильева, сформированного на фольклорных истоках. Параллелизмы в произведениях автора выполняют функцию акцентирования внимания на художественные образы, пояснения, детального описания их внутренних качеств и характеристики внешних данных и т.д. Кроме того, синтаксические и строфические параллелизмы способствуют композиционной и ритмической стройности произведения.

В арсенале художественных приемов С.С. Васильева находятся и *антитеза,* определяемая в поэзии как «стилистическая фигура контраста, резкого противопоставления понятий, положений, образов, состояний и т.п. в художественной или ораторской речи» [105, с. 61]. Прием противопоставления или контраста в художественном тексте играет важную роль, как отмечают известные литературоведы Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев, для усиления эмоциональной окраски речевой фразы и подчеркивают основную мысль автора [175, с. 18]. В работе «Антитеза и ее роль в линейных и вертикальных структурах художественного текста» Л.Н. Гиоева пишет: «…антитеза способна выступить ключевым приемом в арсенале тех средств, которыми пользуются в структурировании целого текста, начиная от его заголовка и заканчивая его финальной частью» [79, с. 132].

В этом отношении, стихотворение С.С. Васильева «Дьол уонна сор» («Счастье и горе») представлено антонимическим заглавием, в котором через прием антитезы раскрываются размышления лирического героя о том, что счастье и горе сопровождают его всю жизнь: *«**Дьол** икки / **Сор** икки / Тоҕо куруутун аргыстаһаҕыт?»* [8, с. 239] *(И **счастье** / И **горе,** / Почему вы ходите друг за другом?) (здесь и далее перевод наш – С.В.)*. От внезапно возникшей неприятности лирический герой – отец заболевшего ребенка – расстраивается, чувство

расстройства передается антитезой-прилагательными: *«**Сырдык** санаам **хара** күлүктэннэ»* [8, с. 239] *(Мои **светлые** мысли заслонила **темная тень**)*, *«**Үһүн** санаам **кылгаан**, саппаҕыран»* [8, с. 240] *(мои растянутые мысли сократились, потускнели).* В этом случае прием простых антитез служит способом выражения психологического состояния лирического героя.

В произведении сопоставлены образы народной поэзии стерха и ворона, традиционные для фольклора. Как известно, образ белого стерха символизирует счастье, наступление весны и радости, а образ черного ворона подразумевает несчастье, горе, темную силу. Эти символические образы удачно используются автором: они противопоставляются и олицетворяют волнение и тревогу лирического героя:

***Кыталыгым** кылана-кылана,*	*Мой **стерх** вскрикивая,*
Кый ыраахҕынан элиэтиир курдук.	*Парит далеко в небе.*
***Хара суор,** хаһыытыы-хаһыытыы,*	*Черный **ворон**, громко каркнув,*
Хайҕахтаах быарбын хаһан эрэр курдук.	*Будто мою печень начал клевать*
[8, с. 239]	*(перевод наш – С.В.)*

Контрастные приемы, использованные поэтом, не только способствуют усилению выразительности и образности произведения, но также и подтверждают фольклоризм его творческого наследия.

Исследователь поэтического языка олонхо Ю.П. Борисов утверждает, что антитеза часто встречается в текстах якутского героического эпоса «начиная от противопоставления основных персонажей и заканчивая эпическими формулами. Связано это, прежде всего с многочисленными конструкциями ритмико-синтаксического параллелизма, в частности с его подвидом, образованным антонимическим противопоставлением» [55].

Вид антитезы, используемый в текстах олонхо, был творчески перенят С.С. Васильевым. Это четко можно проследить в его произведениях, написанных на тему Великой Отечественной войны. Обратимся к произведению «Клятва», в котором применяется лексическая антитеза, составленная словами-антонимами. Эпическая формула, использованная поэтом, раскрывает контрастные образы двух

враждующих армий и тождественна изображению начала борьбы двух враждующих богатырей в олонхо:

Икки күүс -	*Две силы –*
***Сырдык** уонна **хара** күүс, -*	***Светлая** против **черной** силы,*
Эпсэри түсүһэн,	*В крепкой схватке,*
Эллэһэн истилэр,	*Навстречу шли,*
Хардары анньыһан,	*Толкались наступая,*
Хааннаһан бардылар... [7, с. 149-150]	*Начали биться до крови...*
	(перевод наш – С.В.)

При помощи глаголов-антонимов «бардым-кэллим» (“уезжать-приезжать”), которые образуют лексическую антитезу, описывается сюжетная линия, раскрывающая отправление лирического героя баллады «Священный Ильмень» в далекую Новгородскую область:

Бардым —	***Я лечу***
Үс былыты үрдүнэн...	*Все выше и выше —*
<...>	***<…>.***
***Бардым** көтөн —*	***Я лечу***
Сындыыстыы сыыйыллан,	*К берегам далеким,*
***Бардым** кыырайан —*	*Днем и ночью мчусь в поднебесье,*
Охтуу суйулаан!..	*Как стремительная комета*
Кэллим —	*Как стрела, летящая к цели!..*
Кыырыктыйбыт Ильмень күөлгэ,	*Долго **мчался** –*
Кэллим —	*И вот **- домчался**.*
Улуу Новгород куоракка...[15, с. 213]	[10, с. 94]
	Перевод С. Северцева

В данном отрывке из текста противопоставляемые глаголы-сказуемые находятся в начале предложения, и, следовательно, они образуют *инверсию*.

Кроме лексических антитез, в поэзии С.С. Васильева функционируют примеры способа семантического контраста. Как отмечает Л.Е. Манчурина, приемы антитезы С.С. Васильева могут растянуться на части произведения. Так создано стихотворное произведение, состоящее из четырех частей “В лесу, где произошло сражение”. Поэт противопоставляет первую и вторую части данного произведения, где при помощи контраста описывается красивый пейзаж лесной чащи в мирное время и изображается картина разваленного леса после сражения [131, с. 84].

Поэт создает семантическое противопоставление, т.е. вводит сложную антитезу, которая занимает больший объем текста произведения. При этом, контрастные образы запечатлеваются иными синтаксическими приемами и средствами художественной выразительности, метафорой и олицетворением: *«Билиилэригэр **бэс мастар**, / Бэдэр бэргэһэлэрин иҥнэри / анньынан баран, / **Бэкиһэн иһэллэрэ**. / Тэллэхтэригэр **тиит мастар**, / Тииҥ истээх соннорун / тиэрэ бүрүнэн баран, / **Тирэһэн тураллара**”* [7, с. 234] *(На перехвате озера, в кривых шапках из шкуры рыси **сосны стояли двигаясь**, на подножие горы, **лиственницы**, накинув пальто из беличьей шкуры **крепко стояли**) (здесь и далее перевод наш – С.В.), «Харыйа мастар, / Хаппыт / Хахыр курдук, / Хара мутуктарынан / **Кэннилэригэр турар бэстэри** / Кэйиэлээн / Кирдиргэттилэр. / **Охтубут тиитттэр** / Куйааска / **Кууран кубарыйдылар.** / Сыыраска / **Сытыйан барыйдылар**»* [7, с. 238] *(Ели, своими темными ветками, словно копьями, без конца кололи сосны, стоящие сзади. **Сваленные лиственницы** из-за зноя **поблекли**, из-за сырости **сгнили**)*.

Таким образом, анализ использования антитез свидетельствует о том, что данный прием в творчестве поэта представляет один из ведущих способов обеспечения художественной выразительности поэтических образов.

2.3.3. Риторические фигуры.

Главной особенностью поэтического языка произведений С.С. Васильева является интенсивное использование риторических фигур в формах вопросов, обращений и восклицаний. Излюбленные поэтом стилистические фигуры служат способом выражения идейного смысла художественного текста, способом усиления эмоционально-экспрессивной насыщенности произведения.

Приемы риторических обращений и вопросов используются в стихотворных произведениях, в которых включаются диалоги и монологическая речь. В результате умелого использования риторических фигур непосредственно

усиливается лиричность, авторская эмоциональность, художественная выразительность.

Произведения, написанные С.С. Васильевым, разнообразны по тематике. В его произведениях поднимаются вопросы личного и общественного характера, поэт выступает как певец всего происходящего вокруг него. Исходя из тематического многообразия и идейного содержания произведений С.С. Васильева, нами изучено использование риторических обращений и вопросов в любовной, в пейзажной, публицистической лириках, в его стихотворениях с философским и сатирическим содержанием.

Риторические вопросы и обращения выполняют функцию усиления выразительности высказывания и воздействия на адресата. Как подчеркивает стиховед Е.А. Архипова, риторические обращения могут быть адресованы к абстрактным понятиям, к окружающему миру, ко всем, кто слушает речь лирического героя [39]. Обращения героя лирических произведений С.С. Васильева адресованы к его возлюбленной: *«Эн, таптыыр кыыһым, ханна сылдьаҕын? / Эдэр сүрэххин тугунан аалаҕын?»* [7, с. 28] *(Ты, моя любимая, где сейчас находишься? / Свое молодое сердце чем точишь?) (здесь и далее перевод наш – С.В.).* Всего в произведениях, входящих в любовную лирику, написанных им в молодые годы поэта, нами насчитывается более двадцати риторических обращений и вопросов. Адресатом выступает возлюбленная лирического героя.

Чувство тоски по любимой девушке или безответная любовь описываются в параллели с природными явлениями. Следовательно, риторические обращения адресуются и объектам окружающего мира, таким природным явлениям, как горный хребет, волны реки, облака, полевые цветки, различным птицам:

Хонууга тэлгэммит ***сибэккилэр,***
Тугу сэрэбиэйдиигит?
Туйаара көтөр ***күөрэгэйдэр,***
Тугу алҕаан эҕэрдэлиигит?[7, с. 24]

Вы цветки, *растущие на полях,*
О чем гадаете?
Вы жаворонки, *летящие щебеча,*
Что благословляя приветствуете?

А в стихотворении «Тыал» («Скажи ветерок») С.С. Васильева в таком же ракурсе при помощи поэтического образа ветра выражается радостное настроение

лирического героя, переполненное любовью и счастьем. Автор во всех четырех строфах использует риторические вопросы, обращенные к ветру: *«Тоҕо, мэник тыалчаан, / Тохтообокко сүүрэкэлии сылдьаҕын? / <…> / Хайа мин таптаабыт дьахтарбын / Күүскүнэн кууспалаан кээлтиҥ буолаарай?»* [7, с. 88] *(Ветерок шаловливый, беспечный, / Все-то носишься ты отчего? / Нежно обнят тобой каждый встречный, / Так и кружишься возле нее? – перевод С. Ботвинника)* [21, с. 10].

В стихотворениях о любви поэт риторическими вопросами не только передает положительные эмоции и радостные события. Посредством риторических фигур передаются также чувство мимолетной любви, сомнения или тревоги, измена или расставания с любимым человеком, что описывается в таком плане:

Бу кыысчаан санаатын
Дьэ хантан ситиэмий?
Улдьаарбыт баҕатын
Оҕуурдаан тутуомуй?[7, с. 26]

Ну как мне угодить
Желаниям этой девчонки?
Арканом мне отловить
Ее ветреные мысли?
(перевод наш – С.В.)

Между тем, в пейзажной лирике поэта приемы риторических обращений используются для олицетворения неодушевленного мира природы. Лирика С.С. Васильева убеждает читателя в том, что человек, действительно, является частью природы. Поэт выражает безграничную любовь к своему родному краю, искренние переживания за сохранение окружающей среды:

Туругурун, күөҕүнэн чэлгиһийэр,
Ыраас дьиэллигэстээх ***ыркыйдар!***
Туругурун, мүөтүнэн дыргыһыйар
Дьэдьэн уктаах ***ыллыктар!*** [7, с. 87]

Торжествуйте, зеленью цветущие,
С чистыми проемами **лесные заросли**!
Торжествуйте, медом благоухающие
С земляничными усиками ***тропинки***!
(перевод наш – С.В.)

В стихотворении «Кыыс Хаҥа» («Дева-озеро») воспевается бесподобная красота родной земли поэта, автор разделяет с читателями свою гордость, радость и воодушевление, которые передаются вопросительными предложениями:

Тоҕо *«Кыыс Хаҥа» диэн эйигин*
Тойукка-хоһоонҥо туойбуттарый?
Наҕыл кыыс курдук бэйэҕин
Кимнээх маннык таба аатта абыттарай?

Кто *назвал тебя Кыыс-Хана?*
Кто *впервые увидел: твоя красота*
По-девичьи нежна,
По-девичьи чиста?! [21, с. 40]

[8, с. 85] *Перевод Р. Морана*

Обращения и вопросы такого плана свидетельствуют о том, что природные явления у автора всегда изображаются в одушевленной и очеловеченной форме. Следует отметить, что в любовной и пейзажной лирике риторические вопросы и обращения становятся лирическими обращениями, адресованными объектам окружающего мира, природным стихиям, любимой девушке или вовсе отвлеченной категории – без адресата, и написаны в форме лирического монолога поэта.

Приемы лирических обращений и вопросов использованы в произведениях с философским звучанием, написанных поэтом в 1950-е гг. Вечные вопросы общечеловеческого характера, например, о смысле и значении жизни человека, о моральных ценностях, о судьбе, идеалах в жизни, о взаимоотношениях людей в обществе и др. переосмысливаются поэтом. В произведениях с таким содержанием автор как бы ждет отзыв на свои волнующие проблемы и вопросы, но не может найти на них ответа. Лирический герой задает вопрос самому себе, поскольку для философской лирики наиболее специфичным является отсутствие адресата. Автор обращается к своему внутреннему «я», что тождественно с монологом лирического героя:

Тоҕо
Хаарыан куударам барахсан
Хара сылдьа түспэккин?
Хастыы дьукку сууллан,
Харах уута буолан
Хаар маҕан буолтуҥ буолаарай? [17, с. 140]

Почему
Мои кудри волос
Так быстро поседели?
Стали белоснежными
Может быть от печали,
Может, от трудностей в жизни?
(перевод наш – С.В.)

Стихотворения «Кэпсээҥ эрэ» («Расскажите мне»), «Аар байах тиитим» («Величавая моя лиственница») богаты риторическими вопросами, адресованными абстрактным понятиям, таким природным явлениям как счастье, горе, лесная чаща, горы, деревья, река Лена и т.п. Эти природные явления и объекты окружающей среды невольно становятся собеседниками погруженного в различные мысли лирического героя: *«Сүгэһэрдээх оҕонньордуу сүгүрүйэн, / Сүдү-байах тиит, умса*

нэрийэн, / Эн тугу туоһулуу тураҕын?» [14, с.169] *(Сутулая словно старец с ношей, величавая лиственница наклоняясь стоишь, о чем ты повествуешь?).* Синтаксические фигуры в философских произведениях, в частности, риторические вопросы способствуют передаче переживаний лирического героя, а также привлечению внимания читателя, призывая его к совместным размышлениям и думам.

Риторическими обращениями в художественном плане дополняются стихотворения с сатирическим содержанием. В них разоблачаются недостатки социального развития и неумелого управления власти обществом, народным хозяйством, равнодушное отношение к народу, а также высмеиваются отрицательные черты характера и личностные качества людей. В стихотворениях «ЫІһыллыбыт дьардьамалар» («Разбросанные останки», 1954), «Хойутаанап» (“Хоютанову”), «Суоттулуур суол» («Дорога в Соттинцы», 1954), «Дьөгүөрсэҕэ» («Егорушке») объектами иронизирующих обращений становятся, безусловно, герои, которые осуждаются или высмеиваются автором:

Эн, министр, ону билэриҥ буолаарай,
Этэн көр эрэ, ким эмэ харайаарай.
Бу күндү сеялкалар, молотилкалар,
Бухатыыр комбайннар, тракторлар –
Күөгэйэр күннэригэр
<…>
Ойууру солоон нэлэһиппиттэрэ,
Оту охсон килэдиппиттэрэ,
Сиэмэ ыраастаан сирдиргэппиттэрэ...
[7, с. 115].

Ты, министр, может ты знаешь о том,
Может кто-нибудь позаботится о сохранении.
Эти бесценные сеялки, молотилки,
Комбайны-богатыри, трактора –
В свое лучшие времена
<…>
Прорубали деревья в лесу,
Косили траву на лугах,
Собирали зерно на полях...
(перевод наш – С.В.)

Стихотворения, имеющие сатирическое содержание, состоят из авторского вступления и заключения, а основная часть произведения создается С.С. Васильевым в форме диалога. В некоторых случаях дается монолог автора, в котором много риторических вопросов или обращений. Этими вопросами автор

поднимает основную идею-проблему. Приемы риторики используются для раскрытия идейного замысла автора и для заострения проблематики произведения.

Как известно, основная задача восклицательных обращений в поэзии направлена на передачу эмоционального звучания и высокой интонации произведения. Стихотворения, представляющие публицистическую лирику С.С. Васильева, отличаются высокой патетикой.

Восклицательные обращения поэта адресуются трудящейся молодежи: *«**Эдэр ыччат**, ньиргийэн, / Ыллыы, туойа тахсыаҕыҥ»* [7, с. 51] *(Молодежь, бодро выйдем, песню напевая) (здесь и далее перевод наш – С.В.)*, *«Чэйиҥ эрэ, тураммыт /<…>/ үлэлии-хамсыы барыаҕыҥ!»* [7, с. 74] *(Ну-ка, встанем, пойдем трудиться, заняться делом!)* рабочим-мастерам: *«**Эн, маастар,** быһаххын / Сытыытык буруустаа!»* [7, с. 42] *(Ты, мастер, заточи остро свой нож!)*, первым космонавтам: *«Эҕэрдэ, **эйиэхэ, биир дойдулаахпар,** / Эр сүрэхтээхпэр, албан ааттаахпар! / <…> / **Эн,** сулустардыын ыксаластыҥ, / **Эн**, сындыыстардыын сырыстыҥ»* [8, с. 227] *(Приветствую тебя, мой прославленный соотечественник, с храбрым сердцем! Ты приблизился к звездам, летел наперегонки с метеорами),* другу-соратнику: *«Таптыыбын **Бүөтүрү эйигин,** / Дьиҥ күүстээх бассабыык буолбуккун»* [7, с. 43] *(Почитаю тебя, Петр, / за то, что стал большевиком!)*, матерям: *«Киэн туттуҥ, / Кэскиллээх дьолу төлкөлөспүт, / Эр хотойдору төрөппүт, **Эһиги, советскай ийэлэр**!»* [8, с. 72] *«Гордитесь, советские матери, своими мужественными сыновьями – вершителями счастливого будущего!»,* своей родине: *«Ийэ дойдум эрэйдээх, / Эйиэхэ мин умнаһыт буолбатахпын!»* [7, с. 112] *(Многострадальная моя родина, я не буду попрошайкой!)* и т.д.

В публицистической лирике С.С. Васильева восклицательные обращения актуализируют основную авторскую позицию и идейное содержание произведения. Поэт, употребляя разнообразные восклицательные обороты, выражает свои эмоции: радость, восхищение, гордость. В данных стихотворных произведениях автором восславляются человек труда, рабочие-передовики, воины-защитники родины, описываются динамическое развитие общества, строительство городов и сел, технический прогресс.

Образцом наиболее яркого и выразительного использования различных средств синтаксических фигур считается баллада «Священный Ильмень». Произведение наполнено повторами, антитезами, синтаксическими и строфическими параллелизмами. Кроме этого, поэма написана стихами, состоящими из вопросительных и восклицательных предложений, которые передают волнение и скорбь поэта по погибшим солдатам, раскрывают содержание поэмы, наполненное высокими патриотическими мыслями.

Сокрушение сердца и искренний плач поэта по погибшим землякам – защитникам Родины передаются риторическими приемами: вопросами-повторами и обращениями-рефренами, усиливающими выражение внутренних переживаний автора: *«Тоҕо, / Сүрэҕим, суоһаҕын? / Тоҕо, / хааным, куоһаҕын?»* [17, с. 211] *«От какой непонятной боли / обливается сердце кровью?»* [10, с. 92]; *«Тоҕо – / Ойуур хара тыаҕа / Оҕо саҥата ытыырын / Көрдүү сылдьар курдук буолабын?»* [17, с. 212] *«Почему мне слышаться стало, / Будто громко плачет ребенок, / Заблудившийся в чаще темной, / И на помощь ему устремляюсь, / Но найду ли его – не знаю?..»* [10, с. 93]. Риторические вопросы охватывают несколько поэтических параллельных строф, состоящих из идентичных по синтаксису предложений.

Риторическими обращениями, представленными строфическими параллельными конструкциями, автор конкретизирует факты трагических событий и акцентирует внимание читателя на изображении героического подвига солдат-якутян на войне:

Эн *эмиэ –*
Ааспыт араллааннаах кэмнэргэр
Аһыылаах харах дириҥ уутугар
Аймана чачайбыттаах эбиккин!
[17, с. 215]

Старый Ильмень,
Ты *помнишь их –*
Огневых,
Молодых,
Живых!..
Их ночной
Боевой переход…
[11, с. 11].
Перевод В. Рябцева

С помощью лирического обращения к священному озеру Ильмень воссоздается картина страшной трагедии, усиливается патриотический мотив

произведения – основная характерная особенность публицистической лирики поэта. В поэме фигуры поэтического синтаксиса выполняют изобразительно-выразительную функцию, помимо этого, обеспечивают стройность композиции поэмы.

Таким образом, приемы поэтического синтаксиса отличаются многообразием функций и стилистическими возможностями. С.С. Васильевым на основе выразительных средств поэтического синтаксиса создаются запоминающиеся поэтические и художественные образы. Синтаксические приемы играют важную роль в раскрытии и освещении темы, способствуют созданию авторских лирических отступлений, служат стихообразующей основой поэтических произведений. При воплощении художественных образов и идейного замысла произведения существенную роль играют риторические фигуры и различные виды повторов. Параллелизмы, рефрены выступают средством выстраивания композиции текста и свидетельствуют о фольклоризме произведений поэта.

Выводы по второй главе: поэт в поисках новых эстетических форм создавал произведения синтетического характера, этимологически связанных с формальными признаками народных песен, обрядовой поэзии, героического сказания. Поэтический язык и стиль произведений С.С. Васильева насыщены поэтикой якутских народных песен и героического эпоса, но в стихотворениях и поэмах отображаются картины действительности и основные события, произошедшие в современное поэту время.

Использованные автором средства образности, стилистические приемы приобретают особое значение для передачи эстетики того времени, раскрытия авторского мировидения. Якутское устное творчество выступает основой поэтики творчества С.С. Васильева, как неисчерпаемый источник его художественных поисков.

Глава 3. Литературные олонхо для детского чтения в творческом наследии С.С. Васильева-Борогонского

3.1. Архивные фонды – основные источники изучения истории авторских текстов

Для комплексного исследования личности и творчества писателя ценным источником является архив писателя. Архив творческого человека состоит из его рукописного наследия, дневников, записных книжек, переписки, фотографий, материалов биографического характера и т. п. Рукописи и варианты текстов, беловики, черновые наброски, записи представляют ценность для целостного исследования опубликованных и неопубликованных произведений писателя или для подготовки к изданию не изданных произведений. По различным вариантам текстов восстанавливаются этапы создания художественного текста: от авторского замысла до изданного текста произведения. Такие источники, как письма, дневники, фотографии, литературные или публицистические статьи, рукописи докладов для выступлений, способствуют накоплению интересных фактов, материалов и достоверной информации для изучения и освещения истории создания текстов писателем.

3.1.1. Описание архива С.С. Васильева

Архивы якутских писателей хранится, в основном, в фондах Национального архива Республики Саха (Якутия). В этом архиве нами обнаружены документы, в которых отражается поэтическое творчество С.С. Васильева. В фонде хранится машинопись стихотворений и поэм, подготовленная для выпуска «Избранных произведений» в 1965 г., состоящая более чем из двухсот листов [207]. Также в архиве хранится документ под названием «Стенограмма заседания по вопросам обсуждения якутской поэзии (декада якутской литературы и искусства в Москве) от 13 декабря 1957 г.» [208]. В документе имеются отзывы о книге «Мои журавли» (1957) С.С. Васильева, написанные переводчиком В.А. Бугаевским и писателем

К.Г. Мурзиди. Стихотворения, вошедшие в этот сборник, были переведены на русский язык С. Липкиным, А. Лавриком, Н. Чуковским, С. Олендером, А. Мосуновым и др.

В фонде сохранился машинописный текст, подготовленный для издания первого тома сборника «Якутская советская поэзия» на русском языке от 1953 г. В этот сборник сначала планировалось включить 11 произведений С.С. Васильева, после обсуждения членами Правления Союза советских писателей Якутской АССР вошло 8 произведений поэта: «Стая журавлей», «Сверкай мой кылыс!», «Клятва», «Пой, мой хомус», «Слава» (отрывок из поэмы), «Южным друзьям», «Я подписываюсь!», «Сверкающая вода из крана» (отрывок из поэмы). Составителями данного сборника стали С.С. Васильев, Л.А. Попов, Софр. П. Данилов [209].

Одним из важных источников, в котором наиболее полно освещается творчество С.С. Васильева периода 1930-1940-х гг., можно считать машинописный текст аннотации (обзора-рецензии) произведений С.С. Васильева, подготовленный известным якутским писателем Н.М. Заболоцким-Чысхааном в 1950 г. [210]. В аннотации рецензент излагает краткие сведения о биографии поэта, подчеркивает, связь стихотворений поэта с его трудовой деятельностью. При этом он отмечает, что произведения, написанные в 1930-е гг., «были слишком «утилитарными», т.е. представляли собой рифмованные рапорты и отчеты», лишь единицы из них, как поэма «Артель Романа», стихотворение «Семь журавлей» стали достоянием якутской художественной литературы [210]. К произведениям, имеющим художественные особенности, Н.М. Заболоцкий относит стихотворения и поэмы «Клятва», «Сверкай, мой кылыс!», «Пой, мой хомус!», «написанные в духе высокой гражданской патетики» [210]. Кроме того, рецензент особое внимание уделяет эпическим образным формулам, использованным поэтом, своеобразию его стиха. Отмечает, что в начале творческого пути С.С. Васильев «писал размеренным стихом с рифмами, но начиная с 1940 г. перешел в свободный стих (белый стих), теперь у него нет ни рифмы, ни размера. Стихи складываются в стиле устного народного творчества (в основном), те же повторы, отсутствие размера, использование мифологических образов, разных клятв, благословений» [210]. Все

это рецензент относит к недостаткам произведений С.С. Васильева. Аннотация является одной из первых литературно-критических статей на поэзию С.С. Васильева, в которой представлена трудовая деятельность и раскрывается своеобразие авторского стиля писателя.

В документе «Правление Союза советских писателей Якутии. Рецензия на книги стихов якутских писателей за 1947-1963 гг.», в который включена рецензия на произведения «Кылбаһыйар кыраан уута» («Сверкающая вода из крана»), «Кыайыылаах суолунан» («Дороги Победы») С.С. Васильева. Автор рецензии не указан. Рецензент отмечает новизну тематики поэмы «Сверкающая вода из крана», т.к. в то время в истории якутской поэзии не было произведений, посвященных индустриальному развитию Якутии [211]. Кроме этого, в архиве найдены рукописи и машинописный вариант текстов подстрочных переводов стихотворений С.С. Васильева, сделанные А.Г. Лавриком, С.Т. Руфовым, Н.Н. Павловым и др.

Личный архив С.С. Васильева с 1975 г. по 2015 г. находился на личном хранении у его дочери С.С. Васильевой-Донской. В настоящее время творческое наследие поэта хранится в Научно-исследовательском центре книжных памятников Национальной библиотеки имени А.С. Пушкина Республики Саха (Якутия) [212]. Опись дел составлена в 2015 г., крайние даты принятых на хранение документов с 1931 г. по 2009 г. Общее количество документов – 180 наименований, в которых наиболее полно раскрываются жизнь и деятельность поэта. В одном наименовании дела содержится от трех до шести папок, состоящих из большого количества рукописей, черновых автографов, машинописи, копий. Также хранятся источники личного происхождения: различные записи, письма, заметки, сделанные поэтом, книжные издания. К уникальным источникам можно отнести единичные экземпляры семейных и личных фотографий поэта.

В архиве хранятся воспоминания о поэте, написанные писателями Д.К. Сивцевым-Суорун Омоллооном, Н.А. Габышевым, Н.Г. Золотаревым-Николаем Якутским, В.Т. Сивцевым, В.Г. Чиряевым, В.А. Протодьяконовым-Кулантаем, И.И. Артамоновым и др. [212, №13-24]. Некоторые из этих статей и воспоминаний были включены в сборник «Наш Сергей». Также есть газеты и

журналы Якутии с 1957 г. по 2007 г., в которых опубликованы заметки и статьи, посвященные знаменательным датам поэта С.С. Васильева, написанные якутскими писателями, литературоведами.

В архиве есть и вырезки из газет и журналов – литературно-критические статьи об отдельных произведениях поэта. Особо значительными являются, на наш взгляд, статьи Г.П. Башарина «Сергей Васильев “Улуу Ильмень” баллаадата» («Баллада “Священный Ильмень” Сергея Васильева», «Кыым», 1969, 4 июля) и И. Михайлова «Литературнай критиканы сайыннарыахха» («Нужно развивать литературную критику», «Кыым», 1950, 30 апреля).

Многие стихотворения и поэмы С.С. Васильева были переведены на русский язык и вышли отдельными книгами «Мои журавли» (1957), «Журавлиное крыло» (1984). Для подготовки указанных изданий была проведена большая работа по подстрочному переводу. Эту работу можно отследить по документам, в которых содержатся наброски, рукописные и машинописные тексты подстрочных переводов произведений, сделанные самим автором, а также писателями Л.Л. Габышевым, С.Т. Руфовым, Н.А.Габышевым, Н.Н. Павловым и др. Документы датируются 1955 и 1970 гг., объем текстов – более 200 листов.

Кроме единичных экземпляров книг сборников стихотворений и поэм С.С. Васильева, в его архиве отдельно хранятся ксерокопии книг «За дни жизни моей» (1979), романа в стихах «Младший сын», поэмы «Священный Ильмень», «Северные поэмы» (1953), «Стихи о пернатых» (1953), «Совет пернатых» (1956), «Сердце поет» (1969).

Особый интерес вызывают фотографии, на которых запечатлены моменты личной жизни, творчества и общественной деятельности поэта [212, №8, №54]. Имеется более 200 фотоснимков. Около пятидесяти семейных фотографий, снятых в 1940-1970-е гг. По снимкам мы можем узнать, что С.С. Васильев был заботливым многодетным отцом, братом, дядей. Как вспоминает его дочь С.С.Васильева-Донская, их отец был постоянно занят: работал допоздна, занимался творчеством, но при этом успевал уделять внимание семье и детям. После развода с женой А.И. Сергучевой С.С. Васильев сам воспитывал малолетних дочь и сына. Кроме

того, всегда находил время для помощи своим многочисленным родственникам. В семье Васильевых воспитывались двое племянников поэта, они жили вместе со своим дядей [71, с. 24]. Сохранились детские, юношеские фотографии дочерей Светланы Сергеевны, Анны Сергеевны, Веры Сергеевны, сыновей Анатолия Сергеевича, Сергея Сергеевича, а также внуков поэта. В отдельной папке хранятся фотографии поэта со своими родными братьями и сестрами, со второй женой А.Н. Охлопковой. Имеются несколько фотографий со Съезда писателей в Москве (1970), со съезда писателей Якутии, встреч со школьниками Соттинского и Мюрюнского наслегов Усть-Алданского района. Кроме этого, есть фотопортреты С.С. Васильева разных лет жизни.

Как известно, С.С. Васильев с 1943 г. по 1953 г. занимал должность ответственного секретаря Правления Союза писателей Якутской АССР. У него сохранились рукописные записи и некоторые копии протоколов и заседаний Союза писателей за 1939-1953 гг., тексты докладов на съездах писателей Якутии: В.М. Новикова-Кюннюк Урастырова, Д.К. Сивцева-Суорун Омоллоона, Н.А. Габышева и др. А также в папке «Речи» сохранились машинописные и написанные от руки тексты докладов и выступлений самого поэта, всего более пятидесяти листов [212, №№18, 24,34, 90].

Но самым ценным архивным материалом являются рукописи поэта. Рукопись – это ценный источник для анализа текста. Следует отметить, что при изучении истории текста или подготовки научного издания учитываются все существующие рукописи вариантов, списков, машинописные тексты изданного или неопубликованного произведения писателя. В текстологии различают рукописи, написанные самим автором, и списки, т.е. написанные другим человеком. Д.С. Лихачев отмечает, что список – переписанное произведение, написанное от руки, но не самим автором [127, с.132].

В архиве С.С. Васильева списков его произведений, переписанных другими людьми, не обнаружено. Это объясняется тем, что автор является представителем литературы нового времени. Автограф поэмы «Слава» [212, №53], по которому можно проследить, как рождался замысел этого произведения, является, по нашему

мнению, одной из ценных рукописей. Изначально поэт задумал написать поэму под названием «Сталиҥҥа сурук» («Письмо Сталину»), потом изменил на «Сталиҥҥа» («Сталину»). После замечаний рецензентов поэт внес исправления и в название, и в текст поэмы в целом. Рукопись представляет собой черновые наброски и рабочие записи автора, написанные в школьных тетрадях. В них обильны исправления: добавления строк, перенесение строф в другую часть произведения, зачеркивание написанного. Многие опубликованные стихотворения сохранились и в рукописном, и в печатном (машинописном) вариантах. Автографы поэмы «Сир уустара» («Мастера земли», 1947) и стихотворений, включенных в сборник «Олоҕум уһун ньууругар» («За дни жизни моей», 1979), повышают ценность архивных материалов.

Кроме рукописей поэтических произведений С.С. Васильева, нами просмотрены и рукописи очерков (около трехсот листов и несколько тетрадей), представляющие собой наброски и записи различного характера. Поэтом были записаны имена, данные о роде занятий, работе, наградах тех людей, о ком он планировал писать в своем очерке. Тексты очерков в дальнейшем были изданы отдельными книгами: «Восьмигранные», «Красная Танда», «Наши гвардейцы».

Поэт с конца 1930-х гг. стремился сохранять фольклорное наследие своего народа, об этом свидетельствуют собранные им материалы: тексты народных песен, алгысов-благопожеланий, тексты сюжетов якутского героического эпоса. Интересными, на наш взгляд, являются записи «Ойуун кыырыылара» («Шаманские камлания») [212, №76], исполнения которых поэт услышал от 83-летней удаган (шаманки) Усть-Алданского улуса М.Г. Лонгиновой. Она была почитаемым человеком в своем улусе. Предположительно, С.С. Васильев специально приглашал ее для исполнения обряда. По воспоминаниям дочери поэта, ее отец, когда бывал в родном наслеге, встречался с олонхосутами, слушал камлание шаманов и рассказы пожилых людей о старинных обрядах. Об этом она писала: «Вот решили вызвать шаманку, нас детей не пускали. Но я пробралась и сидела около двери. Папа сидел и следил за шаманкой. Она была вся в одежде из шкур, бегала босиком с бубном и кричала, махала, ударяла в бубен, слов я не могла

различить. Брала в рот воды, брызгала по сторонам» [71, с. 53]. Запись обряда он сделал в январе 1945 г., отметка о дате указана в тетради. В других тетрадях под названиями: «Ынахсыт тардыытын алгыһа» (“Благословение во благо притяжения скота”), «Ытык көтөҕүүтэ» (“Поднятие жертвенного скота”), «Ытык көтөҕүүтүн алгыһын салгыыта» (продолжение благословения “Поднятие жертвенного скота”) и в четырех тетрадях под названиями «Алгыс» (“Благопожелание”) находятся рукописные тексты благопожеланий, записанные С.С. Васильевым [212, №76].

Внимание привлекают записи поэта, в которых зафиксирована его целенаправленная систематическая работа по сбору сюжетов олонхо. Оказывается, его инициативу по сбору фольклорных материалов поддержали многие знакомые, в том числе олонхосуты и писатели. В архиве находится текст рукописи краткого содержания олонхо без названия, где дается описание богатыря Нюргун Боотура, оно было записано со слов известного сказителя Мегино-Кангаласского улуса И.И. Бурнашева-Тонг Суоруна [212, №80]. Эту запись сделал не сам С.С. Васильев, по почерку видно, что текст написан другим человеком. Также есть письмо народного писателя Якутии Н.Г. Золотарева-Николая Якутского, написанное им собственноручно и адресованное С.С. Васильеву. В этом письме, написанном на листе тетради, кратко излагаются сюжеты олонхо Верхневилюйского района.

3.1.2. Сравнительный анализ рукописей адаптированных текстов олонхо для детского чтения

Особую ценность архиву поэта придают рукописи олонхо. В них отражаются все этапы создания олонхо, начиная от рабочих записей и черновых набросков, черновиков и беловых рукописных автографов до машинописного текста олонхо, представленного к изданию.

По мнению исследователя С.А. Рейсера основной задачей изучения истории текста произведения является установление основного текста: «До некоторой степени к <…> положениям древней литературы приближаются те случаи новой литературы, когда текст имеет несколько редакций» [158, с. 5]. В этом отношении

следует подчеркнуть, что олонхо, адаптированные С.С. Васильевым для детского чтения, имеют по четыре переиздания, в которых наблюдаются некоторые разночтения. Для определения основных текстов следует подробное изучение рукописей олонхо С.С. Васильева.

Рукописи неопубликованных олонхо «Таатык Бэргэн», «Күнэйэ Боотур» («Кюнэйэ Боотур»), «Оҕо Тулаайах» («Дите Одинокий») хранятся в четырех делах [212, №96, 97, 117, 133]. Рукопись олонхо «Таатык Бэргэн» представляет собой отрывок текста олонхо с исправлениями – черновой вариант, который занимает 114 листов. Рукопись «Кюнэйэ Боотур» – черновой вариант, датирован 1972 годом, объем равняется 84 листам.

С помощью почеркового анализа нами уточнено: в рукописных материалах олонхо «Айыы Джурагастай», «Батастаан Баатыр» и «Менгюрююр Беге» [212, №№ 115, 116, 134, 142] сделаны авторские исправления, а в текстах машинописи внесены правки редактором. Кроме того, в документах вместе с текстами олонхо хранятся рукописные аннотации к олонхо, написанные Р.Д. Ермолаевым-Багатайским.

Рукописные и распечатанные тексты олонхо, опубликованные при жизни поэта, дают представление о его кропотливой работе над созданием олонхо для детей. С.С. Васильев в трех школьных тетрадях выписал для себя различные формульные выражения, фрагменты изобразительно-выразительных средств народной поэзии под названием «Хатааһыннар» (примерно: “Ключевые детали”), которые датированы 1939-м и 1943-м гг. Эти эпические формулы, описывающие страну олонхо, священное дерево Аал Луук мас, портреты и действия богатырей, коня, боевого оружия богатыря, девушек айыы, абаасы и других персонажей, в дальнейшем были использованы поэтом при создании собственных авторских олонхо. В других тетрадях сделаны схематические планы олонхо, записаны имена разных персонажей разных олонхо. Нами насчитано более ста имен персонажей. Также на отдельных листах С.С. Васильев записывал сюжеты для создания олонхо. Тексты сюжетов олонхо «Эриэдэл Бэргэн», «Айыы Джурагастай», «Юэлэн Хардааччы» записал со слов олонхосутов Соттинского наслега и народного

сказителя Мегино-Кангаласского района И.И. Бурнашева-Тонг Суоруна. Каждый сюжет олонхо имеет три-четыре варианта [212, №142].

При сопоставлении вариантов наблюдается: а) содержание олонхо близко друг другу, но отличаются вариантами развития сюжетов и ходы событий в олонхо; б) совпадает имя главного персонажа, различаются имена родителей, невесты, коня главного богатыря айыы и других персонажей. Тексты сюжетов олонхо написаны в повествовательной форме. Из этих вариантов поэт составляет свой сводный вариант сюжета олонхо. При этом из олонхо сказителей он выбирает имена родителей и других персонажей или придумывает новые имена [169, с. 125].

Например, олонхо «Эрчимэн Бэргэн» основан на сюжете олонхо «Эриэдэл Бэргэн», в котором поэт в процессе работы над текстом обновил не только имя главного богатыря, но и имена других персонажей. Архивные документы подтверждают, что поэт осознанно и творчески подходил к работе по воплощению литературного олонхо и их издания. По рукописным вариантам текстов олонхо, черновиков, беловой машинописи, можно изучить поэтапно историю текста: проследить процесс создания олонхо, подготовки текста для издания.

В исследованиях по изучению художественных текстов авторы считают необходимым отметить, что текст произведения не только связан с автором, но и с редакторами, издателями, переписчиками и т.д. [126; 158]. Подготовка текста к изданию трудоемкий и длительный процесс, который проходит в несколько этапов. Необходимой частью работы над текстом, планируемой к изданию, являются тексты отзыва рецензента. В 1954 г. поэтом был подготовлен и передан в издательство для публикации сборник, состоящий из трех олонхо, куда были включены тексты «Эрчимэн Бэргэн туһунан эгэлгэ сэһэн» (Сказания об Эрчимэн Бэргэне), «Юэлэн Хардааччы», «Кюн Эрили». По документам архива, книжное издательсто передало тексты олонхо С.С. Васильева для рецензии в Институт языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения СССР. В архиве хранится копия отзыва на олонхо «Сказания об Эрчимэн Бэргэне» и «Юэлэн Хардааччы», составленный научным сотрудником ИЯЛИ ЯФ СО СССР, фольклористом Г.У. Эргисом, датированный 15 января 1955 г. [212, №161].

Г.У. Эргис сделал критические замечания по поводу описания образа главного героя олонхо «Юэлэн Хардааччы», провел анализ текста олонхо С.С. Васильева в сопоставлении с одноименным олонхо сказителя Д.М. Говорова. Рецензент отмечает “неудачные выражения” в сравнениях и эпитетах, использованных в олонхо, созданном С.С. Васильевым. Резюмирует, что олонхо «Сказания об Эрчимэн Бэргэне» по форме, содержанию, идее и образам не соответствует канонам якутского героического эпоса, на основе этого делает вывод, что тексты олонхо С.С. Васильева требуют редакции, исправлений отдельных моментов в художественном плане. Замечания, сделанные Г.У. Эргисом, как мы полагаем, были учтены и в определенной степени были устранены поэтом. С этого времени поэт серьезно берется за редактирование. Отзывы научного сотрудника послужили стимулом по корректировке формы и содержания олонхо в целом.

Как нами обнаружено, С.С. Васильев многократно редактировал текст олонхо «Эрчимэн Бэргэн»: имеются варианты черновиков одного и того же текста с какими-либо изменениями. Например, в одном варианте портретная характеристика Эрчимэн Бэргэна дана в 50 строках, а в другом варианте она сокращена до 20 строк, в основном тексте описание портрета передается 35 строками. Сохранились машинописные тексты с полными или неполными текстами олонхо в трех вариантах. Первое, что он редактировал, это название олонхо. Можно предположить, что изначально это олонхо по замыслу автора специально не планировалось для детского чтения. Целью поэта было – зафиксировать фольклорный текст в письменной форме. У него было желание сохранить и передать будущему поколению тексты олонхо, основанные на эпических сказаниях олонхосутов его родного наслега. За короткое время автор успел переделать композиционную структуру олонхо.

При сопоставлении рукописи олонхо «Сказания об Эрчимэн Бэргэне» и издания «Эрчимэн Бэргэн» (1955) обнаруживаются разночтения: в опубликованном тексте дополнены вступительная и заключительная части, представляющие собой описание разговора детей со старцем-сказителем олонхо. В начале произведения дети просят старца рассказать им олонхо (во вступительной

части). В конце произведения старец-сказитель завершает повествование о героических подвигах Эрчимэн Бэргэна, и довольные дети уходят играть. Следовательно, композиция произведения меняется и представляет собой “эпическое сказание внутри поэмы”. В первоначальной рукописи олонхо (до рецензии Г.У. Эргиса) во вступительной части дается подробное описание о существовании Среднего мира:

Аҕыс балык аҥаабыллаах,	*С опорами из восьми рыб,*
Тоҕус балык тулааһыннаах,	*С подпорками из девяти рыб,*
Эргичийэр иэччэхтээх,	*С вертящейся петлей,*
Халарыктыыр хараҕалаах,	*С крутящимися засовами,*
Үктээтэр өҕүллүбэт,	*Если наступить, то не гнется,*
Баттаатар маталдьыйбат,	*Если надавить, то не выпячивается,*
Орто туруу бараан ийэ дойду диэн	*Страна Среднего мира*
Оҥоһуллан олоҕурбута эбитэ үһү.	*Устроилась говорят*
[212, №132]	*(перевод наш – С.В.)*

В одном из вариантов рукописей, написанном после рецензии Г.У. Эргиса, вступительная часть оформляется иначе: «*Былыргы дьыл мындаатын / Быдан нөҥүө өттүгэр, / Аныгы үйэ арҕаһын / Адьас анараа сиксигэр...»* [212, №132] *(на пике давно ушедшего времени / на холке нынешнего века).* А в тексте издания вступление выглядит таким образом: *«Самаан сайын / Сандааран турдаҕына /.../ Оҕолор сырсан кэлэннэр: / Олоҥхолоо! Диэн олуйдулар, / Ыллаа! – диэн ынньаҕаластылар...»* [3, с. 4] *(однажды, сияющим благодатным летом… / Прибежали дети к старцу / попросили его сказывать им олонхо, / запеть).* Затем идет текст самого олонхо, где уже представлено описание Среднего мира.

В рукописи олонхо «Сказания об Эрчимэн Бэргэне» подготовленного для сборника “Благодатная почва”, повествуется о событии, когда мать Араат Мохсогола поручает трем тунгусским охотникам привести силой Эрчимэн Бэргэна. Описывается, как тунгусские охотники смогли похитить коня Эрчимэн Бэргэна, и он преследует их, следы охотников приводят его в жилище Араат Мохсогола. Изображение события, близкое к описанным действиям, находим и в основном содержании олонхо «Эриэдэл Бэргэн», «Икки хара күлүк аттаах Эр киһи Эриэдэл Бэргэн» («Эриэдэл Бэргэн Молодец с вороным конем»), записанных со слов

сказителей М.И. Васильева, П.А. Охлопкова, Н.Я. Татаринова. После редактирования поэта в изданном тексте олонхо (1955) такого эпизода в сюжете не обнаружено.

За счет сокращения портретной характеристики образов тунгусских братьев-охотников и описания их действий объем олонхо сокращается на более чем 100 строк. Некоторые строки в других местах текста олонхо также сокращены, например, в данном отрывке из рукописи восемь строк заменены тремя: «*Онуоха ат сылгы / Ыраастан / Ыраска ыстанан, / Очуртан очурга ойон, / Байхал уута / Байааттар гына / Өрүс уута / Үллэр гына...»* [212, №132] *(тогда конь ускакал далеко, перескакивая с бугра на бугор, так, что вздымаются морские волны, что воды реки поднимаются),* а в тексте издания 1955 г.: «*Онуоха ат сылгы / Очуртан охсунан ойдо, / Тэхтиртэн тэбинэн көттө»* [3, с. 26] *(Тогда конь с бугра перепрыгнул, с кочек отталкиваясь, вскочил).*

В другом примере из рукописи: «*Онуоха биһиги киһибит / Омуннаахтык / Үһүүтаан ылаттаата, / Хатаннык / Хаһыытаан ылаттаата»* [212, №132] *(Тогда наш человек порывисто вздыхал, звонко вскрикивал).* В основном тексте: *«Онуоха биһиги киһибит / Омуннаахтык өһүргэннэ, / Улаханнык уордайда»* [3, с. 13] *(Тогда наш человек бурно оскорбился, грозно рассердился).*

Кроме этого, поэт заменяет слова-архаизмы более понятными для читателя словами: *«суо **дархан**» (почтенный) – «суо **айан**» (дальний путь);* другими близкими по смыслу словами: *«күүтэ **сылдьаллар** эбит» (ждут) – «күүтэ **сатыыллар** эбит» (стараются дождаться)*, *«**томтойо** үллэн таҕыста» (приподнимаясь раздулся) - «**сарайа** үллэн таҕыста» (распухая раздулся),* или заменяет другими словами, которые меняют смысл предложения*: «сирэйбин **саатырта**» (лицо мое пристыдил) – «сирэйбин **саататта**» (лицо мое утешил)* и т. д.

Замен такого плана сделано достаточно много. Нами зафиксировано около двадцати примеров. В ходе сопоставления беловой машинописи и опубликованного текста обнаружены замены букв в одном и том же слове, например: в машинописи *«**Һ**уу-һаа»* – в издании *«**С**уу-һаа»* (междометия),

«тулааһын ***ма*****ҕаналарын» – «тулааһын** ***ба*****ҕаналарын» (столбовые подпорки), «таҥалайын ч****ы****ҥырҕатта» – «таҥалайын ч****а****ҥырҕатта»* (клекотать) и т. д.

Можно предположить, что эти исправления, скорее всего, редакторского характера, поскольку перед изданием редактор имеет право делать правки в соответствии с нормами якутского литературного языка. Других существенных изменений в плане содержания и сюжетной линии, кроме вышеперечисленных изменений, нами не обнаружено.

Таким образом, сопоставительный анализ текстов рукописи до рецензии, рукописных черновиков с исправлениями, белового машинописного варианта и текста издания олонхо выявил изменения, внесенные в сюжетную линию олонхо: автор убрал образы трех тунгусских охотников. Г.У. Эргис подчеркивает, что образы охотников неуместны в тексте олонхо, они несколько “модернизируют содержание олонхо” [212, №161]. Изменена композиционная структура, как было уже указано, за счет включения вступительной и заключительной частей в олонхо. С.С. Васильев многое сделал, чтобы устранить замечания рецензента, фольклориста Г.У. Эргиса.

Нами сопоставлены издания 1955 г. и 1971 г. При сопоставлении обнаружены некоторые несоответствия в тексте олонхо «Эрчимэн Бэргэн». Сборник «Үс бухатыыр» («Три богатыря», 1971), в который включены олонхо «Эрчимэн Бэргэн» (1955), «Үөлэн Хардааччы» (1957) и «Күн Эрили» (1960), является прижизненным изданием. Можно было бы предположить, что сборник олонхо является переизданием данных текстов.

В тексте олонхо «Эрчимэн Бэргэн» 1971 г. издания пропущены в отдельных фрагментах две-три строки, отдельные слова, которые были в тексте издания 1955 г., а также сокращены и заменены буквы в словах и т. п. Таких разночтений в текстах изданий 1955 г. и 1971 г. найдено более двадцати. Например, *<u>в первом издании:</u> Бүтэйдии күүтэ* ***сатыыллар*** *эбит* [3, с. 7]*, <u>во втором:</u> Бүтэйдии күүтэ сылдьаллар эбит* [13, с.9], далее соответственно*: Сардаҥалаах сирэйбин* ***саататта*** [3, с. 15] – *Сардаҥалаах сирэйбин* ***саатырта*** [13, с. 17], *«Э****дь****игэн кулут»* [3, с.17] – *«Э****лдь****игэн кулут»* [13, с. 19], *Эрчимэн Бэргэн* ***кэнниттэн /***

Эккирэтээри гынан баран [3, с. 23], *Эрчимэн Бэргэн / Эккирэтээри гынан баран* [13, с. 26] *«Күҥҥэ булбут»* [3, с. 35] – *«Күнүҥ буолбут»* [13, с. 38].

В тексте олонхо издания 1971 г. пропущены строки, которые присутствуют в издании 1955 г., вследствие чего обедняется художественное содержание олонхо. На основе проведенных нами наблюдений, приходим к выводу, что основным текстом олонхо «Эрчимэн Бэргэн» является текст, опубликованный в 1955 г.

В рукописи олонхо «Юэлэн Хардааччы», как отметил Г.У. Эргис, действительно, часто употребляются заимствованные из русского языка слова. В основном тексте поэт заменяет некоторые заимствования, например, в таком плане: «*Уруккуттан даҕаны эн / Ордук тылгынан* ***бырыыскайдаан****»* (отрывок из рукописи). В издании 1957 г.: «У*руккуттан даҕаны эн / Ордук тылгынан /* ***Чугас урууларгын*** / ***Чугаһаспат гыммытыҥ****»* [4, с. 25].

В рукописи есть такие выражения: *чыыстай буолак (богатырское чистое поле), былаҕыстыбыанньа (благословение),* которые автором были изъяты из текста. Некоторые заимствования в рукописи, например, такие слова: *«догубуор» (договор), «быраат» (брат), «куруубай» (грубый), «буорах» (порох), «аккаастаммаппын» (не отказываюсь), «эппиэччитинэн» (ответчиком), «боруобалаан» (пробуя), «дууһаҕын» (душу)* [212, №156], автором сохранены. Можно предположить, что заимствованные из русского языка слова, использованные поэтом, полностью передают смысл фрагмента текста олонхо.

В рукописи дается описание дерева Аал Кудук, в котором используется выражение: *«Сүүс салаалаах, ... аҕыс уон силистээх» (со ста ветвями, с восьмьюдесятью корнями).* Как отмечает Г.У. Эргис в рецензии, в народных олонхо воспеваются восемь ветвей дерева Аал Луук Мас, а не сто. Поэт не согласился с этим замечанием, поэтому сохранил свое описание дерева, но в текст вводит дополнение: *«Сүүс салаалаах, ...* ***аҕыс уон аҕыс*** *силистээх» (со ста ветвями, с восьмьюдесятью восьмью корнями)* [212, №156].

При редактировании текста автором были сокращены описания эпической страны, внешности и действий персонажей. Таких примеров выявлено более тридцати. Кроме того, есть исправления в виде замены слова другим, более

понятным для читателя, словом, например: в рукописи *«Куруубайдыыр буоллаххына / Хоолдьуккун сөрүөм...»* [212, №156] *(если нагрубишь, то шею скручу)* слово *«сөрүөм» (скрутить)* в издании 1957 г. изменено на *«тоһутуом» (сломать).*

Автор для раскрытия образа девушки айыы Кыыс Нэлэмэнтэй подчеркивает ее фантастическую способность перевоплощаться в птицу ексекю и жаворонка. В описании жаворонка поэт использует сравнение "***күөс саҕа*** *күөрэгэй чыычаах"* [212] *(эпитет на основе сравнения – подчеркивает величину жаворонка)*. Это неудачное сравнение, как считает Г.У.Эргис, было изменено на более красочное *«**көмүс тумустаах** күөрэгэй чыычаах»* [4, с. 55] *(эпитет основан на уточнение – с золотым клювом жаворонок)*.

При сравнении текстов олонхо издания 1957 г. и издания 1971 г. обнаружены несовпадения в виде пропусков букв в словах: *«Эдьэҥ **и**йиэхсит»* [4, с. 5] вместо «*Эдьэҥ **иэ**йиэхсит»* [13, с. 50]. А изменения такого плана, например, как: «*Кээ**тт**э буолаарай диэн»* [4, с. 32] *на «Кээ**лт**э буолаарай диэн»* [13, с. 70], считается исправлением согласно правилам и нормам литературного языка. В издании 1957 г. имя главного персонажа олонхо *Үөлэн Хардааччы* пишется как *Үөлэ**ҥ** Хардааччы,* в рукописи поэт написал в двух вариантах: в основном, "*Үөлэн"*, но в некоторых случаях пишет "*Үөлэ**ҥ**".* В работе Н.В. Емельянова «Сюжеты якутских олонхо» упоминается определение имени богатыря, и исследователь пишет – *Юелэ**н** (Үөлэ**н**)* Хардааччы [88, с.369].

Представленные разночтения относятся к вариациям, сохраняющим признаки устной формы бытования олонхо.

Таким образом, незначительные изменения в текстах изданий не искажают форму и содержание олонхо. В отличие от текста олонхо «Эрчимэн Бэргэн», в тексте олонхо «Юэлэн Хардааччы» нет пропущенных строк или слов. Поэтом проведена полная, тщательная выверка текстов. Следовательно, основным текстом эпического произведения С.С. Васильева «Юэлэн Хардааччы» можно считать текст издания 1971 г.

Для изучения истории текста олонхо «Кюн Эрили» в архиве найдены одна рукопись с небольшими исправлениями и один экземпляр белового

машинописного текста [212, №157-158]. Эти тексты мы сравнили с изданием 1960 г. В результате сопоставления обнаружен ряд изменений. Во-первых, в издании имя персонажа абаасы *Тимир Кыпчыырдаан*, в машинописном варианте – *“Тимир Чыпчыырдаан”.* В рукописи поэта имя этого персонажа упоминается в двух указанных вариантах.

В описании Среднего мира автором использованы традиционные эпические формулы и в рукописи, и в машинописи. Изображение священного дерева Аал Кудук в рукописи намного объемнее и занимает пятьдесят строк, в издании описание дается всего в одиннадцати строках.

В тексте рукописи все предложения заканчиваются *«эбитэ үһү» (*модальное словосочетание: *оказывается, мол* – утверждение об услышанном давно*),* в издании – *«эбит»,* например: *«Аал Кудук мас / Айгыстан үүммүтэ* ***эбитэ үһү****»* [212, №158] в издании: *«Аал Кудук мас / Айгыстан үүммүт* ***эбит****»* [5, с. 5]. Автор заменил несколько слов в тексте олонхо, например: *«****Ийиэхситтээх*** *киэҥ суолугар»* [212, №158] на *«****Илбиргэстээх*** *киэҥ суолугар »*[5, с. 8].

В описании внешности и действий героев в рукописи и в машинописном тексте отдельные строки, сокращены в тексте издания: *«Модьу моһуоннаах, / Быһый быһыылаах» (крепкий стан у него, быстроногий), «Аҕыс уон буутта*ах / *Ала Дьаадара мээчиктээх» (С пестрым мячом в восьмидесяти пудов), «Тобуга сэҥийэтин охсуолаата, / Тилэҕэ кэтэҕин кырбаата / Алаас сирдэри» (коленями ударяет свой подбородок, пятками ударяет свой затылок)* и др. [212, №158].

Кроме этого, наблюдается несовпадение знаков препинаний, например, вместо тире, проставленного автором в машинописи, в издании стоит двоеточие. Предположительно, был еще один вариант беловика, подготовленный для издания, поскольку нами обнаружены несовпадения более существенного характера в тексте рукописи, машинописи и издания.

В ходе сопоставления текстов изданий олонхо «Кюн Эрили» 1960 г. и 1971 г. выявлено всего три несоответствия: *«Күөнэ* ***К****өгөччөр аттаах»* [5, с. 6] *(с сивым конем) «Күөнэ* ***көҕ****өччөр аттаах»* [13, с. 110], *«Сүнньүн то****кк****уйда»* [5, с. 57] *(впадину затылка сдвинул), «Сүнньүн тол****к****уйда»* [13, с. 159], *«Күө****к****эҥнии-*

***д**уоҕаҥныы турда»* [5, с. 81] *(стоит плавно выгибаясь, склоняясь), «Күөгэҥнии-**н**уоҕаҥныы турда»* [13, с. 182]. Поскольку в текстах изданий имеются незначительные изменения, можем принять за основной текст олонхо «Кюн Эрили» – текст издания 1971 г. В тексте данного издания также устранены ошибки, которые не соответствуют правилам правописания.

Необходимо отметить, что в текстах олонхо изданий 1955, 1957, 1960 гг. и книги «Три богатыря» (1971), кроме выявленных нами разночтений и исправлений, наблюдаются несовпадения в знаках препинания. Считаем, что знаки препинания были исправлены издателями, т.е. корректорами и редакторами. Авторские знаки препинания, по нашему мнению, не искажают содержания текста в целом.

Таким образом, материалы (черновики, беловые варианты, наброски, записи) текстов олонхо и других произведений свидетельствуют о том, что С.С. Васильев бережно относился к своим рукописям, в которых запечатлен творческий процесс создания художественного произведения. Сохранность рукописей позволила выявить основные тексты прижизненных изданий, что имеет большое значение для изучения истории текста произведения в целом. В процессе анализа рукописных текстов мы ознакомились с текстами неопубликованных олонхо, которые представляют большой интерес для дальнейших исследований.

Материалы архива поэта являются неоценимыми источниками для исследования его отдельных поэтических и публицистических произведений. Архив отличается полнотой информативных материалов и разнообразием источников, что позволяет исследовать тексты С.С. Васильева в различных научных аспектах.

3.2. Художественные особенности олонхо для детей: вопросы классификации

3.2.1. Литературные олонхо в творчестве якутских писателей

Неразрывную связь и взаимодействие фольклора и литературы подтверждают исследования на основе материалов героического эпоса. Олонхо –

бесценное богатство якутского народа, которое признано шедевром духовной культуры мира. Это эпический жанр якутского фольклора сложной синтетической формы о подвигах богатырей. По определению Г.У. Эргиса, «это не только жанровое понятие, но и отдельные произведения, достигающие шести - десяти тысяч строк, доходящие и до двадцати и более тысяч стихотворных строк» [202, с.186]. Олонхо обычно называется по имени главного героя-богатыря: «Эр Соҕотох», «Нюргун Боотур Стремительный», «Эрбэхтэй Бэргэн». Богатое разнообразием сюжетов, художественных образов, фантазией олонхо привлекает внимание каждого слушателя или читателя.

Как выясняет И.В. Пухов, якутский героический эпос имеет южное происхождение: «возникло и сложилось как эпическое произведение в глубокой древности, когда предки якутов жили на южной родине в соседстве с другими тюрко-монгольскими народами» [155, с. 218]. Е.М. Мелетинский якутское олонхо относит к архаическим эпосам; при сопоставлении якутского эпического сказания с эпосами других тюркских народов Сибири, выявляет общие, сходные линии в сюжетах, образах и обрисовке мотивов: чудесного рождения главного героя, героического сватовства, борьбы героев с чудовищами и т.д. [132]. В.М. Жирмунским исследованы эпические поэмы и сказания европейских, славянских, среднеазиатских, тюркских народов. При этом героический эпос якутов оценивается как богатырская сказка, поскольку, по мнению исследователя, в фантастическом сюжете олонхо имеются сказочные мотивы [96, с. 271].

С середины XIX века зарождается интерес к жанровым формам якутского устного народного творчества, в том числе жанра олонхо. Лингвист О.Н. Бетлингк записал текст основного содержания олонхо «Эр Соготох» на немецком языке со слов А.Я. Уваровского и включил в свою работу «О языке якутов» (1851). В конце 1860-х гг. И.А. Худяков сделал записи образцов устной поэзии якутов, которые опубликовал в своей работе «Краткое описание Верхоянского округа». В дореволюционное время первые рукописи текстов олонхо были опубликованы в трудах Э.К. Пекарского, С.В. Ястремского. В сборнике «Образцы народной литературы якутов» Э.К. Пекарского включены тексты девяти олонхо. В книге

«Образцы народной литературы якутов» С.В. Ястремского содержатся записи пяти олонхо. Как считают исследователи И.В. Пухов и Н.Н. Тобуроков, в данную серию включено литературное произведение М.Н. Ионовой-Андросовой (1864-1944) «Күл-күл бөҕө оҕонньор Силлирикээн эмээхсин икки» («Кюл-кюл Беге и старуха Силлирикэн»), написанное в стиле олонхо [157, с.129]. Содержание поэмы основывается на реальных событиях и описаниях уклада жизни того времени, где сказывается о роли и месте женщины в обществе [103, с. 59].

В 1962 г. была издана работа эпосоведа И.В. Пухова «Якутский героический эпос олонхо. Основные образы». Исследователь пишет об особенностях поэтики, характеризует главного героя, богатырей айыы и абаасы, образы женщин олонхо. В 1973 г. издана книга «Живой родник» Г.М. Васильева [65], в 1974 г. «Очерки по якутскому фольклору» Г.У. Эргиса [202], в которых исследованы идейно-эстетическое содержание олонхо и художественные особенности эпических героев.

В фундаментальных работах Н.В. Емельянова: «Сюжеты якутских олонхо» (1980), «Сюжеты ранних типов якутских олонхо» (1983), «Сюжеты олонхо о родоначальниках племени» (1990), «Сюжеты олонхо о защитниках племени» (2000) были исследованы и классифицированы сюжеты якутского героического эпоса, выявлены принципы сюжетосложения. В работе Д.Т. Бурцева «Якутский эпос олонхо как жанр» (1998) рассматриваются особенности жанра и содержание якутского героического эпоса. Он систематизирует олонхо по описанию сюжета на сказания с героическим и героизированным содержанием [60].

Особенности эпических формул и типических мест олонхо были исследованы в трудах В.В. Илларионова: «Искусство якутских олонхосутов» (1982), «Эпическое наследие народа саха» (2016). Автор выявляет основные черты сказительского и исполнительского искусства. Кроме того, исследователь в статье «Олонхосуты-писатели и их олонхо» (2000) оценивает олонхо, созданные писателями П.А. Ойунским, С.С. Яковлевым-Эрилик Эристиином, В.М. Новиковым-Кюннюк Урастыровым, и С.С. Васильевым-Борогонским как отдельные авторские произведения, созданные писателями. Эпосовед считает, что писатели-олонхосуты, это та категория писателей, которые воспитаны в среде

сказителей-олонхосутов, хорошо знающие тексты олонхо, а также сами могут исполнять олонхо. К ним относит писателей П.А. Ойунского, С.С. Яковлева-Эрилик Эристиина, В.М. Новикова-Кюннюк Урастырова, М.Ф. Догордурова и С.С. Васильева [98, с.160].

В статье Н.В. Покатиловой «Трансформация эпического жанра в письменной традиции: к постановке проблемы "литературного" олонхо» анализируются тексты литературных олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», «Тойон Дьагарыма» и ставится задача исследования «имплицитной поэтики», связанной «с механизмом функционирования устного текста, как формы трансляции» [149, с. 113].

В работе А.В. Кудиярова «Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири» (2002) исследованы «стилевые характерности эпического повествования», особенности «воплощения художественной темы, идей, мысли в героических эпосах народов Сибири, в том числе якутского народного сказания [111, с. 5]. В монографии А.П. Решетниковой «Фонд сюжетных мотивов и музыка в олонхо в этнографическом аспекте» (2005) рассмотрены сюжетные мотивы в динамике, что автором определяется как эпическая обрядность, отражающая схему биографии богатыря [159]. Т.В. Илларионовой проведен сравнительный анализ разновременных записей олонхо «Могучий Эр Соготох» со слов сказителя В.О. Каратаева и исследованы особенности типических мест на примере данного олонхо, которые изложены в монографии «Текстология олонхо «Могучий Эр Соготох» (2008) [102]. В работах В.Т. Петрова рассмотрены проблемы роли устного народного творчества в становлении якутской литературы, связи фольклорной традиции эпического повествования и литературных жанров [142; 143].

В 1906 г. в Якутске было осуществлено первое сценическое представление олонхо. В этот период якутские писатели начали работу по собиранию фольклорных материалов: записывать тексты олонхо, сказок, народных песен и других жанровых форм якутского устного народного творчества. Такую деятельность вел основоположник якутской художественной литературы А.Е. Кулаковский. В его «Научных трудах» были включены материалы по

этнографии и фольклору: статьи о народных поверьях, гадании, обрядах, легенды о Манчаары, шаманах и т.д. [114]. Систематическая работа по сбору материалов фольклора носителями языка и культуры саха осуществлялась под руководством П.А. Ойунского.

В работе «Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание» П.А. Ойунский отмечает, что олонхо является уникальным источником изучения быта, обычаев, нравов и верований якутов, его своеобразной истории [137]. Он стремился утвердить генетическую связь письменной литературы с эпическим произведением. «Знаток и почитатель фольклора П.А. Ойунский был пленен многообразием сюжетов олонхо, легенд и преданий, снова и снова обращается к ним, переосмысливает, ищет формы и структуры зарождающейся литературной традиции…» [81, с. 6].

Поэт впервые в истории якутской литературы на основе фольклорного материала поэтически обработал и издал вариант олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур» («Нюргун Боотур Стремительный»). Это первое литературное авторское олонхо. Вслед за ним, создали литературные олонхо Эрилик Эристиин, Кюннюк Урастыров, С.С. Васильев.

П.А. Ойунский, имея опыт импровизации, приступил к созданию олонхо **«Нюргун Боотур Стремительный».** Автор композиционно разбил текст своего олонхо на отдельные песни, написал стихотворными строками. В этом заключается новаторство поэта. В своем произведении вводит лирические отступления в форме авторских пояснений происходящих событий и «вступлений» в песнь, предваряющих ее содержание. Анализ стиховой организации олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» проведен стиховедами Н.Н. Тобуроковым и Е.А. Архиповой. Ими подчеркивается, что ритмику олонхо создают равносложные и равнословные строки, состоящие из двух-трехсложных слов [185, с. 144], а ритмика речитатива описательного характера создается, в основном, из двусложных слов [40, с. 43].

В советское время писатели С.С. Яковлев-Эрилик Эристиин, В.М. Новиков-Кюннюк Урастыров создавали авторские олонхо. Если олонхо «Буура Дохсун»

Эрилик Эристиина и «Богатырь Тойон Дьагарыма» Кюннюк Урастырова посвящены взрослому читателю, то произведения С.С. Васильева созданы для детей.

Произведение **«Буура Дохсун»** было создано в 1938-40-х гг. и выпущено отдельной книгой в 1993 г. под редакцией профессора Н.Н. Тобурокова и И.Е. Федосеева [30]. Текст олонхо **«Айыы Дьөһүөл»** Эрилик Эристиина, записанный В.В. Саввиным в 1939 г. со слов автора, был опубликован в 2015 г., научным редактором является Н.Н. Тобуроков [31].

Основное содержание олонхо Эрилик Эристиина «Буура Дохсун» заимствовано из одноименного олонхо И.П. Кононова-Ырыа Ылдьаа и основано на сюжете о защитниках племени айыы аймага [100]. Особенности развития сюжетных линий и повествования событий в олонхо рассмотрены в статье «О сюжете олонхо «Буура Дохсун» Г.Г. Филиппова [190]. Сюжетно-композиционная структура не имеет отличий от композиции народных сказаний. События разворачиваются вокруг главного героя Буура Дохсуна. Как отмечает Н.Н. Тобуроков, олонхо состоит из девятнадцати тысяч стихотворных строк. Стих олонхо составляют семи-восьмисложные строки. Поэт использует начальную и внутристочную аллитерацию, а также создает тавтологические и фономорфологические рифмы [203, с. 18]. В.В. Илларионов подчеркивает, что в олонхо «Буура Дохсун» присутствуют социальные мотивы, которые были актуальны в современном автору времени [100]. Автор сокращает объемы эпических формул, для описания образов основных персонажей создает новые сравнения, эпитеты [101, с.19]. Таким образом, Эрилик Эристиин перенял опыт у сказителей, создал литературное олонхо, основанное на сюжете народного сказания.

Писатель-олонхосут В.М. Новиков-Кюннюк Урастыров учился народному слову у известного сказителя-олонхосута Т.В.Захарова-Чээбий [26, с. 3]. В 1935 г. начал творческую работу по созданию олонхо **«Нуоҕалдьын Кугас аттаах Тойон Дьаҕарыма бухатыыр»** (Могучий Дьагарыма, 1941), на основе содержания и сюжета олонхо народного сказителя Т.В. Захарова-Чээбий [26, с. 4]. Как

подчеркивает А.А. Бурцев, сюжетика и характерология авторского олонхо соответствуют классическим вариантам якутского героического эпоса [58, с. 79]. Е.А. Архипова отмечает, что произведение состоит приблизительно из шестнадцати тысяч поэтических строк. Стих олонхо имеет ритмическую организацию, благодаря использованию поэтом горизонтальной, межстиховой аллитерации и конечных рифм [37, с. 20].

С.С. Васильев в 1950-1960-е гг. активно работает над созданием олонхо для чтения детей. Были изданы три олонхо для детского чтения: «Эрчимэн Бэргэн» (1955) под редакцией В.М. Новикова-Кюннюк Урастырова, «Юэлэн Хардааччы» (1957) под редакцией Л.А. Попова, «Кюн Эрили» (1960) под редакцией А.Г. Кудрина-Абагинского. Затем эти олонхо были включены в книгу «Три богатыря», вышедшую в 1971 г. под редакцией М.С. Иванова. В 1984 г. была издана книга олонхо «Айыы Джурагастай» (составитель С.С. Васильева-Донская), в 1995 г. было опубликовано олонхо «Батастаан Баатыр» под редакцией народного поэта Якутии Р.Д. Ермолаева-Багатайского, в 2003 г. было напечатано олонхо «Менгюрююр Беге» (составитель М.В. Мигалкина). Первые четыре олонхо были переизданы в 2007 и 2009 гг.

Литературные олонхо С.С. Васильева, адаптированные им для детского чтения, по сравнению с текстами традиционных эпических сказаний, имеют небольшой объем, но в них полно и емко раскрывается содержание, основанное на сюжетах народных сказаний, и излагается для читателей школьного возраста в доступной стихотворной форме.

Основная функция детской литературы – дидактическая, главная цель детских произведений – приобщить ребенка к моральным и нравственным ценностям человечества. Исследователь детской литературы И.Н. Арзамасцева отмечает: «Произведения, созданные для детей должны отличаться напряженным, динамичным сюжетом, большим количеством интересных событий, постоянными сменами мест, волнующими приключениями, таинственностью и необычностью. Им трудно держать в поле зрения сразу две или три сюжетные линии, поэтому им

предпочтительны однолинейные сюжеты с непрерывным повествованием» [35, с.73].

С.С. Васильев осознанно упрощает сюжетные линии олонхо. Для того, чтобы юный читатель в достаточной степени легко и доступно воспринимал содержание произведения, описание событий, действий героев приводятся в хронологической последовательности. Олонхо имеет четко организованную структуру. В тексте всех олонхо перед монологами героев перечисляются имена персонажей, например, *«Уол» (юноша), «Дьоннор» (люди), «Ийэ-аҕа» (мать с отцом), «Эрчимэн Бэргэн», «Араат Мохсогол», «Элийэ Боотур», «Тимир Липпирдээн», «Өксөкү» (ексекю), «Симэхсин эмээхсин» (Старуха Симэхсин), «Кыталык» (Стерх)* и т.д. Прием структурирования используется для того, чтобы дети точно представляли себе каждого героя произведения, читая их речи-монологи. Также по мотивам олонхо можно ставить театрализованные представления или исполнять олонхо. Детские театрализованные постановки, в свою очередь, развивают творческий талант, дают наглядное представление не только о героях олонхо, но и о культуре, обычаях, ценностях народа в целом.

Объемные описания, эпические формулы, обильно используемые в народном эпосе, сокращаются, изображения пейзажа, портретов героев, их действий подаются динамично, готовя читателя к тому, как будет развиваться действие в определенной части произведения. В эпических произведениях С.С.Васильева нет отдельных вставных эпизодов, присущих народным сказаниям.

Двигателями сюжета в произведении для детей являются действия героев. Герои олонхо олицетворяют доброе и злое начала. Характерология персонажей олонхо С.С. Васильева, как и героев народного эпоса, статична. В олонхо действует небольшое количество персонажей, обычно: два богатыря айыы, богатырь-охотник, прекрасная девушка айыы, родители главного героя – положительные персонажи, и два-три богатыря абаасы – отрицательные персонажи. Автор знакомит детей с героями олонхо, олицетворяющими доброе и злое начала. Образ главного героя – светлых богатырей Эрчимэн Бэргэна, Юэлэн Хардааччы, Кюн Эрили, Батастаан Баатыра и других – учит детей быть смелыми, честными,

волевыми. Образами абаасы изображаются отрицательные качества людей. Поэт четко обрисовывает индивидуальные черты персонажей. Образы противоборствующих богатырей создаются и через краткое описание их внешних данных и поведения. С.С. Васильев при описании внешности героев и эпизодов их противостояния ограничивается десятью-двадцатью строками. По сравнению: в литературном олонхо Кюннюк Урастырова описание внешности, жилья главного героя Дьагарыма Могучего занимает более двухсот строк.

Часто дети выбирают нравственные идеалы под воздействием образов литературных героев. Великодушие, взаимопомощь – одни из ведущих нравственных черт национального характера, которые ярко представлены в поступках героев айыы в олонхо.

С.С. Васильев для передачи достоверности изображаемого вводит реально существующие даты или промежутка времени, понятные юному читателю, например, *«биир **нэдиэлэ** сэттэ хонугун мэлдьи охсустулар»* [3, с. 36] *(они боролись в течение одной недели, семи дней и ночей подряд).*

Дети получают эстетическое удовольствие от прочитанного. Поэтому особое значение имеет именно язык художественного произведения, который должен быть не только выразителен и богат, но и доступен; предложения грамматически правильными, а также написанным литературным языком, без диалектных слов и наслоения архаизмов. Он должен способствовать обогащению словарного запаса ребенка, но не должен быть «загруженным». Красочный, выразительный, образный язык олонхо пробуждает интерес детей к фольклору, способствует формированию их духовного и эмоционального мира. Пословицы, поговорки и алгысы, включенные автором в произведение, являются доступным источником для формирования представлений об окружающем мире.

Поэт избегает сложных стилистических приемов, но для пробуждения воображения детей, он использует различные изобразительно-выразительные средства, такие как сравнение, метафора, олицетворение.

Таким образом, в 1930-1960-е гг. были созданы литературные олонхо писателями-олонхосутами, импровизаторами. Продолжаются традиции устного

народного творчества, что особенно четко проявляется в использовании сюжетов, образной системы, изобразительно-выразительных средств олонхо.

В отличие от устных народных сказаний, литературно обработанное олонхо имеет конкретного автора, фиксированный текст в письменной форме. Структура олонхо, воссозданных писателями, организована и написана стихотворными строками. Основное своеобразие литературных олонхо заключается в использовании поэтами авторских отступлений, где высказываются мысли или суждения автора, не связанные с сюжетным повествованием олонхо.

3.2.2. Классификация авторских олонхо С.С. Васильева

Для исследования адаптированные тексты олонхо для детского чтения, созданные С.С. Васильевым, можно классифицировать следующим образом:

– неопубликованные олонхо, хранящиеся в архивном фонде поэта;

– олонхо, опубликованные после смерти поэта;

– олонхо в прижизненных изданиях.

1. В архиве поэта хранятся рукописные тексты отрывков из олонхо **«Таатык Бэргэн», «Хаадыат Бэргэн», «Ого Тулаайах» («Дите Одинокий»)** и других, которые нигде еще не публиковались. Тексты олонхо сохранены в рукописном варианте, это незавершенные произведения. В документах сохранились списки одних и тех же вариантов. Некоторые списки написаны карандашом, и отдельные места рукописей нечеткие. Также из-за большого количества авторских исправлений некоторые слова и строки можем отнести к конъектурам (трудно читаемым местам текстов).

2. После смерти С.С. Васильева его рукописи переданы дочери поэта С.С. Васильевой-Донской: «Когда отец умер, все его литературное наследие, т.е. книги, бумаги, черновые, рукописи перешли ко мне, как старшей и более-менее понимающей в литературе» [71, с. 21]. Она вместе с поэтом Р.Д. Багатайским подготовила к изданию три олонхо: «Айыы Джурагастай», «Батастаан Баатыр», «Менгюрююр Беге», вышедшие отдельными книгами. Данные олонхо относятся к

олонхо, опубликованным после смерти С.С. Васильева. Важно отметить, что народный поэт Якутии Р.Д. Багатайский многое сделал для того, чтобы эти олонхо вышли в свет. Он кропотливо работал над рукописными текстами [212]. По нашим наблюдениям, тексты олонхо “перешли” в машинопись после смерти поэта, перед подготовкой к изданию. Редактор бережно относился к правке текста, стремился сохранить стиль автора, его манеру изложения.

В архиве сохранились варианты машинописи текста олонхо **“Айыы Джурагастай”**, подготовленные к изданию [212, №7, №11]. При анализе почерка установлено, редакторские правки сделаны Р.Д. Багатайским. Первоначальный машинописный текст состоит из более чем четырех тысяч стихотворных строк, и по замыслу автора текст не предназначался для чтения детьми школьного возраста. После рецензирования олонхо фольклористом А.Е. Захаровой редактор решает сложную задачу – сократить объем олонхо, сделать правки и по композиции произведения. А.Е. Захарова отмечает, что олонхо «Айыы Джурагастай» по объему не подходит для детей, чтобы его издать для чтения детей школьного возраста, нужна тщательная редакция текста. [212, №6]. Исправления касались и сюжетной линии. Первоначальная рукопись отличается обилием повторов, детальных однотипных сравнений и эпитетов при описании страны олонхо, внешних данных и монологов героев, а также борьбы двух богатырей. Редактор сокращает повторы, синтаксические параллелизмы. Имена персонажей остаются неизменными. В издании 1984 г. текст олонхо имеет 2924 строки. Всего в олонхо действуют 29 персонажей, главным героем является богатырь Среднего мира Айыы Джурагастай, младший брат богатыря Балтараа Баатыра. Айыы Джурагастай представлен как богатырь-охотник, но в процессе динамического развития сюжета олонхо он становится богатырем-защитником жителей Среднего мира от абаасы. Во вступительной части ведется повесть о стране Среднего мира (42 строки). Далее идет описание алааса, где живут Атыйахаан старик и Имиллэхээн старуха с тремя безымянными детьми: *«Отут саастарыгар / Чугаһыахтарыгар диэри / Аата суох сылдьыбыттар»* [16, с. 7] *(«До исполнения тридцати лет они ходили без имени»).* Имена им дает шаман Улуу Дархан. Как только шаман нарекает их именами: Айыы

Джурагастай, Балтараа Баатыр и Сыдьаайдаан Куо (Сыджаайдаан Куо) – начинается борьба братьев против абаасы и богатырей нижнего мира.

Стремительно развивается сюжетная линия олонхо. По содержанию сюжет состоит из следующих частей: 1. Наречение именами богатырей айыы. 2. Призыв богатыря айыы Күрүө Дьаҕылтая (Кюрюэ Джагылтай) богатырей к себе на помощь. 3. Борьба против абаасы Верхнего мира Улуу Чупчуурдаана, Тимир Тиҥсирики (Тингсирики Железный) и шестиногого коня Ала Моҕоя (Могой Пегий). Свадьба Балтараа Баатыра и Кыыс Ньургустай (Девушка Ньургустай). 4. Борьба с абаасы Нижнего мира Өһөх Харбыыром (Есех Харбыыр). 5. Спасение от абаасы Улуу Чупчуурдаана сестры богатырей Сыджаайдаан Куо. Свадьба Кюрюэ Джагылтая и Сыджаайдаан Куо. 6. Состязание главного богатыря с противниками Улуу Чупчуурдааном и Есех Харбыыром. 7. Похищение Күөгэлдьин Куо (Кюэгэлджин Куо), суженой невесты Айыы Джурагастая. 8. Победа Айыы Джурагастая над Алып Хара абаасы (Алып Черный абаасы), похитившим его невесту. 9. Спасение Кюэгэлджин Куо. Свадьба главного героя.

Олонхо «Айыы Джурагастай» отличается от других литературных олонхо С.С. Васильева особой фантастичностью действий персонажей. Чтобы в кратчайший срок преодолеть дальний путь и все препятствия, богатырь айыы Кюрюэ Джагылтай превращается в мифическую птицу ексекю, а его сестра Девушка Ньургустай – в золотой перстень. Шестиногий конь богатыря абаасы во время борьбы против Айыы Джурагастая вдруг становится рябым волком. Айыы Джурагастай, когда едет спасать сестру, в пути превращается в железную рыбу-ерша: *«Бэйэтэ үҥкүрүс-күөлэһис гынан, / Тимир дьуос балык буолан хаалла»* [16, с. 50], в белого горностая: *«Үп-үрүҥ бэйэлээх / Тыһы кырынаас буолан»* [16, с. 51], потом превращается в шмеля: *«Тойон ыҥырыа буолан / Лоҥкунуу ыллаан түстэ»* [16, с. 52], также в золотое кольцо: *«Биһиги киһибит / ... / Көмүс биһилэх буолла»* [16, с. 53] и в ястреба: *«Моонньугар мойбордоох, / Кутуругар хоболоох, / Аалай мохсоҕол буолан»* [16, с. 42].

Рукопись и машинопись олонхо **«Батастаан Баатыр»** сохранились в архиве в папке с надписью: ***«Балластаан Баатыр»*** [212, №4]. При подготовке к изданию

произведения Р. Багатайский переименовал данное олонхо в «Батастаан Баатыр». Слово *балластаан* в словарях не зафиксировано, предположительно, *балластаан* восходит к слову *баллаҕар,* т.е. грузный, крупный. В работе Н.В. Емельянова указано, что богатырь с таким именем существует в текстах народных олонхо. Он отмечает, что персонаж с таким именем представляет собой образ мастера-плотника или кузнеца [88, с.343]. Компонент *Батастаан (богатырь с оружием, с мечом)*, по нашему мнению, более созвучен со словом *Баатыр* и подходит для наречения богатыря. Имя Батастаан Баатыр символизирует силу и мощь главного богатыря.

На машинописных листах сделана пометка: *«Р. Баҕатаайыскай кылгатан оҥоруута» (сокращения сделаны Р. Багатайским)*. Им же составлена аннотация олонхо на русском языке, которая так же сохранилась в архиве [212, №4]. В аннотации сообщается о героях олонхо и описывается сюжет произведения. При сопоставлении рукописи автора и машинописного варианта позднего времени, зафиксировано значительное сокращение текста, при этом сохранена сюжетная линия и не изменены образы и действия персонажей. Редактор, в основном, сократил повторяющиеся детальные описания сражения богатырей.

Так как олонхо предназначено для детей младшего и среднего возраста, произведение имеет небольшой объем и состоит из 1175 стихов. В нем раскрываются образы 18-ти персонажей. Главный герой Батастаан Баатыр рожден от матери Таймарыын баай хотун и отца Кулантай баай тойон, которые посланы в Средний мир из Верхнего мира для заселения и продолжения рода айыы аймага. Этот мотив, по нашему мнению, может считаться авторским, т.к. в народных сказаниях традиционным является то, что Юрюнг Аар Тойон посылает в Средний мир богатыря-защитника одного или с его сестрой. Это олонхо можно отнести к героическим эпосам о богатырях, защитниках айыы аймага и заселении Среднего мира. Олонхо начинается с просьбы о помощи богатыря айыы Маҥан Хабдьылаана (Белый Хабджылаан). С этого момента Батастаан Баатыр совершает свои героические подвиги: сражается с абаасы Верхнего мира Ыс Бүгүстэем (Юс Бюгюстэй), затем с богатырем Нижнего мира Алыпом Мэҥилэстэем (Коварный

Мэнгилэстэй), похитившим его невесту, прекрасную Ньургустай Куо. Богатырь защищает обиженных и освобождает захваченных в плен соплеменников. В этом и заключается основная идея произведения. Батастаан Баатыр дважды освобождает тунгусского богатыря Арджамаан-Джарджамаана от злого врага айыы аймага. В начале олонхо тунгусский богатырь хотел спасти Ньургустай Куо от абаасы, но не смог. Батастаан Баатыр помог ему выбраться из железных оков Коварного Мэнгилэстэя. Арджамаан-Джарджамаан с Батастааном объединяются в борьбе против богатыря абаасы и побеждают. Но далее, оказывается, тунгусский богатырь желает жениться на прекрасной девушке, невесте главного богатыря, что становится причиной раздора между богатырями. Они сражаются бесперебойно в течение тридцати дней. Юрюнг Айыы Тойон оповещает Арджамаана, что Ньургустай Куо – будущая жена Батастаана. Тунгусский богатырь уходит с миром. Потом попадает в западню духа эпического моря (Уот Кудулу далай), на помощь ему снова приходит Батастаан Баатыр и спасает его.

Персонажи олонхо «Батастаан Баатыр» наделены автором необыкновенными способностями, сходными с фантастическими качествами героев олонхо «Айыы Джурагастай», поскольку упоминаются превращения героев в *«түү мээчик» (пуховый мяч), «кыһыл көмүс бэһилэх» (золотое кольцо или перстень), «туллук» (пуночка), «үс быластаах тимир үтүмэх» (железная жердь в три сажени), «аалай мохсоҕол» («алый ястреб»)* и т.д. В этом и заключаются сказочные и мифологические мотивы олонхо поэта.

При сопоставлении рукописного варианта и машинописи в тексте олонхо **«Менгюрююр Беге»** существенных различий не выявлено. В рукописи С.С. Васильева название олонхо – *«Үс кырыылаах Мөҥүрүүр Бөҕө»* [212, №134] *(Менгюрююр Беге, имеющий три грани),* а при издании – *«Мөҥүрүүр Бөҕө» («Менгюрююр Беге»).* Редактором, в основном, исправлены отдельные слова и знаки препинания.

В олонхо описывается образ отважного богатыря *“Үрүҥ күҥҥэ күлүмүрдүүр, Үс кырыылаах Мөҥүрүүр Бөҕө” (Блестящий в подсолнечном мире, имеющий три грани Менгюрююр Беге).* Богатырь отличается вспыльчивостью, суровостью

характера, имеет непомерную физическую силу, которую он раскрывает в борьбе с противниками. По мнению Е.С. Сидорова, традиционная для олонхо «основа имени *Бөҕө* употребляется для обозначения особого статуса богатыря» [171, с.22]. Компонент имени *Мөҥүрүүр* редко встречается в устных сказаниях. Слово *мөҥүрүүр* обозначает примерно: *грозно реветь*. Богатырь данного олонхо перед боевыми схватками перевоплощается в быка: *«Сири үстэ охсоот - <…> Тимир күөх дьүһүннээх, киил бэйэлээх, үөрбэ чаҕаан муостаах, өрүөстээх сирэйдээх, үстээх саастаах, үрдүк дуул моойдоох өҕүрүмэр атыыр оҕус буолан хаалла»* [20, с. 28] *(Землю три раза ударил -<...> превратился в трехлетнего быка стального-синего цвета, имеющего крепкое сложение, с острыми рогами, с белой полоской на морде, с высоким крепким хребтом).* Таким образом, главный богатырь одолевает своих соперников, волшебством превращаясь в быка. В народных сказаниях противники племени айыы аймага перед боем обычно оборачиваются громадными рябыми волками. Для преодоления широкого пространства и богатыри айыы, и абаасы могут превращаться в священных птицу-зверя ексекю, аалай мохсогол и др., а для преодоления Огненного моря (Уот кудулу байҕал) богатырь превращается в железную рыбу или в кита, в чем проявляется мифологичность олонхо.

Объем олонхо – 2194 стихов. Во вступлении воспевается величественная картина Среднего мира, где живет племя айыы аймага, детально описывается жилье богатыря Менгюрююр Беге. В отличие от других олонхо поэта, в данном олонхо не упоминаются родители богатыря. В ходе повествования встречаются другие персонажи, как светлый богатырь Элийэ Боотур, его сестра Туллуктаан Куо, богатыри абаасы Муус Бурҕаат (Ледяной Бургаат), Тимир Липпирдээн (Железный Липпирдээн), Тимир Чыыбыстай (Железный Чыыбыстай), Хаан Бэлэстэй, девушка абаасы Дьэс Тэлээрбэ (Джэс Тэлээрбэ), сестра Железного Липпирдээна, мифологические персонажи дух-хозяйка земли Аан Алахчын Куо, удаган Айыы Умсуур и др.

Еще одной отличительной чертой можно назвать, что в олонхо подробно описаны внешний вид и физические данные злого богатыря Нижнего мира

Железного Липпирдээна (на 89-и строках). Но в других своих олонхо поэт предпочитает описывать внешние данные главного героя.

Сюжет развертывается однолинейно: главный защитник Среднего мира борется со злыми богатырями за устройство мира на земле своего племени, счастливой жизни и продолжения рода. Емко и понятно повествуется о трех сражениях главного богатыря против врагов айыы аймага и о трех его победах. Ему на помощь приходят удаган Айыы Умсуур, Элийэ Боотур. В заключительной части олонхо звучит мотив продолжения рода. Повествуется о том, как Менгюрюор Беге установил справедливость, и Туллуктаан Куо родила ребенка – наступила, наконец, счастливая пора в Среднем мире.

Олонхо написано понятным и доступным для детей языком. Автор избегает архаизмов, в тексте встречаются такие заимствованные слова, как: *«аарыма тиитинэн араамалаан»* [20, с. 9] *(громадной лиственницей обрамляя), «буойуннуу хатарыллан»* [20, с. 20] *(закаляясь как воин), “бириппэ быhах биитин курдук”* [20, с. 40] *(словно лезвие бритвы, ножа).* Стихи состоят из двусложных или трехсложных слов. Основным ритмоорганизующим элементом стиха олонхо являются строфическая и внутристиховая аллитерации.

Таким образом, в тексты олонхо «Айыы Джурагастай», «Батастаан Баатыр», «Менгюрюор Беге» внесены изменения и сокращения, не противоречащие воле автора. При редактировании текстов олонхо не искажены ни замысел автора, ни сюжетная линия олонхо.

3. К опубликованным текстам олонхо при жизни поэта относится произведение **«Эрчимэн Бэргэн»**, изданная в 1955 г. и 1971 г. В текстах имеются незначительные изменения, и это позволяет выбрать из них основной текст. В результате сравнительного анализа текста олонхо с рукописью и изданий 1955 г. и 1971 г. основным текстом можем считать прижизненное издание 1955 г. В одной из рукописей имя персонажа олонхо женщины айыы Хаадьылаан Куо (Хааджылаан Куо), а во всех изданиях – Хаачылаан Куо. Издание 1971 г., прижизненное, в тексте выявлены пропуски слов, строк, которые по нашему мнению, являются ошибками редакционной коллегии и самого автора. Ошибки могут быть допущены из-за

невнимательного прочтения текста [127, с. 69]. В издании 1971 г. допущены небольшие изменения в виде пропусков слов, строк, а также имеются различия в знаках препинания.

Текст эпического произведения поэта **«Юэлэн Хардааччы»** 1957 г., по нашему мнению, является основным, переиздан в 1971 г. Рукописи олонхо, датированные 1946 г. на 73-х листах, тексты черновых вариантов сюжетных набросков, а также машинописные тексты трех вариантов сюжетов, записанные со слов народных сказителей, позволяют предположить длительность и напряженность творческой работы поэта над данным произведением. Первый вариант записан во время исполнения олонхо П.А. Охлопковым-Наара Суох *(НС)*, Т.И. Васильевым-Олонхосутом Тиэхээном *(ОТ)*, М.И. Васильевым *(МИВ)* [212, №141]. Второй вариант основан на олонхо сказителей Н.Я. Татаринова *(НЯТ)*, У.С. Васильева *(УСВ)*, Т.К. Неустроева *(ТКН)* [212, №141]. Третий вариант сюжета олонхо пересказан олонхсутом И.И. Бурнашевым-Тонг Суоруном *(ТС)* [212, №141]. Из этих вариантов поэт создавал авторский сводный текст в прозаической форме. В текстах имена родителей главного богатыря заимствованы из олонхо *ТС*, имя девушки айыы, невесты Юэлэн Хардааччы – из второго варианта. Сюжет олонхо С.С. Васильева имеет сходные линии с олонхо *НС, ОТ, МИВ*. Фольклорист В.В. Илларионов отмечает, что С.С. Васильев очень уважал Т.И. Васильева-Олонхосута Тиэхээна и после его смерти переработал олонхо «Юэлэн Хардааччы» сказителя, чтобы «олонхо сказителя не осиротело» [99, с.128].

Данное произведение по сюжету относится к олонхо о родоначальниках ураангхай саха. Вступительная часть олонхо традиционна, в ней детально описывается страна Среднего мира. В текстах олонхо за этим описанием следует рассказ о главном герое. Повествуется о том, что в самом центре Среднего мира живет богатырь-защитник племени айыы. А в олонхо С.С. Васильева на первый план выходят богатырь Тиит Дьиэһинкэй (Тиит Джиэсинкэй), его родители Доргуйа Баай господин и Ньиргийэ Баай госпожа. В тексте олонхо *ТС* вместо героя Тиит Джиэсинкэй действует герой с именем Бэриэт Бэргэн, богатырь с функциями Джиэсинкэя. Тиит Джиэсинкэй является богатырем айыы, желает жениться на

дочери Сабагаллай Баай старика и Сабыйа Баай старухи, на прекрасной девушке айыы Кыыс Нэлэмэнтэй (Девушка Нэлэмэнтэй). Повествуется, что когда-то соплеменники – родители Тиит Джиэсинкэй по причине того, что мальчик Юэлэн Хардааччы очень беспокойный, много и громко плачет, сослали его родителей на край Среднего мира. Родители главного богатыря по этой причине не связывались с ними, в этом эпизоде чувствуется социальный мотив олонхо. Сюжетное движение олонхо связано с обращением Тиит Джиэсинкэя к Юэлэну Хардааччы за помощью – поехать с ним за невестой Девушкой Нэлэмэнтэй. Имя героини взято из второго варианта, т.е. из олонхо *НЯТ, УСВ, ТКН*.

Девушка Нэлэмэнтэй изображается как девушка-богатырка, которая в разных ситуациях превращается то в жаворонка, то в алого ястреба. Девушка Нэлэмэнтэй – активный персонаж, о ней повествуется с начала до конца олонхо, она – помощница главного героя. Когда Тиит Джиэсинкэй приехал свататься к ее родителям, встречается с абаасы Верхнего мира Сүг Дьаассыном (Сюнг Джаассын). К ним присоединяется главный богатырь Юэлэн Хардаааччы, и начинается борьба против Сюнг Джаассына. Основной персонаж появляется в завязке олонхо, что не традиционно для народного эпоса. Так, в текстах сюжетов олонхо *ТС* и других сказителей главный герой появляется во вступительной части. Главный богатырь характеризуется автором как сильный, смелый и ответственный за своих старых родителей герой. Он накануне походов для защиты обиженных и поисков своей невесты оставляет родителям много дичи на запас и просит соплеменников, чтоб не оставляли их в беде. Его противниками выступают богатыри абаасы Уот Мэнилэстэй (Огненный Мэнгилэстэй) и Таас Туймаарын (Каменный Туймаарын). Суженой невестой богатыря является прекрасная Үүт Мөлбөстүүр (Ют Мелбестюор), которая до замужества готовит ему испытания, чтобы удостовериться в его силе и могуществе. Она выходит за него замуж, и в очередном походе Юэлэн Хардааччы ожидает рождения ребенка. Кульминация олонхо – борьба Юэлэн Хардааччы с Каменным Туймаарыном. Защитник айыы аймага призывает на помощь своих соплеменников. Прилетает его сын Бэриэт Бэргэн, перевоплотившись в птицу ексекю. Он убивает Туймаарына, но его отец

Юэлэн Хардааччы уже лежит без жизненных сил, как и родители, и богатырь Тиит Джиэсинкэй. Бэриэт Бэргэн исцеляет их живой водой, которую приносит Кыталык кыыс (Стерх-девушка). Все герои перевоплощаются в алых ястребов и тойон кыыл (орлов) и улетают в свою страну. Олонхо завершается празднованием ысыаха айыы аймага, торжественной клятвой Юэлэн Хардааччы.

Данное произведение С.С. Васильева имеет ряд особенностей: кроме изображения эпического мира олонхо в тексте нет специально отведенного места для описания жилья и быта главного героя. У него нет богатырского коня и боевого оружия. Он изображается как величественный богатырь с высоким ростом и не похожим на обычных богатырей айыы: *«Айыы диэҕи, / Айыыттан алыс улахан курдук, / Абааһы диэҕи / Абааһыттан адьас атын курдук, / Оҕус тириитэ этэрбэстээх, / Тайах тириитэ ыстааннаах, / Муостуун-кутуруктуун / Отут оҕус тириитэ сонноох, Баараҕай таһаалаах / Модьу моһуоннаах»* [4, с. 35] *(сказать айыы, слишком высокий для айыы, считать абаасы ли, на абаасы, вроде, не похож, с торбасами из бычьей шкуры, со штанами из шкуры лося, с рогами-с хвостом, с дохой, сшитой из тридцати шкур быка, с громадным, крепким станом).* Богатырь изображен, “имеющим явные зооморфные черты, т.е. как полуптица-полузверь” [80, с. 23]. Основа имени *Хардааччы,* по мнению Е.С. Сидорова, означает лихой или заносчивый [171, с. 21]. В словаре якутского языка слово *хардааччы* указано, как устарелое название ястреба. Он имеет лыжи и посох: *«Хандылы тыы түгэҕин саҕа хайыһардаах, / Үөл тиит быһаҕаһын саҕа торуоскалаах»* [4, с. 12] *(с лыжами, подобными лодке, с посохом, подобным молодой лиственнице)*, но в олонхо не упоминается, что он передвигается на лыжах*: «Ойон тахсан, / Оҕус тириитэ сонун кэтэн, / Сүүрэр диэхтэн сүүрэртэн атыннык, / Көтөр диэхтэн көтөртөн атыннык, / Тус хоту диэки түһэ турда»* [4, с. 35] *(Выскочив, надев доху из бычьей шкуры, бежит, но бежит иначе, летит, но летит иначе, устремился в сторону севера).* Следовательно, образ главного героя данного олонхо изображается как птица ястреб.

В архиве поэта сохранились записи набросков сюжета, имен героев олонхо, черновая рукопись и машинописный текст олонхо **«Кюн Эрили»** [212, №157,

№158]. Черновой вариант текста написан на 108 листах, в нем имеются исправления автора. Машинописный вариант олонхо (1959) совпадает с опубликованным текстом. Текст опубликованного олонхо состоит из 3655 стихотворных строк, что по сравнению с другими олонхо поэта считается объемным. Текст изобилует эпическими формулами и типическими местами. Подробно описываются страна эпического мира, священное дерево Аал кудук, а также портреты, жилища и героические подвиги богатыря, характеры других персонажей, их действия и поступки.

Известно, кроме олонхо «Кюн Эрили» С.С. Васильева в якутском фольклоре имеются олонхо сказителей Н.И. Степанова-Ноорой (1897-1975), Н.М. Тарасова (1928-2002) с одноименными названиями. Эти сказания по объему превосходят олонхо поэта. Текст эпического сказания Н.И. Степанова-Ноорой опубликован в 1995 г. по записи фольклориста П.Н. Дмитриева. Текст данного олонхо состоит из более чем 7000 стихотворных строк. Как отмечает С.С. Васильева-Донская, поэт был лично знаком со сказителем Н.И. Степановым-Ноорой и с его эпическим сказанием [71, с. 89]. В своей статье А.Ф. Корякина пишет: «существуют непохожие друг на друга варианты олонхо с одним названием» при существующих в логической последовательности традиционных мотивах [109, с. 37]. В этом отношении олонхо С.С. Васильева является авторским, со специфическим содержанием.

В произведении поэта раскрывается образ единственного богатыря айыы. Герой олонхо С.С. Васильева имеет гордый, независимый характер, при любых обстоятельствах он полагается только на свою силу и ловкость. Внешность богатыря описывается подробно: *«Тойон тиит курдук / туруору уҥуохтаах, / Баараҕай тиит курдук / Байах көрүҥнээх, / Үрүт күүстээхтиҥи, / бүлгүгүр сарыннаах, / алын күүстээхтиҥи / Айгыгыр быһыылаах. / Бысталаабыт тиит курдук быччыҥнаах, / Хастаабыт тиит курдук харылаах, / Суллаабыт тиит курдук сотолоох»* [5, с. 44] *(Имеет прямой рост, словно главная лиственница, имеет рослый вид, словно могучая лиственница, имеет силу в плечах, имеет силу в ногах, имеет мышцы, словно изрезанные куски лиственницы, имеет сильные руки*

и ноги, словно вычищенные лиственницы). Подчеркивается красота богатыря, его щеки, виски уподобляются солнцу: «*Киирэн эрэр күн килбиэнин курдук иэдэстээх, / Тахсан эрэр күн сардаҥатын курдук чабырҕайдаах, / Алтан уулҺа аалбытын курдук нарын уостаах, / Көмүс уулҺа көрбүтүн курдук көнө тиистээх, / Күүстээх көрүҥнээх, көнө уҥуохтаах киһи эбит»* [5, с. 7] *(Щеки, словно сияние заходящего солнца, виски, словно лучи восходящего солнца, имеет нежные губы, будто медник усердно смастерил, имеет ровные зубы, будто работал золотых дел мастер, человек, с сильным мощным видом, высоким ростом).*

По сюжету произведение относится к олонхо о защитниках племени айыы аймага. Повествование условно можно разделить на части: вступление, где описывается эпическая страна Среднего мира – Аан Чалларыма Эбэ хотун алаас. Вторая часть: отправление богатыря в дальний поход, третья – поединок Кюн Эрили с Улуу Моҕойдооном (Страшный Могойдоон), четвертая – борьба против Ала Дыбыны (Пегий Дыбына) и пятая часть: счастливый финал, женитьба главного богатыря.

В тексте рукописи *алаас* называется *Аан Чалҕарыма Эбэ хотун*. В олонхо повествуется, что Кюн Эрили ненарочно опекает новорожденного ребенка Улуу Могойдоона сына абаасы Страшного Суоруна. Повзрослев, сын абаасы начинает разрушать Аал Кудук дерево и похищает живую воду. Так завязывается конфликт в олонхо. В традиционных сказаниях не описывается такое событие, послужившее причиной конфликта. В основной части описываются героические подвиги героя олонхо: борьба с абаасы Тимир Кыпчырдааном (Железный Кыпчыырдаан), Страшным Могойдооном и Пегим Дыбыной. В заключительной части повествуется о женитьбе главного богатыря с Туллуктуур Куо и их возвращении на родину. Они оживляют живой водой Аал Кудук дерево.

Художественная обработка олонхо для детей направлена на усиление фантастического сюжета и содержания, динамики различных приключений богатырей, обогащение образов мифологических героев. С.С. Васильев доступно и художественно излагает детям содержание, приближенное к классическому, идею и сюжет народного эпоса.

Для создания литературных олонхо потребовалось время и знание фольклорных текстов. Следует отметить, что поэт С.С. Васильев, начиная с конца 1930-х гг. серьезно занимался сбором и подготовкой материалов для создания произведений. О его увлечении свидетельствуют объемные записи различных сюжетов, мотивов олонхо.

3.3. Структурный анализ литературного олонхо «Эрчимэн Бэргэн»

В современном литературоведении изучение поэтики художественного произведения в аспектах выявления его эстетических, жанровых, сюжетно-композиционных особенностей остается одним из актуальных проблем. В фундаментальной работе Б.В. Томашевского проблемы “конструкции художественных произведений” рассматриваются под категорией “поэтика” [186, с. 25]. Наряду с этим, в теоретических работах анализ художественного текста понимается в значении как изучение “поэтики произведения” [154, с. 182].

В работе Ю.В. Манн отмечается, что категория “поэтика” в узком понимании – это изучение проблем поэтической речи и стиля, а в более широком – осмысление «не только речевых, но и других структурных моментов художественного текста» [130, с. 7]. Исследователь, сосредоточив внимание на проблему «обычных аспектов поэтики», осуществляет анализ произведений Н.В. Гоголя в соотношении «объединения и координации целого» [130, с. 8].

В настоящее время в якутском эпосоведении проводятся исследования по осмыслению проблем поэтики, жанровых и художественных особенностей героического эпоса народа саха. Данные проблемы рассматриваются в работах Т.В. Илларионовой, А.Н. Даниловой, Ю.П. Борисова, С.С. Макарова и др. Проблемам специфики образности, стиховой организации, эстетики литературных олонхо писателей П.А. Ойунского, Эрилик Эристиина, Кюннюк Урастырова посвящены работы В.В. Илларионова, С.Д. Мухоплевой, Н.Н. Тобурокова, Е.М. Поликарповой, Е.А. Архиповой и др. Структурный анализ олонхо сказителя И.Г. Тимофеева-Теплоухова «Строптивый Кулун Куллустуур» был осуществлен

А.П. Решетниковой. В этом отношении, особый интерес вызывает анализ текста олонхо, адаптированного С.С. Васильевым для чтения детей.

Структурный анализ олонхо для детского чтения «Эрчимэн Бэргэн», представляется в параметрах классификации системы персонажей, своеобразия сюжетно-композиционной организации. По ходу анализа раскрываются вопросы поэтики: изобразительно-выразительных средств, особенностей стиха, что дает возможность для четкого выявления отдельных аспектов мастерства поэта С.С. Васильева.

3.3.1. Система образов

«В образах олонхо народная поэзия раскрывается равным абсолютному представлению мира и жизни общества в художественных систематизациях сюжетов и мотивов. В этом плане устная форма бытования их содержания приравнивается показателю живой динамики этих представлений на основе национальной эстетики как части всеобщей культуры человечества» [168, с. 24]. Образы персонажей якутского эпоса многочисленны и разнообразны. И.В. Пухов в монографии «Якутский героический эпос олонхо. Основные образы» (1962) исследовал образы олонхо и систематизировал их. Он уделил особое внимание главному герою олонхо, охарактеризовал образы богатырей айыы, женщин, абаасы, встречающихся в различных текстах народного сказания.

По принципам классификации И.В. Пухова и определения жанровых признаков олонхо в «Очерках по якутскому фольклору» Г.У. Эргиса, в произведении «Эрчимэн Бэргэн» С.С. Васильева представлены образы главного героя, айыы богатырей, врагов племени айыы – абаасы, женские образы, эпизодические персонажи (по нашим подсчетам, их 15).

Основные функции в развитии сюжета наряду с главным героем выполняют образы богатырей айыы – Араат Мохсогол и Кыыда Тугуттай.

Главный персонаж – Эрчимэн Бэргэн, «испрошенный престарелыми родителями» [159, с. 111], Эриэн Тойон Оҕонньор (старик Эриэн Тойон) и Эбириэлдьин Хотун эмээхсин (старуха Эбириэлджин Хотун). Как принято в

устном народном эпосе, он растет не по годам, а по дням: *«биир хоноот - биирдэнэн, икки хоноот - иккилэнэн, үс хоноот – үстэнэн үөскүлэҥник үүммүт, омуннаахтык улааппыт»* [3, с. 127] *("Уже однодневный - / Он стал годовалым, / На третий - / Перечить себе /Не давал он. / И трудно им было / Поверить глазам: Их сын вырастал / Не по дням, - по часам" – перевод Л. Коноплянко)* [18, с. 114]. В этом отрывке автор использует прием гиперболизации олонхо. «Чудесный рост» эпического героя – универсальный сюжетный мотив героического эпоса [159, с. 124]. Следует отметить, что только в данном олонхо С.С. Васильева повествуется о рождении богатыря, посланного в защиту айыы аймага. В других олонхо поэта главными становятся богатыри, уже обосновавшиеся в Среднем мире и ведающие о своем предназначении.

В олонхо «Эрчимэн Бэргэн» повествуется о внезапном исчезновении мальчика. Родители ищут его по всем «четырем сторонам света», но не могут найти. Это было не случайное исчезновение. Оказывается, Юрюнг Аар тойон послал «известного ключника солнца и луны Күкүрдүүр Бөҕө (Кюкюрдюр Беге)» за мальчиком, чтобы провести обряд посвящения в богатыри, ибо его предназначение, как и классического героя Нюргун Боотура Стремительного, – защищать племя айыы от злого врага – абаасы. Юрюнг Аар тойон дает имя богатырю: Икки күлүктээх Эмньик кулун аттаах Эрчимэн Бэргэн (Эрчимэн Бэргэн с резвым конем Эмньик). Богатырь, вернувшись к своим родителям, исполняет тойук об этой истории: *«…Күн-ый күлүүһүнньүгүнэн аатырбыт / Күкүрдүүр бухатыыр кэлэн, ыҥыран илдьэн, өлбөт мэҥэ уутугар үс түүннээх күн сөтүөлэтэн, тостубат уҥуохтаата. Бухатыыр киһи таҥнар таҥаһын, аналлаах атын аҕалан биэрдэ»* [3, с. 9] *("Беге Кюркюдюра / Ком не опустил, / <…> / Позвал он меня / И повел за собой / На юг, на вершину / Горы золотой / Во влаге живительной, / Словно гагару, / Три дня и три ночи / Купал он меня / В кузнечном горниле / Хара Дуодара / Подряд закалял / До девятого дня, / Чтоб были, как сталь, / Мое тело и кость, / Чтоб раны меня / Не свели на погост. / Затем снарядил, / Дал доспехи, коня…")* [18, с. 118-119].

В произведении дается подробное описание и внешности богатыря: *«Куртуйах нуоҕайын курдук / Куударалаах бэскилээх, / Эрэдэһиннээх үүн тиэрбэһин курдук / Эрилкэй харахтаах, / Хара саһыл кутуругун / Харсыһыннара уурбут курдук / Халыҥ хаастардаах <...> / Таба кыыл акымалын силиитинэн / Нарылаан оҥорбут курдук / чараас уостаах эбит»* [3, с. 8] *(имеет кудрявую челку, словно хохолок тетерева, имеет яркие круглые глаза, подобные кольцу крученых удил, имеет густые брови, словно хвост чернобурой лисы, имеет тонкие губы, словно изделие из костного мозга предплечья оленя) (здесь и далее перевод наш – С.В.).* Детальный портрет главного героя олонхо создается различными эпитетами, сравнениями, в котором суть героического духа богатыря, его мужественности, смелости. Упорство, настойчивость в достижении целей, воля к победе являются проявлением сильного характера героя. Идеализация главного богатыря в олонхо, создание образа всепобеждающего воина направлены на достижение общенародных целей – на обоснование человеческого племени на земле и его защиту от врагов [155].

Образ Эрчимэн Бэргэна прорисован четко: его рождение, чудесное взросление, перевоплощение в защитника-богатыря, защитника Среднего мира. Он, безусловно, наделен качествами, сходными со свойствами характера героев народного эпоса. Характер, сила воли, стремление к победе и думы богатыря полностью раскрываются в поединках с богатырями абаасы: *«Онуоха биһиги киһибит / Омуннаахтык өһүргэннэ, / Улаханнык уордайда / Ураһатын күлүк өттүн / Көҥү көтөн, / Тулааһын маҕаналарын / Тоҕута анньан / Таһырдьа ыстанан таҕыста»* [3, с. 13] *(Наш человек опрометчиво оскорбился, рассердился до того, что разбил темную сторону своей урасы, толкнул столбы подпорки, выскочил во двор), «Биһиги киһибит / Өһүргэммитин / Өһүлбэт киһи эбит, Атаҕастаммытын / Аһарбат киһи эбит»* [3, с. 13] *(Наш человек, не отступается, не забывает обиду), «Эрчимэн Бэргэн, Эккирэтээри гынан баран, / «Онуоха-маныаха дылы / Кэтэнэн көрүөххэ» диэн, / Уоҕун уҕарытта, / Абатын аралдьытта»* [3, с. 23] *(Эрчимэн Бэргэн, задумал пуститься в погоню за ним, но надумал ждать и наблюдать до поры, до времени).*

В народных сказаниях спутником героя выступает богатырский конь – боевой друг и помощник. На нем богатырь преодолевает большие расстояния, препятствия и преграды на пути: переплывает огненные моря, океаны, пересекает тайгу, высокие горы. Конь предостерегает своего хозяина от опасности, дает мудрые советы. Внешний вид и масть коня, его скорость, седло, узда, поводья обрисовываются детально. При этом во многих олонхо конь наделен разумом, умеет говорить.

Конь богатыря Эрчимэн Бэргэна имеет редкое наречение – «Икки күлүктээх Эмньик кулун ат» (резвый конь Эмньик). В олонхо нет описания внешнего вида коня, но в сюжетах, где описывается борьба богатыря, конь Эрчимэн Бэргэна всегда находится рядом с ним, поддерживает хозяина. Когда богатырь собирается в путь на битву с Уот Урбалдьыном (Огненный Урбалджын), более детально описываются перемещение, скорость, ловкость коня:

Онуоха ат сылгы	*На это конь*
Очуртан охсунан ойдо,	*Спрыгнул от бугорка*
Тэхтиртэн тэбинэн көттө.	*Взлетел от кочки*
Эмэх мастары	*Пнул отбивая,*
Эмтэритэ тэбэн кээспитэ	*Гнилые деревья*
Эмэн эмээхситтэр курдук	*Остались причитать*
Энэлиһэ хааллылар;	*Словно дряхлые старухи,*
Хара сыгынахтары	*Пнул разрывая*
Хайыта тэбэн кээпситэ –	*Черные буреломы –*
Хардаҥ эһэлэр курдук	*Остались кричать*
Хаһыытаһа хааллылар;	*Будто медведи,*
Сыгынах мастары	*Пнул растягивая*
Сыыйыта тэбэн кээспитэ –	*Корни деревьев*
Сырҕан эһэлэр курдук	*Остались со стоном*
Сыналыһа хааллылар,	*Будто лютые медведи*
Быһыта тэппитэ –	*Пнул резко*
Быраан сэнньэкэлэрэ буолан [3, с. 26]	*Стали буграми гор*
	(перевод наш – С.В.)

Другим персонажем олонхо является богатырь айыы – Араат Мохсогол с вороным конем Алып Хандагай. Конь действует в сюжетах олонхо от самого начала до конца произведения. Богатыри Эрчимэн Бэргэн и Араат Мохсогол в начале сказания не знакомы друг с другом, их “знакомит” Чуҥкунуур Чуура

(Чунгкунуур Чуура) – богатырь абаасы. Автор не отводит специального места для описания внешности Араат Мохсогола, однако, его образ в борьбе с Эрчимэн Бэргэном: *«Араат Мохсоҕол /.../ Абатыгар, / Айаҕыттан кутаа уот кытыастан, / Чанчыгыттан сиэрэ уота саккыраан, / Омуннаахтык үһүүтаан ылаттаата, / Хатаннык хаһыытаан ылаттаата. / Содуомнаах / Суорба таас курдук сутуругун / Өрө уммутунан, / Хадьыктаһа киирэн иһэр / Хардаҥ эһэ курдук, / Туттуммакка-чугуйбакка, / Уун-утары хааман кэллэ»* [3, с. 18] *(Араат Мохсогол, с досады, изо рта запылает огнем, на висках воспламеняется огонь, тяжело вздохнул, громко вскрикнул, огромным, будто тесаный камень кулаком махая, не отступая назад пошел навстречу, будто свирепый медведь идет натужно бороться).* Он бесстрашный, вспыльчивый, готовый противостоять за победу.

В народном эпосе образы героев богатырей раскрываются полностью: «в преодолении препятствий, в борьбе с врагами воспитывается характер, выковывается воля. Через внешние сюжетные события и поступки героев развивается внутреннее действие духовного плана» [53, с.73].

С.С. Васильев в передаче образа героев раскрывает личностные качества и чувства богатырей. Лучшие качества раскрываются в борьбе, в преодолении препятствий, во взаимоотношениях с другими персонажами олонхо. Герои являются жителями Среднего мира. Слабо выражена связь богатырей с Верхним миром, в трудные моменты они не просят покровительства божеств Верхнего мира, а обращаются за помощью к людям, живущим рядом с ними в Среднем мире: «*Үрүҥ күн дьоно, / Өрүһүк буолуҥ, / Аан дойдум дьоно, / Абырал буолуҥ»* [3, с. 29] *(Жители солнечного мира, помогите, люди моего мира, будьте спасением).* В этом заключается отличие авторского изображения героев-богатырей от богатырей устного олонхо.

В произведении, кроме этих богатырей, представлен образ тунгусского богатыря Кыыда Тугуттая, который в олонхо С.С. Васильева раскрывается как богатырь айыы – охотник: *“...Хардаҥ эһэ ыырын хайан, / Буур тайах суолун сонордоон, / Аҕыс үрэх баһын / Арҕаран иһэн, / Тоҕус тукулаан баһын / Тургутан иһэн, / Тоҥус бухатыыра... ”* [3, с. 29] *(богатырь тунгусский, накрывая тропу*

свирепого медведя, выслеживая следы лося, проверяя глубину истоков восьми ручьев, измеряя широту девяти песчаных степей). В олонхо Кыыда Тугуттай первым отзывается на призыв о помощи, спасает главного героя от верной смерти, и в заключительной части произведения тунгусский богатырь получает приглашение на свадьбу Эрчимэн Бэргэна.

В героическом эпосе образ тунгусского героя, в основном, является отрицательным: он похищает девушку айыы и скрывается. Так, в народе герой тунгусского богатыря не является богатырем айыы или абаасы. По определению фольклористов, он является таежным богатырем по имени Арджмаан-Джарджамаан, который «изображается стариком в дохе, ходит на лыжах или ездит на олене» [202, с. 205]. Богатырь Кыыда Тугуттай тоже ездит на оленях, но описание его внешних данных нет в тексте произведения. Как отмечает И.В. Пухов, “тунгусский богатырь” в олонхо представляет собой обобщенный образ эпического врага, и в его образе нет национального признака, тунгусский богатырь изображается так же, как и калмыцкий богатырь в “Алпамыше” или образ татар в русских былинах [157, с. 59].

В героическом эпосе обязательными являются образы врагов – абаасы, выступающих против богатырей айыы. «Они наделены чертами чудовищ, например, в эпосе монголов в виде многоголовых мангусов, бурятском гэсере – мангуты, шулмусы и пр.» [155, с. 205]. В якутском эпосе богатырь абаасы обрисовывается сказителем чудовищем с одной рукой, выросшей из середины груди и с одной ногой, с одним глазом на лбу и длинным языком с большими кривыми зубами. И.В. Пухов определяет, что «враги-чудовища и их внешний вид настолько традиционны в олонхо, что когда в некоторых современных записях олонхосуты советского периода описывают их имеющими парные конечности и два глаза, то многими это принимается как нарушение установленных “норм” олонхо» [156, с. 50].

Более того, абаасы наделены умением перевоплощаться в животных, птиц и т.п., что трактуется фантастической сказочностью олонхо.

В олонхо С.С. Васильева образы богатырей абаасы представлены Чунгкунуур Чуурой и Огненным Урбалджыном. Первый из них изображается в начале олонхо, он обманным путем вызывает богатырей айыы на битву друг с другом, а сам мгновенно перевоплощается в птицу ексекю. «Это мифическая или шаманская птица, имеющая две или три головы, облик которого принимают богатырь-абаасы, когда собирается похищать невесту или сестру богатыря айыы» [102, с. 86]. В произведении С.С. Васильева есть эпизод, в котором данный богатырь может перевоплощаться в волка. Он обманом хочет похитить и получить в жены сестру Араат Мохсогола – Хаачылаан Куо. Чунгкунуур Чуура изображен хитрым, лживым. В его образе, можно считать, автор обобщил все отрицательные черты характера человека. Внешность Чунгкунуур Чуура описывается кратко и раскрывается в эпизоде, когда он сражается с Эрчимэн Бэргэном. Образ персонажа Огненного Урбалджына тождественен образу чудовища: *«аллара өттө айгыгыр, үөһээ өттө бүлгүгүр сарыннаах, сүүһүн хаба ортотугар соҕотох эт-бэргэ харахтаах, түҥ-түү, эт чаллах көрүҥнээх Аллараа дойду атамаана...»* [3, с. 26] *(вожак Нижнего мира с широким туловищем, с покатыми плечами, в середине лба единственный глаз, весь волосатый, плотный, мускулистый).* Чудовище имеет шестиногого пегого коня и является богатырем Нижнего мира. Следовательно, описание внешности абаасы, раскрытие их образов в олонхо С.С. Васильева соответствует обрисовке врагов-чудовищ народных сказаний досоветского периода.

Защита женщины айыы, как один из мотивов олонхо, выдвинула женский образ на передний план. Героиня олонхо предстает воплощением идеальной женской красоты. Ее неописуемая внешняя красота сочетается с чуткостью, отзывчивостью, добротой.

В произведении С.С. Васильева, в образе женщины айыы предстает прекрасная девушка Хаачылаан Куо. Она родная сестра богатыря Араат Мохсогола и в будущем становится суженой невестой главного героя Эрчимэн Бэргэна. Образ Хаачылаан Куо раскрыт, как и в народном сказании, хранительницей очага и

воплощением мирной, счастливой жизни. Красота девушки передается с помощью изобразительных средств, используемых в текстах якутского героического эпоса:

Тахсар күн сардаҥата
Чабырҕайыгар оонньуур,
Киирэр күн килбиэнэ
Иэдэһигэр тыгар,
Сир диэки көрдөҕүнэ –
Сир сэттэтэ сибэтии буолар,
Халлаан диэки хайыстаҕына –
Халлаан аҕыста сыдьаай гынар,
Сырдык мөссүөннээх,
Үрдүк уҥуохтаах,
Толору ньуурдаах
Кыыс дьахтар... . [3, с. 19-20]

Красотой ослепляя
И станом своим.
Играет луч солнца
На прозрачных висках,
Заката огонь -
На цветущих щеках.
Посмотрит на землю -
Семь раз земля сияет.
Посмотрит на небо -
Восемь раз оно светлеет
Прекрасна лицом
Высока ростом...
(перевод наш – С.В.)

Традиционными персонажами олонхо являются рабы. Характерен образ домашней рабыни – Симэхсин эмээхсин (старуха Симэхсин). В народных сказаниях старуха Симэхсин – преданная служанка-коровница, которая оберегает доверенный ей скот. С.С. Васильев вводит этот персонаж в свое произведение. Как и в фольклорном олонхо, в авторском олонхо старуха Симэхсин – рабыня-коровница – предвещает о грядущей беде. В данном случае старуха Симэхсин сообщает Эрчимэн Бэргэну о намерениях богатыря-абаасы Огненного Урбалджына похитить прекрасную Хаачылаан Куо. В произведении указывается о возрасте старухи Симэхсин, ей семьдесят лет, и она второпях спотыкается о веревки своих торбазов и падает на землю. Лежа на земле, не переставая плакать, она предупреждает Эрчимэн Бэргэна о скорой беде.

В олонхо С.С. Васильева есть персонаж – Кыталык кыыс (стерх-девушка), вестник Верховного божества Юрюнг Аар тойона, которая умеет говорить по-человечески, выполняет роль помощницы в трудной для богатыря айыы ситуации. Она приносит Эрчимэн Бэргэну весть о том, что богатырь-абаасы пытается похитить его невесту Хаачылаан Куо, и дает богатырю живую воду. Образы предвестников в произведении С.С. Васильева эпизодичны и выполняют те же функции, что и в героических сказаниях якутского фольклора.

Таким образом, система образов олонхо «Эрчимэн Бэргэн» выстроена на традициях якутского устного героического эпоса. Внешние черты и героические качества богатырей, красота девушки описываются на основе традиций устного героического эпоса. Такие персонажи, как родители главного героя, другие богатыри айыы, девушка айыы, старуха Симэхсин являются жителями Среднего мира. В произведении нет богатыря, рожденного в Верхнем мире и посланного в Средний мир. Эрчимэн Бэргэн просит помощи у своих соплеменников, жителей Среднего мира. К нему на помощь первым приходит тунгусский богатырь-охотник. Кроме того, в отличие от «тунгусского богатыря», изображаемого во многих народных сказаниях, образ тунгуса у С.С. Васильева является положительным. Мифологичность литературного олонхо передается краткой обрисовкой образа Юрюнг Аар тойона – Верховного божества айыы, предвестником-стерхом, а также образом Аал Кудук дерева, как олицетворения всех светлых начал Среднего мира.

3.3.2. Сюжет и композиция

По определению теоретиков литературы, в художественном произведении «сюжетом обозначается цепь событий, воссозданная в произведении, то есть жизнь персонажей в ее пространственно-временных изменениях, в сменяющих друг друга приложениях и обстоятельствах» [193, с. 233].

Сюжеты олонхо рассмотрены в трудах многих фольклористов. Как отмечает И.В. Пухов, суть сюжетов олонхо в том, что они раскрывают героический характер подвигов главных богатырей. Сюжет сам по себе не играет главной и определяющей роли в установлении особенностей эпического жанра [156, с. 23]. Сюжет эпического сказания внешне схож с сюжетами сказок, но сюжет олонхо более сложный, многоплановый. В сказке проблематика ограничена пределами семьи, а в сюжетах олонхо героическая борьба богатырей ведется за благополучие всего племени.

По мнению Г.У. Эргиса, сюжеты олонхо связаны с общественно-историческими условиями жизни народа и отражают путь развития народа в своеобразной, устоявшейся эпической форме, в плане героизации и

гиперболизации действий и характера родовых воинов. Действительность преломляется через призму эпического художественного вымысла [202, с.197]. Н.В. Покатилова в сюжете олонхо «Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур» (“Строптивый Кулун Куллустуур”) выделяет «основную повествовательную часть и дополнительное ответвление повествования» [147, с. 148].

Монографическое исследование сюжетов олонхо проведено Н.В. Емельяновым. В его монументальных трудах систематизированы сюжеты якутского героического эпоса по идейной и тематической типологии олонхо. Исследователь подчеркивает, что «сюжет развертывается как сказание о героическом богатыре айыы аймаҕа в определенную эпическую эпоху давно минувших времен, действие происходит в рамках эпического пространства мифологического мира, согласно которому Вселенная состоит из трех миров: Верхнего, Среднего и Нижнего» [88, с. 47]. Н.В. Емельянов, по особенностям сюжетов и содержания олонхо разделяет на три типа: 1) о заселении Среднего мира людьми из племени айыы аймага; 2) о родоначальниках племени ураанхай саха; 3)о защитниках племени айыы.

Композиционная структура олонхо однотипна. Сказание начинается зачином, в котором сообщается время описываемых событий: “бранных лет”, “ратных подъемов” [112, с. 28]. Эпическое пространство трех миров сотворено божествами айыы. Средний мир предназначен для племени ураангхай саха. Далее рисуется священное дерево Аал Луук (Кудук) Мас, олицетворяющее светлые начала Среднего мира. Затем описываются богатырь айыы, его жилище, имущество, вооружение и т.д.

Сюжет развивается с завязки конфликта. Героические подвиги главного героя совершаются с момента внезапного нападения абаасы на страну айыы. Это может быть похищение богатырем абаасы сестры или суженой богатыря айыы. Кульминация действия – встреча противоборствующих сил. В схватке с врагом, происходящей в форме состязания или богатырской битвы, богатырь айыы одерживает победу. Сказание завершается возвращением героя на родную землю. Олонхо присущи три основных сюжетно-композиционных компонента:

1) завязка сюжета, которая содержит первопричину конфликта сказания;

2) кульминация, которая содержит поединки противоборствующих богатырей;

3) развязка – завершение событий победой героя и установление мира в эпической стране.

Сюжет произведения «Эрчимэн Бэргэн» С.С. Васильева о защитниках племени, где главным героем выступает богатырь Среднего мира. В произведении известны родители главного героя, будущего богатыря айыы. Они в преклонном возрасте, и потому ребенок для них является долгожданным. В олонхо более десяти персонажей, которые группируются вокруг главного героя и его противников.

События в авторском олонхо разделены на пять условных частей:

1. *Рождение и посвящение в богатыри;*
2. *Борьба богатырей айыы между собой;*
3. *Указание предназначенной невесты;*
4. *Борьба Эрчимэн Бэргэна с богатырями абаасы;*
5. *Спасение невесты от абаасы, женитьба богатыря.*

Рождение и посвящение в богатыри (1-291-я строки). Повествуются о родителях будущего богатыря, также описывается картина «чудесного взросления» мальчика. Однажды утром мальчик, когда играл в поле, вдруг исчез, что вызвало сильную тревогу у родителей. Мальчика забрал с собой в Верхний мир богатырь Кюкюрдюор Беге, по велению Верховного Божества – Юрюнг Аар Тойона. Кюкюрдюор Беге посвящает в богатыри мальчика, Юрюнг Аар Тойон нарекает его именем Икки күлүктээх Эмньик кулун аттаах Эрчимэн Бэргэн, также дарит коня и назначает его великим богатырем – защитником Среднего мира.

Борьба богатырей айыы между собой (292-621-я строки). Первопричиной борьбы богатырей айыы Эрчимэн Бэргэна и Араат Мохсогола является вызов представителя абаасы – богатыря Чунгкунуур Чууры. Он обманом и хитростью настроил светлых богатырей против друг друга и организовал их битву. Так, в облике ексекю приходит Чунгкунуур Чуура в гости к Эрчимэн Бэргэну и рассказывает о том, что якобы богатырь Араат Мохсогол желает взять его к себе в слуги. Тот, оскорбленный, сразу же собирается в путь, на битву с обидчиком Араат

Мохсоголом. Тем временем, ексекю появляется уже у Араат Мохсогола с ложной вестью, что Эрчимэн Бэргэн намеревается силой взять его в слуги. Эта «весть» оскорбляет Араат Мохсогола. Он готовится к нападению на Эрчимэн Бэргэна и собирается в поход. Но в этот момент приезжает сам Эрчимэн Бэргэн. В данном фрагменте произведения описываются поход и бои двух богатырей айыы. Эрчимэн Бэргэн в борьбе против Араат Мохсогола оказался намного сильнее. Во время их битвы появляется родная сестра Араат Мохсогола – прекрасная Хаачылаан Куо, которая рассказывает им о злобной уловке Чунгкунуур Чууры: *«Айыы сирин / Аарыма бухатыырдара буолан баранҥыт, / Ааһар былыт / Албаһыгар киирэҥҥит, / Сырдык тыыҥҥытыгар / Ымсыырсан эрэҕит, / Үрүҥ күнтэн / Сүтэрсэн эрэҕит / <…> / Чуҥкунуур Чуура бухатыыр / Хобун-сибин кырдьыктанан...»* [3, с. 20] *(Жестоко и злобно / Вы били друг друга / <…> / Вы оба в тенетах / Коварства и зла / <…> / Вы – витязи оба / Народа айыы)* [18, с. 142-143]. Таким образом, она спасает своего брата от неминуемой смерти и примиряет двух богатырей айыы.

Указание предназначенной невесты (622-877-я строки). В сюжете главный герой Эрчимэн Бэргэн влюбляется с первого взгляда в Хаачылаан Куо, которую затем приглашает в свой дом, знакомит ее со своими родителями. Во время свадебного обряда старуха Симэхсин прибегает с плохой новостью о намерениях богатыря-абаасы Огненного Урбалджына – похитить невесту Эрчимэн Бэргэна. Богатырь тут же собирается в путь, чтобы сразиться с врагом. Параллельно с этим событием происходит еще одно действие: богатырь Чунгкунуур Чуура рассказывает Огненному Урбалджыну, что Эрчимэн Бэргэн собирается жениться на прекрасной Хаачылаан Куо, на его невесте. Огненный Урбалджын так же начинает собираться в бой с Эрчимэн Бэргэном.

Борьба Эрчимэн Бэргэна против богатырей абаасы (888-1166-я строки). Развертывается сюжет встречи Эрчимэн Бэргэна с абаасы. Изображается их борьба, которая, как и в народном олонхо, продолжается в течение тридцати дней. Когда силы двух богатырей иссякли, Эрчимэн Бэргэн просит помощи у племени айыы аймага. Богатырь Кыыда Тугуттай находится «за десять земель» от места битвы, но услышав крик о помощи, срочно прибегает к месту сражения богатырей и помогает

искалеченному Эрчимэн Бэргэну. Дает пить живительную смесь из крови своего оленя. Так, с помощью Кыыда Тугуттая Эрчимэн Бэргэн побеждает Огненного Урбалджына.

Спасение невесты от богатыря абаасы и женитьба (1166-1655-я строки). В этой части сюжета появляется стерх – небесный вестник, которого отправил Юрюнг Аар Тойон с живой водой для Эрчимэн Бэргэна. Это вода помогает в борьбе против Чунгкунуур Чууры, который уже похитил прекрасную Хаачылаан Куо. Но Эрчимэн Бэргэн побеждает его, спасает своих родителей, Хаачылаан Куо и ее брата Араат Мохсогола. Концовка произведения: Эрчимэн Бэргэн спасает Хаачылаан Куо из плена; описывается свадьба главного богатыря, где приглашенными гостями становятся все люди айыы аймага, в том числе Араат Мохсогол и Кыыда Тугуттай.

В отличие от устного героического эпоса произведение С.С. Васильева начинается с вступительного слова автора, в котором озвучивается просьба детей. Дети просят старика рассказать им олонхо. Произведение завершается тем, что старик заканчивает сказание, дети благодарят его, их “пленила сказка”. Авторские отступления выступают внесюжетными элементами в произведении. Это главное отличие литературного олонхо для детского чтения от народных сказаний.

В большинстве эпических сказаний основным мотивом является похищение невесты или сестры богатыря айыы, а в сюжете олонхо С.С. Васильева конфликт развивается на обмане Чунгкунуур Чууры богатыря, принимающего облик ексекю.

Таким образом, сюжет и композиционная структура олонхо для детского чтения «Эрчимэн Бэргэн» не имеет сложной линии, в то же время произведение С.С. Васильева основано на сюжете героического эпоса о защитниках племени. События, описываемые в олонхо повествуются в хронологической последовательности. Сюжет специально упрощается и адаптировано автором для чтения детей.

3.3.3. Изобразительные средства и особенности стиха олонхо

Анализ поэтического языка произведения представляет одно из основных направлений исследования поэтического мастерства писателя. Поэт передает свои мысли через художественное слово. Для создания высокохудожественного образа, передачи идеи автора, для достижения эстетического воздействия на юного читателя С.С. Васильев использует разнообразные стилистические фигуры, поэтические приемы, изобразительные средства.

О языке олонхо пишет Г.У. Эргис: «Язык олонхо пышный и величавый, насыщенный большим числом архаических слов и выражений, ныне вышедший из употребления в разговорной речи, трудно понимаемых даже самими сказителями. В то же время в сравнениях и эпитетах употребляются и русские заимствованные слова» [202, с. 212]. П.А. Слепцов отмечает, что язык и стиль олонхо представляет собой высшую форму отшлифованной, обработанной, художественно организованной устной поэтической речи [174, с. 207].

Олонхо для детского чтения «Эрчимэн Бэргэн», основанное на сюжете и образах устных народных сказаний олонхо, текст которого литературно обработано С.С. Васильевым. Поэтом переосмыслены основные художественные приемы, творчески, своеобразно использованы традиционные изобразительно-выразительные средства якутского фольклора и разнообразные стилистические фигуры.

В произведении мастерски использован один из видов стилистической фигуры **– антитеза**. Антитеза, как прием резкого противопоставления образов и понятий, формируется благодаря словам-антонимам: “***Былыргы дьыл*** *мындаатын / Быдан нөҥүө өттүгэр, /* ***Аныгы үйэ*** *арҕаһын / Адьас анараа сиксигэр»* [3, с. 4] *(давний год – настоящее время), «****Илин*** *астара / Элэмэстийэрин саҕана,* ***Кэлин*** *астара астара / Кэрэмэстийэрин саҕана»* [3, с. 5] *(передние волосы на висках - задние волосы на затылке), «****Илин*** *атах / Эбирэ суох, /* ***Кэлин*** *атах / Кэбирэ суох»* [3, с. 39] *(передние ноги – задние ноги),*

Художественная особенность олонхо – использование **гиперболы**, которая придает ему особую фантазийность, эпическую сказочность. Эта «стилистическая

фигура, образное выражение, преувеличивающее какое-либо действие, предмет, явление; употребляется в целях усиления художественного впечатления» [105, с. 127]. В адаптированном для детей тексте олонхо «Эрчимэн Бэргэн» особо удачно гипербола использована при повествовании «чудесного рождения, взросления» мальчика: *«Уже однодневный – / Он стал годовалым, / На третий – перечить себе / Не давал он. / <…> / Их сын вырастал / Не по дням, - по часам)* [18, с. 114], гиперболичны описания высокого роста богатыря: *«Отут быластаах оронугар оруопчук түһэн /.../ утуйан хаалла»* [3, с. 10] *(«Затем на огромнейшей / Лавке для сна (которой пятнадцать / Саженей длина) / Постель расстелил он»)* [18, с. 120], или изображения облика чудовища: *«Чааскы саҕа харахтаах, / Чаан алгый саҕа бастаах»* [3, с. 11] *(Его глаза словно огромная чаша, голова словно большой котел).* Автор восхищается физической силой богатыря: «*Бухатыыр киһи /... / Орто тиитэри / От курдук тоноон, / Эргэнэ тиитэри / Эрбэһин курдук үргээн, / Тиэргэн тэриннэ, / Дьиэ тутунна...»* [3, с. 10] *(«Могучей рукою, / Совсем без усилий, / Сложил он деревья, / Как будто скосил их, / <…> / Из них урасу / Пребольшую воздвиг»)* [18, с. 120]. С помощью преувеличений описывается поединок богатырей: *«Ый, / Орулуур отут хонугун мэлдьи, / Утуйбакка-олорбокко охсустулар да…»* [3, с. 36] *(в течение тридцати дней подряд, без сна и покоя, сражались они) (перевод наш – С.В.)* и т.д. Одним из излюбленных приемов поэта являются **повторы,** которые маркируют интонационное уравнивание тех частей текста, в которых они распространены. В тексте находим повторы-эпифоры в портрете главного героя:

Бэйэтэ даҕаны,	*Сам он*
Айыы оҕото ***буолан****,*	*Являясь дитем айыы,*
Алыс ыраас ***киһи эбит****,*	*Был очень чистым,*
Күн улууһа ***буолан****,*	*Житель подсолнечного мира*
Көстө үчүгэй ***киһи эбит****...*	*Был статным собой*
Куртуйах нуоҕайын ***курдук***	*Кудрявые челки*
Куударалаах бэскилээх ***эбит****,*	*Словно перья тетерева,*
Эрэдэһиннээх үүн тиэрбэһин ***курдук***	*Глаза подобны*
Эрилкэй харахтаах ***эбит****,*	*Железному кольцу удил*
Хара саһыл кутуругун	*Имеет густые брови,*
Харсыһыннара уурбут ***курдук***	*Напоминающие*

Халыҥ хаастардаах ***эбит****,*
Кыһыл саһыл уорҕатын
Сахсыйа уурбут ***курдук***
Кытархай иҥнэрдээх ***эбит****...* [3, с. 8]

Хвост чернобурки
Его щеки алеют словно
Шкурки рыжей лисы
(перевод наш – С.В.)

Олонхо С.С. Васильева, как и устные олонхо, наполнено эпическими формулами, созданными с помощью **синтаксических параллелизмов**:

Былыргы дьыл мындаатын
Быдан нөҥүө ***өттүгэр,***
Аныгы үйэ арҕаһын
Адьас анараа ***сиксигэр,***
Туруу бараан дойду
Туналыйар ***туоһахтатыгар,***
Аҕыс уон аҕыс хайа,
Алтыһар ***арҕаһыгар,***
Тоҕус уон тоҕус үрэх
Доҕордоһор ***туймуутугар,***
Бухатыыр ***үөскүөх,***
Буойун ***олохсуйуох...*** [3, с. 4]

За облачной далью
Седой старины
В пределах цветущей
Лесной стороны,
На тверди гранитных
Сбежавшихся гор,
На стыке сдружившихся
Рек и озер,
Не очень просторна,
Но и не мала,
Когда-то страна
Айыынов была [17, с. 112]
Перевод Л. Коноплянко

Параллелизмы в произведении предполагают композиционную соотнесенность смежных синтаксических отрезков текста.

Автор использует прием **сравнения**. При изображении портрета главного героя использует традиционные приемы сравнения с послелогами *дылы, курдук, эбит (будто, словно, подобно, как): «Муннуктаахха дылы / Дараҕар сарыннаммыт, / Кырыылаахха дылы / Мөтөҕөр түөстэммит»* [3, с.7] *(«Расширились плечи с крутыми углами, вздуваются мышцы груди буграми»)* [18, с. 116]*; «Улуу тайах уллуҥун уҥуоҕун / умса таппыт курдук, / Үһүн сыыйыллаҕас муруннаах эбит, / Таба кыыл акымалын силиитинэн / Нарылаан оҥорбут курдук / Чараас уостаах эбит...»* [3, с. 8] *(имеет прямой нос, словно вытянутые кости стопы старого лося, с тонкими губами, словно изделие из костного мозга плечевой кости оленя) (здесь и далее перевод наш – С.В.), «Быччыҥын иҥиирэ / Дьорохой балык курдук / Түллэҥнии оонньоото»* [3, с. 25] *(мышцы и сухожилия, словно щука вздувается), «Харалдьыктан көппүт / Хара улар курдук, Хап гына ыстанан тахсан»* [3, с. 25] *(вскочил, как будто взлетел черный глухарь с проталины).*

Родители Эрчимэн Бэргэна – мать – старуха Эбириэлджин и отец – старик Эриэн Тойон – имеют многочисленных знакомых, их количество уподобляется густому лесу: *«Кинҥкир хара тыа курдук / Киэҥ билсиилээх дьон эбит, / Баай хара тыа курдук, / Бар дьонноох эбит»* [3, с. 6] *(имеют множество знакомых, их так много, словно густой черный лес).* Разгневанное состояние богатыря Араат Мохсогол, который надулся от злости, передается в сравнении с огромным холмом: *«Араат Мохсоҕол / Саар булгунньах курдук / Сарайа үллэн таҕыста. / Дуул булгунньах курдук / Томтойо үллэн таҕыста»* [3, с. 17] *(Араат Мохсогол раздулся словно большой курган, возвышался словно высокий холм).*

Таким образом, поэт уподобляет изображаемое природным явлениям, животному и растительному миру, что характерно для народной поэзии в целом. Такие сравнения, как: *«Куйах таҥаһа хомуйуолка сон курдук курдастыар диэри»* [3, с. 15] *(до тех пор, как стальная одежда пронзилась насквозь), «Түөһүн этэ сорокобуой буочука уобуруччутун курдук»* [3, с. 25] (*мышцы груди будто обруч сороковой бочки), «хаахтыйбыт күөс курдук хардырҕаччы тыынан ылар буоллулар»* [3, с. 25] *(начали с трудом дышать, как будто подгоревшее варево)* – являются авторскими.

Для создания образов героев олонхо, описаний времени и места фантастических происшествий, автор широко использует разнообразные **эпитеты.** Так цветовые эпитеты автором используются для изображения коней героев: *«алып хандаҕай хара аттаах»* [3, с. 21] *(с волшебно-вороным конем), «ала элэмэс аттаах»* [3, с. 26] *(на пегом коне).* Для описания красоты страны олонхо: *«Хара тыа хаймыылааҕа, / Күөх тыа күрүөлээҕэ эбитэ үһү»* [3, с. 4] *(«по краям были темный бор и зеленые леса»),* во внешности главного героя поэт уточняет цвет волос: *«хампа көмүс баттахтаах…көмүс долгун көҕүллээх»* [3, с. 5] *(имеет золотые волосы… золотую волнистую челку)*. В тексте обилие традиционных цветовых эпитетов: ***көмүс, алтан – золотой, серебристый***: *көмүс күөмэй (золотой голос), көмүс баттах (золотые волосы), көмүс чыычаах (золотая птичка), алтан далбарай (медный птенчик), тардыы көмүс тарбах (серебряные пальцы), кыһыы көмүс кырыылаах бэргэһэ (серебристые с острыми краями*

шапка), көмүс хайа (золотая гора); эпитет ***үрүҥ, маҥан – белый***: *үрүҥ күн (белое солнце), кыыда маҥан халлаан (белейшее небо);* эпитет ***күөх – зеленый***: *былах күөх сэбирдэх (темно-зеленые листья), күөх солко хонуу (зеленый шелковый луг)* и т.д. Для обозначения неба, солнца, леса поэт использует постоянные эпитеты: *кыырай маҥан халлаан (высокое белое небо), аламай күн (ясное солнце)*, *киҥкир хара тыа (густой темный лес)*.

В тексте эпитеты часто употребляются в составе количественно-именного словосочетания, например, в таком плане: «*Аҕыс уон аҕыс хайа / Алтыһар арҕаһыгар / Тоҕус уон тоҕус үрэх / Доҕордоһор туймуутугар»* [3, с. 4] *(там, где, пересекаются восемьдесят восемь гор, сдружились девяносто девять ручьев), «үс былыты үрдүнэн өрө сойуодуйан тиийэн»* [3, с. 15] *(устремился ввысь через три слоя облаков), «уон сис унуортан ону чуордук истэн»* [3, с. 29] (*ясно услышал за десять земель)*. Данные эпитеты выполняют гиперболизирующую функцию. Кроме того, автор умело использует и метонимические эпитеты: *«Харахтаах көрбөтөх / Кулгаахтаах истибэтэх / үтүө дьахтара»* [3, с. 22] *(Красивую женщину никто, который с глазами, не видывал, который с ушами, не слыхивал).*

Для передачи неописуемой красоты Хаачылаан Куо поэт использует развернутые эпитеты и прием **олицетворения**: *«...күн сардаҥата /<...>/ оонньуур»* [3, с. 20] *(солнечный луч играет).* Автор олицетворяет такие природные объекты и явления, как: *солнце, небо, деревья, лес, вихрь* и т. д. Например: *«хара сыгынахтар... хаһыытаһа хааллылар»* [3, с. 26] *(черные корни деревьев остались с криком), «Аан халарык аргыстаһан барда, / Добун халарык доҕордоһон барда»* [3, с. 36] *(вихрь стал сопровождать), «сыгынах сыылынна»* [3, с. 36] *(корни деревьев расползлись).* Так поэт олицетворяет явления и объекты природы, образно уподобляя их живым существам. Благодаря творческому воображению поэта появляется поэтический образ в яркой необычной форме.

Таким образом, поэт использует традиционные средства устного народного творчества: постоянные эпитеты, развернутые сравнения, сочетания приемов олицетворения и гиперболы. Подобранные автором средства и приемы способствуют созданию ярких образов, событий и действий героев олонхо.

Олонхо «Эрчимэн Бэргэн» состоит из 1655-и стихотворных строк. Строки неравносложны по размерам, так около сорока стихов состоят из одного слова: *онуоха (тогда), онно (на то), бу (это), сотору (вскоре)* и т.д. В произведении преобладают пяти-шести-семисложные строки. При этом имеются и строки, состоящие из 12-13-сложников, что характерно для эпического текста олонхо, например: *«анаҕаһын көрдөрбүтүнэн төрүөбүт»* [3, с. 5] (4+5+3=12) *(родился с оскаленными клыками), «аарыма бухатыырдара буолан бараҥҥыт»* [3, с. 20] (3+5+2+3=13) *(будучи громадными богатырями), «уҥуоргу саҕахтары улаҕаларынан»* [3, с. 26] (3+4+6=13) *(по краю горизонта).*

Строки	**Количество**	**в % соотношении**
Односложные строки	7	0,42
Двусложные строки	18	1,09
Трехсложные строки	65	3,92
Четырехсложные строки	151	9,12
Пятисложные строки	282	17,03
Шестисложные строки	328	19,82
Семисложные строки	296	17,89
Восьмисложные строки	228	13,78
Девятисложные строки	136	8,21
Десятисложные строки	79	4,77
11-сложные строки	47	2,84
12-сложные строки	13	0,79
13-сложные строки	5	0,30

Стихотворный текст авторского олонхо состоит из неравносложных строк. В данном случае, ритмичность произведению придают синтаксические параллелизмы. Для неравносложного стиха олонхо это важное качество, так как именно синтаксический параллелизм является ведущим метрически значимым элементом стиха:

Ол толоон	*1+2=**3***	*Та долина*
Хара тыа	*2+1=**2***	*С каймой*
Хаймыылааҕа эбитэ үһү,	*4+3+2=**9***	*Из темного леса*
Күөх тыа	*1+1=**2***	*С изгородью*
Күрүөлээҕэ эбитэ үһү,	*4+3+2=**9***	*Из зеленого леса*
Көҕүрээбэт	***4***	*С неистребимыми*
Көтөрдөөҕө эбитэ үһү,	*4+3+2=**9***	*Птицами*
Быстыбат	***3***	*С неисчерпаемым*

Быйаҥнааба эбитэ үһү [3, с. 4] *4+3+2=**9*** *Богатством*
(перевод наш – С.В.)

Как отмечает Н.Н. Тобуроков: «Ритм создается целым комплексом ритмического оформления стиха: сочетанием равносложных ритмических структур, количеством слогов в стихе в сочетании с рифмой и аллитерацией, внутристиховыми повторами звуков, как бы гармонирующих с идейно-смысловой нагрузкой слов» [184, с. 69]. В произведении С.С. Васильева заметно выделяется начальная аллитерация и рифма, созданная в результате повторов одних и тех же слов.

Автор использует начальную и внутристрочную аллитерации, что придает стиху олонхо благозвучие и ритмичность. «Аллитерация – это точное или приблизительное созвучие любых начальных звуков или звуковых групп, а также созвучие определенных качественных признаков, исходящее от первого слога каждого стиха или каждой строфы и основанное на законе гармонии гласных» [201, с. 143]. Совпадения звуков в начале строк у поэта составляет 55,9 %. Начальная аллитерация охватывает в основном две-четыре строки и находится один пример аллитерации начальных строк, которой охвачено семь стихов.

Из всех аллитерированных стихов начальное совпадение в один звук составляет 67% *(**А**лаас сыһыы ортотугар / **А**ҕыс салаалаах / **А**ал кудук маска киирэн)* [3, с. 9], в два звука 31% *(**Ха**ра тыһаҕас тириитэ ыстааннаах / **Ха**ппыт хамыйыалка сонноох / **Ха**мначчыт уол буолан)* [3, с. 12], в три звука 2% *(**Бу**луҥ сиртэн / Буур тайахтаан / **Бул**таан-алтаан, / **Бул**ан талан)* [3, с. 4]. Внутристрочная аллитерация занимает приблизительно 22,4% от общего количества строк. В строке имеют созвучие все три слова, например: *«**т**арбахтарын **т**өбөтүнэн **т**ардыаласта»* [3, с. 19], и оно составляет менее десяти процентов. Созвучия начала первого и второго слов в строке составляют приблизительно 60 % от всех совпадений *(«**ча**раас **ча**бырҕайа буолаарай диэн»; «**ха**ппыт **ха**мыйыалка сонноо»; «**ха**таннык **ха**һыытаан ылаттаата»).* Есть примеры совпадений начала первого и третьего, а также первого или четвертого слов: “***Буо**р сир **буу**лаҕа **буо**йуна”* [3, с. 20]. Такие совпадения составляют менее 30

%. Поэт использует начальную и внутристиховую аллитерации, в стихах, в основном, совпадают звуки: *а, б, к, у, х, э.* Таким образом, благодаря аллитерации в начале стиха и внутри стихов текст олонхо становится более ритмичным.

Как подчеркивает Б.В. Томашевский, одним из важных средств в ритмической организации стиха является рифма: «У рифмы есть два качества, первое качество – ритмическая организация, потому что она (рифма) отмечает концы стихов; второе качество – созвучие» [186, с. 146]. По определению В.М. Жирмунского: «Рифмой мы называем звуковой повтор в конце соответствующих ритмических групп (стиха, полустишия, периода), играющий организующую роль в строфической композиции стихотворения» [95, с. 9]. О рифме якутского стиха писали А.А. Иванов-Кюндэ, Г.М. Васильев, Н.Н. Тобуроков, М.Н. Дьячковская, Е.А. Архипова и др. Литературовед Г.М. Васильев отмечает, что в якутской поэзии рифмами называются совпадения, представляющие собой одинаковые морфологические члены предложения, временные формы глаголов в результате синтаксического параллелизма [63, с. 32].

В анализируемом олонхо особо выделяются рифмы, созданные в результате добавления окончания к словам одних и тех же частей речи. Такие рифмы составляют большую половину всех зарифмованных строк олонхо, они называются фономорфологическими: *охсоот - соттоот* [3, с. 11] *(ударив - вытираясь), биилиттэн - тэһиниттэн* [3, с. 19] *(за поясницу - за поводья).* Как отмечает М.Н. Дьячковская: «Обилие рифм фономорфологического характера можно в какой-то степени объяснить жанровой спецификой олонхо: детализацией описания и повествования, последовательностью характеристик, однородностью синтаксических конструкций в границах эпических тирад» [85, с. 28].

Классификация рифмы для тюркоязычной поэзии Сибири разработана Н.Н. Тобуроковым, который разделил рифмы на семь типов. М.Н. Дьячковская расширила данную классификацию шестью новыми типами и их разновидностями. Исходя из вышеупомянутых классификаций, в адаптированном для детей тексте олонхо С.С. Васильева нами выделены разновидности рифм в конце строк (примерно 42%); из них, составленные из одних и тех же частей речи – 45%; рифмы

из разных частей речи – 6%; тавтологическая рифма – 49%. В произведении употреблены и внутристрочные рифмы: «*тарда**н** ыла**н**», «охсуһа**н**-охсуһа**н** бара**н**», «алҕаһа**н** айхаллаһа**н**»*, *«уһу**н** уҥуоҕу**н**»* и другие (37% от общего количества строк). Отсюда следует, что использование поэтом синтаксических и строфических параллелизмов, а также аллитерации и рифмы, играют важную роль в фонической и ритмической организации стиха олонхо.

Итак, в результате структурного анализа произведения «Эрчимэн Бэргэн» систематизированы образы олонхо. Портрет главного героя Эрчимэн Бэргэна, его поступки, поведение изображаются подробно, но в краткой форме. Композиция олонхо четко организована. Сюжетная линия разделяется на пять частей. События развиваются в хронологическом порядке. Сюжет олонхо для детского чтения «Эрчимэн Бэргэн» динамичен, события происходят одно за другим однолинейно. Использованные автором выразительные средства творчески заимствованы из устно-поэтических текстов, при этом автором созданы неповторимые поэтические образы.

В третьей главе нами изучены архивные материалы С.С. Васильева, являющиеся одними из главных источников исследования творческого наследия поэта, в результате чего получены следующие выводы: произведена систематизация материалов архива, отображающая трудовую и жизненную биографию поэта и раскрывающая творческую лабораторию поэта. В процессе этого проведено исследование истории текстов олонхо, которые были адаптированы поэтом для чтения детей.

Нами предложена классификация литературных олонхо, воссозданных поэтом именно для детского чтения, а также выявлены основные тексты прижизненных изданий олонхо С.С. Васильева. Тексты литературно обработанных поэтом олонхо, опубликованные после его смерти, были редактированы Р. Багатайским, сохранив авторскую волю и замысел.

Нами осуществлен структурный анализ текста олонхо в контексте поэтики героического эпоса народа саха, направленный на выявление художественных и жанровых особенностей литературного олонхо, посвященного детскому чтению.

Заключение

С.С. Васильев-Борогонский – выдающаяся личность. Его заслуги в области социально-экономического и культурного развития республики получили общественное признание. Биографические факты, исторические события первой половины XX в. явились основой его творчества, что наблюдается в тематике, жанровых особенностях, поэтике его произведений. В итоге диссертационного исследования приходим к следующим основным выводам.

Преемственная связь поэзии С.С. Васильева с творчеством А.Е. Кулаковского отмечается в воплощении образов, выборе художественных приемов в стихотворениях «Көтөр аал» («На самолете»), «Таас Дьааны өрүһүн өксөйдө» («По реке Яна»). Образы-аллегории реки Лена, Северного Ледовитого океана в «Дарах реки» А.Е. Кулаковского использованы в стихотворении «Хотугу Муораҕа» («Северному морю») С.С. Васильева. Впервые созданный А.Е. Кулаковским поэтический образ хомуса становится темой в поэме «Пой, мой хомус!» С.С. Васильева. Также его обращения к формам обрядового фольклора «алгыс», «клятва» сопоставляются с жанровыми предпочтениями в творчестве А.Е. Кулаковского. Традиция аллитерационного стиха поэта-мыслителя продолжается с 1940-х гг. С.С. Васильевым. Основной стихообразующей формой его художественного творчества является аллитерационный стих, через который в наиболее полной мере передаются авторский замысел, идейно-смысловое содержание его публицистических произведений.

Личность П.А. Ойунского как революционера и государственного деятеля имела большое значение в становлении поэта С.С. Васильева. Романтический пафос стихотворений П.А. Ойунского вдохновлял его на участие в переустройстве жизни общества. Поэма «Артель Романа» создана на основе личной консультации П.А. Ойунского. Тематика и стихотворная форма произведений, написанных С.С. Васильевым в 1930-е гг., проникнуты идеей созидательного труда, впервые раскрытой П.А. Ойунским. Также соотносятся метро-ритмическая организация

произведений поэтов. Оба являются авторами литературных олонхо, что, в свою очередь, доказывает общность их взглядов, идей и творчества в целом.

С.С. Васильев – поэт-новатор. Он обогатил якутскую советскую поэзию жанрами, основанными на традициях устного народного творчества. Жанровая специфика произведений «Клятва», «Сверкай мой кылыс!», «Благословение матери», «Прощание» восходит к обрядовой поэзии народа саха. Устойчивая форма песен-импровизаций, представленная как открытое высказывание восхищения увиденным явлением, удачно использована в стихотворениях «Көтөр аал» («На самолете»), «Улуу суол» («Великая дорога»), «Москва», «Метро».

С.С. Васильев впервые в истории якутской литературы написал роман в стихах «Младший сын». В изображении современных автору событий в романе представляется тонко уловимая параллель с сюжетными мотивами олонхо. Художественное своеобразие романа в стихах проявляется в обильном использовании синтаксических параллелизмов, сравнений, эпитетов, метафор, которые являются специфичными для устной народной поэзии. Большой вклад в якутскую литературу внесен поэтом в связи с созданием баллады «Священный Ильмень», основанный на истоках фольклорных стилистических приемов (повторы, риторические обращения), которые передают особую насыщенность лирического начала.

С.С. Васильев использовал богатый арсенал художественных средств и образность народной поэзии. Включая приемы различных сравнений, эпитетов эпических формул, повторов, он создавал яркие произведения синтетической формы, посвященные актуальным темам своего времени: коллективизации, Великой Отечественной войны, строительства мирной жизни, где поэт усиливает значения и функции устойчивых поэтических образов, выступающих символом различных понятий и явлений.

Богатый по содержанию архив поэта глубоко отражает общественную, творческую деятельность, историю личной жизни С.С. Васильева. Рукописные материалы архива подтверждают начало работы поэта по сбору фольклорных материалов с конца 1930-х гг. Записи сюжетов олонхо со слов сказителей, тексты

народных песен, фиксация момента камлания шаманки свидетельствуют о деятельности поэта по сохранению духовного наследия якутского народа. Поэт стремился передать будущему поколению нравственные ценности и идеалы народа, приобщать их к эпическому творчеству.

Сохранность автографов, черновых набросков, записей, машинописных беловых текстов олонхо С.С. Васильева не только уточняют этапы работы автора по созданию литературного олонхо для детей, но и предоставляют возможность установления основных текстов прижизненных изданий адаптированных текстов олонхо для детского чтения. Систематизированы тексты олонхо: на прижизненные издания («Эрчимэн Бэргэн», «Юэлэн Хардааччы», «Кюн Эрили») неопубликованные тексты («Таатык Бэргэн», «Кюнэйэ Боотур», «Дите Одинокий») и опубликованные после смерти автора олонхо («Айыы Джурагастай», «Батастаан Баатыр», «Менгюрююр Беге»). Отмечено, что авторские олонхо С.С. Васильева основаны на сюжетах народных сказаний олонхосутов Соттинского наслега Усть-Алданского улуса и известного сказителя Мегино-Кангаласского улуса И.И. Бурнашева-Тонг Суоруна.

Особо ценными являются черновики, машинописные тексты первого олонхо С.С. Васильева «Эрчимэн Бэргэн». Копия рецензии на это произведение, составленная фольклористом Г.У. Эргисом, подтверждает, что автор меняет композиционную структуру и сюжетную линию олонхо, а также сокращает количество персонажей именно на основе замечаний в рецензии специалиста.

На основе изучения истории текста, поэтики произведения «Эрчимэн Бэргэн» приходим к выводу, что С.С. Васильев воссоздал олонхо на основе народного сказания «Эриэдэл Бэргэн» из репертуара олонхосутов Соттинского наслега П.А. Охлопкова, Н.Я. Татаринова, М.И. Васильева. В диссертации отмечаем, что поэт адаптировал текст народного героического эпоса именно для чтения детей. Одним из значительных выводов диссертационной работы является уточнение, что примеров адаптированных текстов олонхо для детского чтения до С.С. Васильева не было.

В литературном олонхо «Эрчимэн Бэргэн» отсутствуют стилистически сложные предложения и не содержится устаревшая лексика. Для портретной характеристики и изображения действий персонажей поэт использует традиционные устно-поэтические средства и приемы национальной поэзии. Сюжетная канва произведения построена на повествовании богатырских приключений главного персонажа олонхо, события развиваются в хронологическом порядке. Основными стихообразующими элементами поэтического текста олонхо «Эрчимэн Бэргэн» выступают синтаксический параллелизм, аллитерация и рифма. Олонхо состоит, в основном, из шести-семисложных стихотворных строк.

Таким образом, творчество С.С. Васильева-Борогонского неразрывно связано с фольклором. На его истоках формируется и развивается индивидуальный стиль поэта. Специфика его произведений заключается в оригинальном раскрытии конкретных событий, реальной действительности посредством устно-поэтических традиций выразительности. Литературные олонхо, воссозданные поэтом для чтения детей обогатили жанровую систему якутской литературы.

Список использованной литературы и источников

I. Художественные произведения

1. Васильев, С. С. Хотоҕойдоохтор тустарынан хоһооннор: [кыра саастаах оҕолорго] = Стихотворения о пернатых: для детей младшего возраста / Сергей Васильев. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1953. – 48 с.
2. Васильев, С. С. Северные поэмы: авторизованный перевод с якутского / Сергей Васильев (Борогонский). – Москва; Якутск: Якутское кн. изд-во, 1953. – 75 с.
3. Васильев, С. С. Эрчимэн Бэргэн: [улахан саастаах оҕолорго олоҥхо = олонхо для детей старшего возраста] / Сергей Васильев. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1955. – 46 с.
4. Васильев, С. С. Үөлэҥ Хардааччы: [саха олоҥхотун биир көрүҥүн орто уонна улахан саастаах оҕолорго анаан оҥоруу] = Юэлэн Хардааччы: [как один из видов олонхо, адаптированный текст специально для детей среднего и старшего возраста] / Сергей Васильев. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1957. – 74 с.
5. Васильев, С. С. Күн Эрили: [олонхо для детей старшего возраста] / Сергей Васильев. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1960. – 87 с.
6. Васильев, С. С. Аччыгый уол: хоһоонунан роман = Младший сын: роман в стихах / Сергей Васильев. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1961. – 208 с.
7. Васильев, С. С. Талыллыбыт айымньылар, икки томнаах = Избранные произведения в двух томах). Т. I. / С. С. Васильев. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1966. - 264 с.
8. Васильев, С. С. Талыллыбыт айымньылар, икки томнаах. = Избранные произведения в двух томах. Т. II. / С. С. Васильев. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1967. – 256 с.
9. Васильев, С. С. «Улуу Ильмень» (баллада) = баллада «Священный Ильмень» / С. С. Васильев // Кыым, 1967, 22 июня. – С. 3.
10. Васильев, С. С. Священный Ильмень. Рождение легенды (вольный перевод Сергея Северцева) // Полярная звезда. – 1968. – № 1 (январь-февраль). – С. 92-100.

11. Васильев, С. С. Священный Ильмень / С. С. Васильев; [Авториз. пер. с якут. В. Рябцева]. – Якутск: Якуткнигоиздат, 1968. – 14 с.
12. Васильев, С. С. Сүрэх ыллыыр: Хоһооннор. = Сердце поет. Стихотворения. / С. С. Васильев-Борогонскай. – Якутск: Якуткнигоиздат, 1969. – 80 с.
13. Васильев, С. С. Үс бухатыыр. = Три богатыря. / Сергей Васильев. – Якутск, Якуткнигоиздат, 1971. – 192 с.
14. Васильев, С. С. Олоҕум уһун ньууругар: Хоһооннор = За дни жизни моей: Стихи / С. С. Васильев-Борогонскай; [сост. А. И. Васильева]. – Якутск: Якуткнигоиздат, 1979. – 175 с.
15. Васильев, С. С. Журавлиное крыло: Стихи. Пер. с якут. / Сергей Васильев-Борогонский. – М.: Сов. писатель, 1984. – 72 с.
16. Васильев, С. С. Айыы Дьураҕастай: оҕолорго олоҥхо = Айыы Джурагастай: олонхо для детей / Сергей Васильев. – Якутск: Книжное изд-во, 1984. – 99 с.
17. Васильев, С. С. Өлбөт өрөгөй: Хоһооннор, поэмалар. = Бессмертие: Стихотворения, поэмы / Сергей Васильев. – Якутск: Книжное изд-во, 1988. – 224.
18. Васильев, С. С. Эрчимэн Бэргэн (олонхо) / С. С. Васильев (Борогонский). – Якутск: Книжное изд-во, 1990. – 187 с.
19. Васильев, С. С. Батастаан Баатыр: Олоҥхо. Кыра уонна орто саастаах оҕолорго. = Батастаан Баатыр: Олонхо. Для детей младшего и среднего возраста / Сергей Васильев. – Якутск: Бичик, 1995. – 48 с.
20. Васильев, С. С. Мөҥүрүүр Бөҕө: орто саастаах оскуола оҕолоругар олоҥхо = Менгюрююр Беге: олонхо для детей среднего возраста / Сергей Васильев. – Якутск: Бичик, 2003. – 88 с.
21. Васильев, С. С. Когда наступит осень...: стихи, поэмы / Сергей Васильев-Борогонский: [сост.: Н. А. Лугинов, А. Г. Кузьмина, М. А. Степанова: ред. совет: Н. А. Лугинов (пред.) и др.; лит. ред. И. И. Иннокентьев]. – Якутск: Бичик, 2007. – 96 с.
22. Васильев, С. С. Олоҥхолор = Олонхо / Сергей Васильев-Борогонскай; [сост.: С. С. Донская]. – Якутск: Бичик, 2007. – 272 с.

23. Васильев, С. С. Талыллыбыт айымньылар. Т. 3: Олонхолор = Избранные произведения. Т. 3: Олонхо / Сергей Васильев-Борогонскай; [сост.: С. С. Донская, И. В. Мигалкин, В. Е. Степанова]. – Якутск: Бичик, 2009. – 272 с.
24. Кулаковский, А. Е. Наступление лета. Стихи и проза. Избранные сочинения. / Пер. с якут. В. Солоухина и С. Поделкова. / Вступит. статья В. Кочеткова; Худож. Б. Косульников, М.: Современник, 1986. – 383 с.
25. Кулаковский, А. Е. Ыһыа-хоһоон / Поэтические произведения. Т. 1. Сост. Л. Р. Кулаковская, отв. ред. П. В. Максимова. – Новосибирск: Наука, 2009. – 631 с.
26. Новиков, В. М. Нуоҕалдьын кугас аттаах Тойон Дьаҕарыма бухатыыр: олонхо = Могучий Дьагарыма: олонхо / Күннүк Уурастыырап. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1941. – 362 с.
27. Ойунский, П. А. Талыллыбыт айымньылар / П. А. Ойуунускай; (Избранные произведения. В 2-х томах. Стихотворения, поэмы, переводы, драмы. Т. 1. Предисл. проф. А. Е. Мординова) – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1975. – 440 с.
28. Ойунский, П. А. Дьулуруйар Ньургун Боотур: олонхо = Нюргун Боотур Стремительный: олонхо / П. А. Ойуунускай. – 2-е полное изд. – Якутск: Сахаполиграфиздат, 2003. – 552 с.
29. Петрова Т. И. П. А. Ойунский. Новые переводы стихотворений / Т. И. Петрова. – Якутск, 2013. – 32 с.
30. Яковлев С. С. Буура Дохсун: олонхо / Эрилик Эристиин. – Якутск: Бичик, 1993. – 424 с.
31. Яковлев С. С. Айыы Дьөһүөл: олонхо / Эрилик Эристиин. – Якутск: Алаас, 2015. – 423 с.

II. Книги, статьи, исследования

32. Александров, А. А. Роман в стихах // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. – М.: Сов. энцикл., 1962-1978. Т. 6: Присказка – «Советская Россия». – 1971. – С. 363. Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/kle/Kle-abc/ke6/ke6-3631.htm (дата обращения 28.03.2021).

33. Алексеев, Е. Э., Николаева, Н. Н. Образцы якутского песенного фольклора / Е.Э. Алексеев, Н.Н. Николаева. – Якутск: Кн. изд-во, 1981. – 100 с.
34. Антонов, Е. П. О хозяйственной и общественно-политической деятельности С.С. Васильева-Борогонского / Е. П. Антонов // Сергей Васильев-Борогонскай: поэт уонна гражданин / [сост.: С. Е. Ноева; отв. ред. Л. Н. Романова]. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2007. – С. 23-35.
35. Арзамасцева, И. Н. Детская литература: учеб. Пособие для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений / И. Н. Арзамасцева. – М.: Академия, 2000.
36. Артамонов, И. И. Норуот дьылҕатынан олороро = Жил судьбою народа / Иннокентий Артамонов // Биһиги Сэргэйбит: ыстатыйалар, ахтыылар. = Наш Сергей: статьи, воспоминания. – Якутск: Бичик, 1997 – С. 197-232.
37. Архипова, Е. А. Особенности стиха олонхо "Могучий Дьагарыма" В. М. Новикова-Кюннюк Урастырова: рифма / Е. А. Архипова // Сборник научных трудов SWorld. – 2012. – Т. 31. – № 2. – С. 18-20.
38. Архипова, Е. А. Олоҕу, дьоннору, бэйэбин олустук мин таптыыр эбиппин.... Иван Арбита = Люблю жизнь, людей, себя ... Иван Арбита / Е. А. Архипова. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. – 100 с.
39. Архипова, Е. А. Поэзия Ивана Арбиты (Творческий путь и поэтика): Электронный ресурс: монография / Е. А. Архипова. – Якутск, 2018. – 221 с. Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32813895& (дата обращения: 20.05.2021).
40. Архипова, Е. А. Стих олонхо П. А. Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный (ритмика)» / Е. А. Архипова // Олонхо в мировом эпическом пространстве: наследие П.А. Ойунского: сборник тезисов по материалам Международной научной конференции. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2018. – С. 42-43.
41. Афанасьева, Н. А. Традиционные поэтические образы в лирике А. Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. / Афанасьева Наталья Андреевна. – Санкт-Петербург, 2004. – 18 с.
42. Афанасьева, Н. А. Русская поэтическая картина мира: лингвистический подход / Н. А. Афанасьева // Филологический класс. – 2020. – Т. 25. – № 4. – С. 80-87.

43. Баков, Х. И., Панеш, У. М. Творческая индивидуальность писателя и литературный процесс (на материале прозы Тембота Керашева) / Х. И. Баков, У. М. Панеш // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2018. – № 1(212). – С. 116-122.
44. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров; Текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; Примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
45. Башарин, Г. П. Сергей Васильев-Борогонский и его баллада «Священный Ильмень» / Г. П. Башарин // Васильев С.С.: биобиблиографический указатель. (Сост.: Г. С. Тарский, Д. В. Кустуров). – Якутск: Кн. изд-во, 1974. – С. 7-13.
46. Башарин, Г. П. Норуотугар үгүс үтүөнү оҥорбута = Доброе дело для народа / Г. П. Башарин // Биһиги Сэргэйбит: ыстатыйалар, ахтыылар. = Наш Сергей: статьи, воспоминания. – Якутск: Бичик, 1997 – С. 45-49.
47. Башарина, З. К. «Киһи аҕыс кырыылаах буолуохтаах, кылыстыы кылбаҥныы оонньуохтаах» = “Человек должен быть многогранным” / З. К. Башарина // Саха сирэ. – 2002. – 3 октября.
48. Башарина, З. К. Великая Отечественная война в литературе народов Якутии / З. К. Башарина – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2004. – 117 с.
49. Башарина, З. К. Проблема героического в литературе народов Якутии, 1940-1990-е гг. / З. К. Башарина; отв. ред.: П. В. Сивцева. – Новосибирск: Наука, 2005. – 136 с.
50. Башарина, З. К. С.С. Васильев и современность / З. К. Башарина // Васильев-Борогонский С. С.: поэт, государственный и общественный деятель Якутии (1907-1975) биобиблиографический указатель. / [сост.: В. Н. Павлова (рук), З. И. Данилова, М. В. Данилова; отв. ред.: А. Н. Жирков]. – Якутск: Бичик, 2007. – С. 8-13.
51. Башарина, З. К. С. С. Васильев олоҕо, айар үлэтэ уонна билиҥҥи кэм = Жизнь, творчество С.С. Васильева и современность / З. К. Башарина // Сергей Васильев-Борогонскай: поэт уонна гражданин (Сергей Васильев: поэт и

гражданин) / [сост.: С. Е. Ноева; отв. ред. Л. Н. Романова]. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2007. – С. 10-18.

52. Бигуаа, В. А. Периодизация истории национальной литературы (Теория. Исторический опыт. Абхазская литература) / В. А. Бигуаа // Вопросы изучения истории национальных литератур. Теория. Методология. Современные аспекты. – М.: ИМЛИ РАН, 2014. – С. 238-280.
53. Билюкина, А. А. Олонхо и зарождение якутской драмы / А. А. Билюкина // Якутский эпос в контексте эпического наследия народов мира: сборник научный статей. – Якутск: ЯФ Изд-ва СО РАН, 2004. – С. 71-76.
54. Благой, Д. Д. Диалектика литературной преемственности / Дмитрий Благой // Вопросы литературы. – 1962. – № 2. – С. 94-112.
55. Борисов, Ю. П. О некоторых художественно-изобразительных средствах языка якутского олонхо / Ю. П. Борисов // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 12(52). – С. 27-33. Режим доступа: https://human.snauka.ru/2015/12/13610 (дата обращения 29.09.2020).
56. Борисова-Ойунская А. Н. Наш отец / А. Н. Борисова-Ойунская // П. А. Ойунский. Стихотворения и поэмы: Пер. с якут. / Сост. Н. Сивцевой. – М.: Худож. лит., 1993. – С. 241-249.
57. Бурцев, А. А. Слово и дело поэта / А. А. Бурцев // Якутия. – 2002. – 4 октября.
58. Бурцев, А. А. В. М. Новиков-Кюннюк Урастыров / А. А. Бурцев // Введение в историю якутской литературы – Якутск, 2004. – 78-81 с.
59. Бурцев, А. А. С. Васильев как поэт-гражданин / А. А. Бурцев // Сергей Васильев-Борогонскай: поэт уонна гражданин (Сергей Васильев: поэт и гражданин) / [сост.: С. Е. Ноева; отв. ред. Л. Н. Романова]. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2007. – С. 3-9.
60. Бурцев, Д. Т. Якутский эпос олонхо как жанр / Д. Т. Бурцев. – Новосибирск: Наука. Сиб. Предприятие РАН, 1998. – 85 с.
61. Бушмин, А. С. Преемственность в развитии литературы: Монография / 2-е изд., доп. / Оформ. худож. И. Фаррахова. – Л.: Худож. лит., 1978. – 224 с.

62. Васильев, Г. В. Үлэни үрдүктүк тутара = Уважение, любовь к труду / Г. В. Васильев // Биһиги Сэргэйбит: ыстатыйалар, ахтыылар. = Наш Сергей: статьи, воспоминания. – Якутск: Бичик, 1997. – С. 86-103.
63. Васильев, Г. М. Якутское стихосложение / Г. М. Васильев. – Якутск: Якуткнигоиздат, 1965. – 128 с.
64. Васильев, Г. М. Развивать принципиальную, большевистскую критику в литературе: общее собрание писателей г. Якутска / Г. М. Васильев // Социалистическая Якутия. – 1946. – 11 октября.
65. Васильев, Г. М. Живой родник: об устной поэзии якутов / Г. М. Васильев – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1973. – 304 с.
66. Васильев, С. С. Биһиги киэҥ хардыыларбыт = Наши широкие шаги / Сергей Васильев // Кыым. – 1962. – 17 октября.
67. Васильев, С. С. Үйэҥ тухары үчүгэйгэ тардыһан = На протяжении всей жизни стремился к лучшему / Сергей Васильев // Эдэр коммунист. – 1963. – 17 ноября.
68. Васильев С. С.: био-библиографический указатель. (Сост.: Г. С. Тарский, Д. В. Кустуров) – Якутск: Кн. изд-во, 1974. – 28 с.
69. Васильев-Борогонский С. С.: поэт, государственный и общественный деятель Якутии (1907-1975) биобиблиографический указатель. / [сост.: В. Н. Павлова (рук), З. И. Данилова, М. В. Данилова; отв. ред.: А. Н. Жирков]. – Якутск: Бичик, 2007. – 128 с.
70. Васильева-Донская С.С. Биһиги Сэргэйбит: ыстатыйалар, ахтыылар. = Наш Сергей: статьи, воспоминания / [сост.: С.С. Васильева-Донская]. – Якутск: Бичик, 1997. – 240 с.
71. Васильева-Донская, С. С. Наш отец – поэт Сергей Васильев-Борогонский / С. С. Васильева-Донская. – Якутск: Бичик, 2007. – 136 с.
72. Вельдяйкина, Е. И. Своеобразие жанра романа в стихах как специфической формы поэтического эпоса мордовской литературы: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. / Вельдяйкина Елена Ивановна. – Саранск, 2006. – 16 с.
73. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – М.: Высшая школа, 1989. – 405 с.

74. Винокур, Г. О. Об изучении языка литературного произведения / Г. О. Винокур // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. Антология. Под ред. В. П. Нерознака. – М.: Академия, 1997. – 320 с.
75. Винокуров, И. Д. Саха уус-уран литературата Аҕа дойду Улуу сэриитин сылларыгар = Якутская литература в годы Великой Отечественной войны / И. Винокуров-Чаҕылҕан // Кыым. – 1946. – 1 октября.
76. Вишневский, К. Д. Художественный образ / К. Д. Вишневский // Мир глазами поэта / Под редакцией Л. И. Тимофеева. – М.: Просвещение, 1979. – С. 23-35.
77. Выходцев, П. С. Проблема традиций и новаторства на современном этапе / П. С. Выходцев // Русская советская поэзия. Традиции и новаторство. Под редакцией П. С. Выходцева и А. А. Смородина. – Л.: Наука, 1978. – С. 3-21.
78. Габышев, Н. А. Хобо тыаһын хоҥкунатан... (Сергей Васильев 75 сааһын туолуутугар) = Звеня бубенцами... (К 75-летию Сергея Васильева) / Николай Габышев // Хотугу сулус. – 1982. – № 9. – С. 93-97.
79. Гиоева, Л. Н. Антитеза и ее роль в линейных и вертикальных структурах художественного текста / Л. Н. Гиоева // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2008. – Т. 14. – № 3. – С. 131-134.
80. Гоголев, А. И. К проблеме происхождения якутского олонхо / А. И. Гоголев // Якутский героический эпос олонхо: состояние и перспективы изучения. Материалы республиканской научной конференции. – Якутск, 2011. – С. 19-25.
81. Гоголева, А. И. Творчество П. А. Ойунского в 20-е годы: особенности перехода от фольклора к литературе: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. / Гоголева Анна Ивановна. – Якутск, 1996, – 18 с.
82. Данилов, С. П. Сергей Васильев / С. П. Данилов // Сергей Васильев: хоһооннор, поэмалар. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1958. – С. 3-16.
83. Демченко, А. А. Научная биография писателя как тип литературоведческого исследования (Статья первая) / А. А. Демченко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2014. – Т. 14. – № 3. – С. 52-61.

84. Дмитриев, П. Н. Айылҕаттан айдарыылаахтар. Ыстатыйалар, бэлиэтээһиннэр, очеркалар = Люди, одаренные природой. Статьи, заметки, очерки / П. Н. Дмитриев. – Якутск, 2008. – 264 с.
85. Дьячковская, М. Н. Аллитерация и рифма в якутской поэзии. Проблемы эволюции и классификации / М. Н. Дьячковская; Отв. ред. Н. Н. Тобуроков. – Новосибирск: Изд-во СО РАН: НИЦ ОИИГМ, 1998. – 153 с.
86. Дьячковская, М. Н. «Аччыгый уол» С. Васильева как первый роман в стихах в якутской поэзии / М. Н. Дьячковская // Сергей Васильев-Борогонскай: поэт уонна гражданин (Сергей Васильев: поэт и гражданин) / [сост.: С. Е. Ноева; отв. ред. Л. Н. Романова]. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2007. – С. 91-95.
87. Дынник, В. А. Традиция / Валентина Дынник. Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-9721.htm (дата обращения 20.04.2021)
88. Емельянов, Н. В. Сюжеты якутских олонхо / Н. В. Емельянов. – М.: Наука, 1980. – 375 с.
89. Емельянов, Н. В. Сюжеты олонхо о защитниках племени / Н. В. Емельянов. – Новосибирск: Наука, 2000. – 192 с.
90. Ефремов, Н. Н. С. Васильев «Аччыгый уол» хоһоонунан суруллубут романыгар этии туттуллуута = Конструкция предложений текста романа в стихах “Младший сын” С. Васильева / Н. Н. Ефремов // Сергей Васильев-Борогонскай: поэт уонна гражданин (Сергей Васильев: поэт и гражданин) / [сост.: С. Е. Ноева; отв. ред. Л. Н. Романова]. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2007. – С. 95-100.
91. Жабоева, Е. А. Диалектика преемственности в северокавказской поэзии (на примере балкарской поэзии): специальность 10.01.02 "Литература народов Российской Федерации": автореферат дис. ... доктора филол. наук / Жабоева Екатерина Ахматовна. – Нальчик, 2005. – 31 с.
92. Жирков, А. Н. Грани поэта / А. Н. Жирков // С. С. Васильева-Донская. Наш отец – поэт Сергей Васильев-Борогонский. – Якутск: Бичик, 2007. – С. 3-4.
93. Жиркова, Р. Р. Сергей Васильев оҕолорго олонхолоро = Олонхо для детей, созданные Сергеем Васильевым / Р. Р. Жиркова. // Илин. – 2002. – №3. – С. 27-29.

94. Жирмунский, В. М. Композиция лирических стихотворений / В. М. Жирмунский. – Петербург: Опояз, 1921. – 109 с.
95. Жирмунский, В. М. Рифма, ее история и теория / В. М. Жирмунский. – Петербург: Академия, 1923. – 240 с.
96. Жирмунский, В. М. Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки / В. М. Жирмунский. – Москва-Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – 434 с.
97. Заболоцкий, Н. М. Сергей Ыстапаанабыс Баһылайап = Сергей Степанович Васильев / Nj.Saabыlыskaj // Саҥа олоҕу айабыт = Творим новую жизнь. – Якутск, 1934. – С. 246-250.
98. Илларионов, В. В. Олонхосуты-писатели и их олонхо / В. В. Илларионов // Олонхо – духовное наследие народа Саха: Сборник научных статей. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2000. – С. 160-170.
99. Илларионов, В. В. Сергей Васильев оҕолорго олоҥхолоро = Олонхо Сергея Васильева для детского чтения / В. В. Илларионов // Сергей Васильев-Борогонскай: поэт уонна гражданин (Сергей Васильев: поэт и гражданин) / [сост.: С. Е. Ноева; отв. ред. Л. Н. Романова]. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2007. – С. 95-100.
100. Илларионов, В. В., Илларионова, Т. В. Эрилик Эристиин – олоҥхоһут-суруйааччы уонна кини олоҥхолоро = Эрилик Эристиин – писатель-олонхосут и созданные им олонхо / В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова // Режим доступа: http://old.theatreolonkho.ru/articles/1788-erilik-eristiin-olonhohut-surujaachchy-uonna-kini-olonholoro.html (дата обращения 29.10.2019).
101. Илларионов, В. В., Илларионова, Т. В. Введение в курс “Олонховедение” / В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова. – Якутск: изд-во “Бичик”, 2009. – 48 с.
102. Илларионова, Т. В. Текстология олонхо “Могучий Эр Соготох”. Сравнительный анализ разноверменных записей / Т. В. Илларионова. – Новосибирск: “Наука”, 2008. – 95 с.
103. История якутской литературы: (середина XIX - нач. XX в.) / Н. Н. Тобуроков [и др.]. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1993. – 196 с.

104. Кардашевский, Г. Р. «Аччыгый уол» = “Младший сын” / Г. Р. Кардашевский // Хотугу сулус. – Якутск, 1961. – №6. – С. 137-142.
105. Квятковский, А. П. Поэтический словарь / Науч.ред. и сост. И.Б. Роднянская. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: РГГУ, 2013. – 584 с.
106. Кириллин, Н. Чаҕылхай салайааччы этэ = Был ярким руководителем / Н. Кириллин // Биһиги Сэргэйбит: ыстатыйалар, ахтыылар. = Наш Сергей: статьи, воспоминания. – Якутск: Бичик, 1997 – С. 57-62.
107. Копырин, Н. З. Изобразительные средства якутской поэзии. / Н. З. Копырин. – Якутск: Национальное кн. изд-во «Бичик», 1997. – 176 с.
108. Копырин, Н. З. Өлбөт өрөгөй (Поэт Сергей Васильев олоҕо, үлэтэ, айымньыта) = Бессмертие (О жизни и творчестве Сергея Васильева) / Н. З. Копырин. – Якутск: ИГИ АН РС(Я) 2007. – 103 с.
109. Корякина, А. Ф. Мотивы одноименных олонхо Н. И. Степанова-Ноорой, Н. М. Тарасова и С. С. Васильева-Борогонского "Кюн Эрили": сравнительный анализ / А. Ф. Корякина // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Эпосоведение. – 2017. – № 2(6). – С. 37-45.
110. Кошелева, А. Л. Поэзия Н. Г. Доможакова: тематика, поэтика, типология / А. Л. Кошелева // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2016. – № 2(14). – С. 24-31.
111. Кудияров, А. В. Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири. / А. В. Кудияров. – М.: ИМЛИ, 2002. – 329 с.
112. Кузьмина, А. А. Олонхо Вилюйского региона: бытование, сюжетно-композиционная структура, образы / А. А. Кузьмина. – Новосибирск: Наука, 2014. – 158 с.
113. Кузьмина, А. А. К вопросу о трансформации якутского героического эпоса олонхо: постановка проблемы, систематизация и периодизация / А. А. Кузьмина // Научный диалог. – 2019. – № 10. – С. 280-294.
114. Кулаковский, А. Е. Научные труды. [Подготовили к печати: Н. В. Емельянов, П. А. Слепцов]. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – 484 с.

115. Кулаковская, Л. Р. Научная биография А. Е. Кулаковского: личность поэта и его время / Л. Р. Кулаковская; отв. ред.: П. В. Максимова. – Новосибирск: Наука, 2008. – 296 с.

116. Кулачиков, С.Р. О наших творческих достижениях и недостатках / С. Кулачиков-Элляй // Социалистическая Якутия. – 1940. – 4 сентября.

117. Кулачиков, С.Р. Наши задачи / С. Кулачиков-Элляй // Социалистическая Якутия. – 1946. – 7 июля.

118. Кунафин, Г. С. Вопросы классификации поэтических жанров на типы (на примере башкирской лирики досоветского периода) / Г. С. Кунафин // Проблемы востоковедения. – 2011. – № 2(52). – С. 41-48.

119. Кылатчанов, С. Өр сыллаах доҕордоһуу бэлиэтэ = Символ многолетней дружбы / С. Кылатчанов // Биһиги Сэргэйбит: ыстатыйалар, ахтыылар. = Наш Сергей: статьи, воспоминания. – Якутск: Бичик, 1997. – С. 67-82.

120. Лазутин, С. Г. Поэтика русского фольклора: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. / С. Г. Лазутин. – М.: Высш. школа, 1981. – 221 с.

121. Ларионов, П. И. След на земле / П. И. Ларионов // Биһиги Сэргэйбит: ыстатыйалар, ахтыылар. = Наш Сергей: статьи, воспоминания. – Якутск: Бичик, 1997. – С. 103-112.

122. Ларионова, А. С. Специфика музыки традиционного жанра поэмы-тойука / А. С. Ларионова // Культура и цивилизация. – 2018. – Т. 8. – № 5А. – С. 97-104.

123. Ласица, Е. В. Биография писателя и культура / Е. В. Ласица // Язык и культура (Новосибирск). – 2014. – № 10. – С. 109-113.

124. Лебедев, А. А. Поэтический синтаксис П.А. Вяземского: автореферат дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Лебедев Александр Александрович. – Санкт-Петербург, 2016. – 22 с.

125. Литература Якутии XX века (Историко-литературные очерки): Коллективная монография / Л. Н. Романова, Д. Е. Васильева, А. А. Билюкина [и др.]. – Якутск: Бичик, 2005. – 728 с.

126. Лихачев, Д. С. Текстология: Краткий очерк / Д. С. Лихачев. – Москва; Ленинград: Наука. [Ленингр. отд-ние], 1964. – 102 с.

127. Лихачев, Д. С., Алексеев, А. А., Бобров, А. Г. Текстология (на материале русской литературы X-XVII вв.). – СПб.: Алетейя, 2001. – 759 с.

128. Максимова, П. В. Жанровая типология якутской поэзии: Вопросы эволюции и классификации форм / П. В. Максимова; отв. ред.: Н. Н. Тобуроков. – Новосибирск: Наука, 2002. – 255 с.

129. Малкина, В. Я. Жанр баллады в творчестве А. Галича (постановка проблемы) / В. Я. Малкина // Новый филологический вестник. – 2008. – № 2(7). – С. 104-108.

130. Манн, Ю. В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме / Ю. В. Манн. – М.: «Coda», 1996 – 474 с.

131. Манчурина, Л. Е. Сергей Васильев-Бороҕонскай айымньыларыгар истилистиичэскэй ньыманы туттар уратыта (Аҕа дойду сэриитин туһунан хоһоонноро) = Своеобразие стилистических приемов в поэзии Сергея Васильева-Борогонского (произведения на тему Великой Отечественной войны) / Л. Е. Манчурина // Сергей Васильев-Борогонскай: поэт уонна гражданин (Сергей Васильев: поэт и гражданин) / [сост.: С. Е. Ноева; отв. ред. Л. Н. Романова]. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2007. – С. 82-86.

132. Мелетинский, Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники / Е. М. Мелетинский. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – 462 с.

133. Мирзоев, Е. А. Эпифора как средство образного восприятия в лирическом жанре / Е. А. Мирзоев // Казанская наука. – 2020. – № 12. – С. 180-182.

134. Никитина, Н. Г. Сергей Васильев оҕолорго олонхолоро = Олонхо для детского чтения Сергея Васильева / Н. Г. Никитина // Сергей Васильев-Борогонскай: поэт уонна гражданин (Сергей Васильев: поэт и гражданин) / [сост.: С. Е. Ноева; отв. ред. Л. Н. Романова]. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2007. – С. 130-135.

135. Новые работы по якутскому фольклору // Социалистическая Якутия. – 1945. – 17 июля.

136. Ноева, С. Е. Роман в стихах С. С. Васильева-Борогонского “Аччыгый уол”: к проблеме эволюции жанра / С. Е. Ноева // Сергей Васильев-Борогонскай: поэт уонна гражданин (Сергей Васильев: поэт и гражданин) / [сост.: С. Е. Ноева; отв. ред. Л. Н. Романова]. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2007. – С. 100-104.
137. Ойунский, П. А. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание // П. А. Ойунский. Талыллыбыт айымньылар. (Избранные произведения. В 2-х томах. Рассказы, повести, воспоминания, статьи, выступления. Том II). – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1975. – С. 292-358.
138. Окорокова, В. Б. Ойуунускай: олоҕо уонна айар үлэтэ = Ойунский: жизнь и творчество / В. Б. Окорокова. – Якутск: Ситим-Медиа, 2013. – 470 с.
139. Окорокова, В. Б. Художественные проблемы в автоиндентификации личности П. А. Ойунского, как писателя-философа / В. Б. Окорокова // Олонхо в мировом эпическом пространстве: наследие П. А. Ойунского: сборник тезисов по материалам Международной научной конференции. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2018. – С. 3-4.
140. Окорокова, В. Б. Философские ракурсы творчества П. А. Ойунского / В. Б. Окорокова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: «Вопросы национальных литератур». – 2021. – № 1 (01). – С. 26-35. Режим доступа: https://litteraesvfu.ru/index.php/journal1/article/view/53/33 (дата обращения 20.12.2021).
141. Олонхо утума – үөрэх эйгэтигэр = Наследие олонхо в образовательной сфере / [сост.: Н. И. Филиппова, Е. П. Чехордуна, Д. Г. Ефимова]. – Якутск: Компания «Дани-Алмас» – 2009. – 96 с.
142. Петров, В. Т. Роль фольклора в зарождении якутской литеатуры / В. Т. Петров. – Якутск, 1972. – 95 с.
143. Петров, В. Т. Фольклорные традиции в якутской советской литературе / В. Т. Петров. – М.: Наука, 1978. – 137 с.

144. Пивкина, Е. В. Специфика жанра баллады в Отечественной поэзии 1990-2000-х гг.: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. / Пивкина Екатерина Васильевна. – Саранск, 2019. – 252 с.

145. Пирожков, И. И. Сэргэй олоҕун ыар куннэрэ = Тяжелые дни жизни Сергея / И. И. Пирожков // Мүрү саһарҕата. – 1997. – 17 июля.

146. Подобрий, А. В. Преемственность – традиция – диалог – новаторство (к вопросу о литературной эволюции) / Анна Витальевна Подобрий // Мировая литература в контексте культуры. – Пермь, 2013, № 2 (8). – С. 139-144.

147. Покатилова, Н. В. Проблемы поэтики якутского олонхо: опыт анализа / Н. В. Покатилова // Язык-миф-культура народов Сибири: сборник научных трудов. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1994. – С.148-163.

148. Покатилова, Н. В. Якутская аллитерационная поэзия: генезис литературного текста / Н. В. Покатилова; Отв. ред.: С. Ю. Неклюдов. – Москва: Издательско-полиграфическая фирма "Айыына", 1999. – 163 с.

149. Покатилова, Н. В. Трансформация эпического жанра в письменной традиции: к постановке проблемы "литературного" олонхо / Н. В. Покатилова // Эпический текст: проблемы и перспективы изучения: материалы I Международной научной конференции. – Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2006. – С. 111-114.

150. Поликарпова, Е. М., Гоголева, М. Т. Олоҥхону – ыччакка: Учуутал кинигэтэ = Олонхо – молодому поколению: Пособие для учителей / Е. М. Поликарпова, М. Т. Гоголева. – Якутск: Кудук, 1998. – 62 с.

151. Попов, Л. А. Дьэ, далааһыннаах киһи этэ! = Это был человек большого размаха! / Леонид Попов // Биһиги Сэргэйбит: ыстатыйалар, ахтылар. = Наш Сергей: статьи, воспоминания. – Якутск: Бичик, 1997. – С. 49-54.

152. Поскачин, В. Саха уус-уран литературатыгар баар итэҕэстэр тустарынан = О некоторых недостатках якутской художественной литературы / В. Поскачин // Кыым. – 1944. – 4, 5 апреля.

153. Поскачин, В. Ленскэй туохтан абатыйарый? = От чего гневается Ленский? / В. Поскачин // Кыым. – 1946. – 7 апреля.

154. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко]. – М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. – 357 с.
155. Пухов, И. В. Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. / И. В. Пухов. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 256 с.
156. Пухов, И. В. От фольклора к литературе. Сборник статей. / И. В. Пухов. – Якутск: Кн. изд-во, 1980. – 128 с.
157. Пухов, И. В. Якутский героический эпос – олонхо. Публикации, перевод, теория, типология: избранные статьи / И. В. Пухов; [редкол.: В. Н. Иванов (отв. ред), С. Д. Мухоплева, В. М. Никифоров]. – Якутск: Изд-во СО РАН, Якут. фил., 2004. – 207 с.
158. Рейсер, А. С. Основы текстологии. Изд. 2-е. Учебное пособие для студентов педагогических институтов / А. С. Рейсер. – Л., «Просвещение», 1978. – 176 с.
159. Решетникова, А. П. Фонд сюжетных мотивов и музыка олонхо в этнографическом контексте / А. П. Решетникова. – Якутск: Бичик, 2005. – 408 с.
160. Романова, Л. Н. А. Е. Кулаковский и его современники: особенности поэтического языка / Л. Н. Романова; отв. ред.: Н. Н. Тобуроков. – Новосибирск: Наука, 2002. – 120 с.
161. Романова, Л. Н. Фольклорные истоки якутской поэзии / Л. Н. Романова // Проблемы востоковедения. – 2009. – № 1(43). – С. 119-123.
162. Романова, Л. Н. Запись варианта «ВТ»… (комментарий) / Л. Н. Романова // Кулаковский А.Е. Сүрүн тиэкистэр варианнара, списоктара, бэчээттэммэтэх айымньылар уонна dubia / Рукописные варианты основных текстов, списки, неопубликованные произведения и dubia. Т. 2. Сост. Л. Р. Кулаковская, отв. ред.: П. В. Максимова. – Новосибирск: Наука, 2018. – 760 с.
163. Романова, Л. Н. Диалогичность в повествовательной структуре поэзии А. Е. Кулаковского / Л. Н. Романова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14. – № 7. – С. 1999-2005.
164. Семенов, В. А. Фольклорные сюжеты и мотивы в творчестве П. А. Ойунского / В. А. Семенов; отв. ред.: Н. В. Емельянов. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1966. – 82 с.

165. Семенов, В. А. Творчество П. А. Ойунского и становление социалистического реализма в якутской советской литературе / В. А. Семенов. – Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1980. – 232 с.

166. Семенова, В. Г. Личность и творчество Анемподиста Софронова-Алампы в контексте зарождения становления якутской литературы: дис. … доктора филол. наук: 10.01.02. / Семенова Валентина Григорьевна. – Якутск, 2018. – 566 с.

167. Сивцев, Д. К. Сэргэй = Сергей / Д. К. Сивцев-Суорун Омоллоон // Васильев С.С. Өлбөт өрөгөй: Хоhооннор, поэмалар = Бессмертие: Стихотворения, поэмы. – Якутскай: Кинигэ изд-вота, 1988. – С. 3-8.

168. Сивцева-Максимова, П. В., Степанова, В. Е. История текстов литературных олонхо С. С. Васильева (на материале прижизненных изданий и рукописей) / П. В. Сивцева-Максимова, В. Е. Степанова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Эпосоведение. – 2020. – № 1(17). – С. 122-135.

169. Сивцева-Максимова, П.В. Источниковедческие ракурсы комплексного исследования олонхо / П. В. Сивцева-Максимова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Эпосоведение. – 2019. – № 4(16). – С. 22-30.

170. Сивцева-Максимова, П.В., Ильина, Н. И. Фольклорные истоки как моделирующие категории в художественных текстах А. Е. Кулаковского / П. В. Сивцева-Максимова, Н. И. Ильина // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: «Вопросы национальных литератур». – 2021. – № 1 (01). – С. 41-52. Режим доступа: https://litteraesvfu.ru/index.php/journal1/article/view/55/35 (дата обращения 01.12.2021).

171. Сидоров, Е. С. Очерки по олонхо: Монография / Е. С. Сидоров. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2004. – 132 с.

172. Скиба, В. А., Чернец, Л. В. Художественный образ. Виды образа // Введение в литературоведение. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – С. 21-45.

173. Скороходов, М. В. Сергей Есенин: истоки творчества (вопросы научной биографии) / М. В. Скороходов. – М.: ИМЛИ РАН, 2014. – 384 с.
174. Слепцов, П.А. Якутский литературный язык: формирование и развитие общенациональных норм / П. А. Слепцов; отв. ред. Е. И. Коркина. – Новосибирск: Наука, 1990. – 288 с.
175. Словарь литературоведческих терминов. Сост.: Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. – М., «Просвещение», 1974. – 509 с.
176. Степанова, В. Е. Фольклорные образы народа саха в творчестве С.С. Васильева / В. Е. Степанова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2012. – Т. 9. – № 4. – С. 103-109.
177. Степанова, В. Е. Фольклорные традиции в публицистической поэзии С. С. Васильева / В. Е. Степанова // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 1(86). – С. 323-326.
178. Султанов, К. К. Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект / К. К. Султанов. – М.: ИМЛИ РАН, 2019. – 352 с.
179. Сыромятников, Г. С. Литературно-художественная критика в Якутии (1939-1975 гг.]: Ист.-лит. очерк / Г. С. Сыромятников. – Якутск: Кн. изд-во, 1990. – 360 с.
180. Сыромятникова, А. С. Сэргэй туһунан = О Сергее / Анастасия Сыромятникова // Биһиги Сэргэйбит: ыстатыйалар, ахтыылар. = Наш Сергей: статьи, воспоминания. – Якутск: Бичик, 1997 – С. 186-195.
181. Таб. Поскачин алҕастарын туһунан = О неверных размышлениях товарища Поскачина // Кыым. – 1944. – 9 апреля.
182. Теория литературы: Учебное пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. Заведений: В 2 т. / Под редакцией Н. Д. Тамарченко – Т.I: Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М.: Издательский центр “Академия”, 2004. – 512 с.
183. Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н. Д. Тамарченко. – Т. 2: Бройтман С. Н. Историческая поэтика. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 368 с.

184. Тобуроков, Н. Н. Труды по тюркскому стихосложению: монография / Н. Н. Тобуроков. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2018. – 504 с.

185. Тобуроков Н. Н. Ритмико-интонационная структура олонхо // Олонхо – духовное наследие народа Саха: Сборник научных статей. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2000. – С. 144-150.

186. Томашевский, Б.В. Теория литературы. Поэтика: учебное пособие / Вступ. статья Н. Д. Тамарченко; Комм. С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тамарченко. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 334 с.

187. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – М.: Наука, 1977. – 574 с.

188. Федотов, О. И. Основы теории литературы: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – Ч.1: Литературное творчество и литературное произведение. – 272 с.

189. Филиппов, Г. Г., Готовцева, А. М. С. С. Васильев хоhоонунан айымньыларын тэҥнэбиллэрэ = Сравнения в стихотворных произведениях С. С. Васильева / Г. Г. Филиппов, А. М. Готовцева // Сергей Васильев-Борогонскай: поэт уонна гражданин (Сергей Васильев: поэт и гражданин) / [сост.: С. Е. Ноева; отв. ред. Л. Н. Романова]. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2007. – С. 55-68.

190. Филиппов, Г. Г. О сюжете олонхо «Буура Дохсун» / Г. Г. Филиппов // Олонхо в мировом эпическом пространстве: наследие П.А. Ойунского: сборник тезисов по материалам Международной научной конференции. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2018. – С. 69-71.

191. Филиппова, Н. И. Олонхону оскуолаҕа үөрэтии историятыттан = Из истории изучения олонхо в школе / Н. И. Филиппова // Чолбон. – 2006. – №11. – С. 87-88.

192. Хазанкович, Ю. Г. Эпические традиции в прозе коренных малочисленных народов Арктики: монография / Ю. Г. Хазанкович; отв. ред. Ч. Г. Гусейнов. – М.: ФЛИНТА, 2019. – 416 с.

193. Хализев, В. Е. Теория литературы: Учебник / В. Е. Хализев. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2005. – 405 с.

194. Хуббитдинова, Н. А. Художественное отражение фольклорных традиций в творчестве Ш. Бабича: к 120-летию башкирского поэта / Н. А. Хуббитдинова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2015. – № 2(48). – С. 221-226.

195. Частных, В. В. Жанр художественной биографии в творчестве А. Н. Варламова: автореферат дис. … канд. филол. наук: 10.01.01 / Частных Валерий Владимирович. – Тверь, 2020. – 19 с.

196. Чернец, Л. В. Литературные жанры: проблемы типологии и поэтики / Л. В. Чернец. – М.: Изд-во Московского университета, 1982. – 193 с.

197. Чехордуна, Е. П. Этнокультурные основы педагогики олонхо / Е. П. Чехордуна. – Киров: Международный центр научно-исследовательских проектов, 2013. – 118 с.

198. Чиряев, В. Г. “Арамаан артыала” / Валерий Чиряев // Эдэр коммунист. – 1967. – 24 сентября.

199. Чурапчы олонхоһуттара: антология [сост.: М. А. Герасимова, Е. Н. Протодьяконова, Р. Н. Анисимов, К. М. Тарабукина; редкол.: В. Н. Иванов и др.; отв. ред.: В. В. Илларионов]. – Якутск: Алаас, 2015. – 376 с.

200. Шор, Р. О. Баллада. / Р. Шор // Литературная энциклопедия. Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/LITENC/ENCYCLOP/le1/le1-3072.htm (дата обращения 20.12.2021).

201. Щербак, А. М. Соотношение аллитерации и рифмы в тюркском стихосложении / А. М. Щербак // Народы Азии и Африки. – 1962. – №2. – С. 143-148.

202. Эргис, Г.У. Очерки по якутскому фольклору. / Г. У. Эргис; [отв. ред.: В. Е. Гусев; отв. за переизд.: В. М. Никифоров]; – Переизд. – Якутск: Бичик, 2008. – 400 с.

203. Эрилик Эристиин туһунан: Ахтыылар = Воспоминания об Эрилик Эристиине / [сост.: Н. В. Филиппов]. – Якутск: Якутское кн. ид-во, 1992. – 144 с.

204. Үйэлэри үрдүнэн үлдьү көтөн = Взлетая сквозь века / [сост.: Ф. К. Слепцова]. – Борогонцы, 2007. – 112 с.

205. Яковлева, В. Д. Поэтика цикла в творчестве С. Васильева-Борогонского / В. Д. Яковлева // Сергей Васильев-Борогонскай: поэт уонна гражданин (Сергей Васильев: поэт и гражданин) / [сост.: С. Е. Ноева; отв. ред. Л. Н. Романова]. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2007. – С. 68-70.

206. Якутские народные песни. Саха народнай ырыалара. Ч. 3: Песни советского периода. Советскай кэмнэєҕи ырыалар / Акад. наук СССР, Якут. фил. Сиб. отд-ния, Ин-т яз., лит. и истории. – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1980. – 304 с.

III. Архивные документы

207. Машинописный текст стихотворений и поэм, подготовленный для издания «Избранных произведений» от 1965 г. // ф. 1081, опись 5, ед.хр. 5. Национальный архив Республики Саха (Якутия).

208. «Стенограмма заседания по вопросам обсуждения якутской поэзии (декада якутской литературы и искусства в Москве) от 13 декабря 1957 г.» //ф. 1359, опись 1, ед. хр. 57. Национальный архив Республики Саха (Якутия).

209. Машинописный текст, подготовленный для издания I тома сборника «Якутская советская поэзия» на русском языке от 1953 г., Составители: С.С. Васильев, Л.А. Попов, Софр. П. Данилов // ф. 1359, опись 3, ед. хр. 275. Национальный архив Республики Саха (Якутия).

210. Машинописный текст аннотации (обзор-рецензия) произведений С. С. Васильева. Аннотация составлена Н. М. Заболоцким в 1950 г. // ф. 1359 опись 3, ед. хр. 3. Национальный архив РС(Я).

211. «Правление Союза советских писателей Якутии. Рецензия на книги стихов якутский писателей за 1947-1963 гг.». Автор рецензии не указан // ф. 1359, опись 3, ед. хр. 304. Национальный архив РС(Я).

212. С. С. Васильев-Борогонский // ф. 3, опись № 13 дел С.С. Васильева-Борогонского (всего 180 наименований документов). Научно-исследовательский центр книжных памятников Национальной библиотеки имени А. С. Пушкина Республики Саха (Якутия).